

Сабатини Рафаэль

Рыцарь таверны

Рафаэль САБАТИНИ

РЫЦАРЬ ТАВЕРНЫ

Глава 1

Помощь убийце

Человек по прозвищу "Рыцарь Таверны" разразился зловещим хохотом, казалось, это смеется сам Сатана.

Он сидел в желтом кругу света, отбрасываемого двумя высокими свечами, подсвечниками которым служили две пустые бутылки из-под вина, и с презрением глядел на молодого человека в черной одежде с бледным лицом и подрагивающими губами, стоящего в углу комнаты. Он захохотал снова и хриплым пропитым голосом затянул песню, вытянув при этом длинные ноги, так что его шпоры позвякивали в такт мотиву:

Залью вина я милой в глотку

И поцелуем одарю!

Затем ее свалю я в лодку

И о любви поговорю!

Е-хо-хо, тирлим бом-бом

Вниз, вниз, под юбку, старина.

Вкуси момент сполна!!!

Вниз, вниз, дерри-ду

Бери сейчас задаром,

Господь заплатит мзду!!!

Иди дорогой верной,

О, рыцарь молодой.

И насладись без меры

Пастушкой молодой.

Пускай она дерется,

Взывает к небесам.

Господь лишь посмеется

И насладится сам!!!

Вниз, вниз, дерри-ду

Бери сейчас задаром,

Господь заплатит мзду...

Молодого человека передернуло от слов этой песенки.

- Довольно! - воскликнул он с отвращением и сделал шаг вперед. - Или коль уж у тебя возникла нужда покаркать, выбери песню поумней.

- Цыц, малявка! - Буян откинул с длинного худощавого лица спутанную прядь волос и неожиданно устремил на юношу пронзительный взгляд, зрачки его сузились до размера кошачьих, и он снова захохотал. - Клянусь Богом, мастер Стюарт, ваше безрассудство уберезет вас от седой старости! Какое вам дело до того, какие песенки я распеваю? Клянусь ранами Исусика, целых три изнурительных месяца я подавлял в себе всякие чувства и драг от хрипоты горло, вознося молитвы Всевышнему. Три месяца я был ходячим воплощением библейского усердия и веры, и вот, наконец, когда мы стряхнули пыль твоей нищей Шотландии с наших сапог, ты, щенок, упрекаешь меня, потому что бутылка пуста, и я лишь пою, чтобы отвлечься от этой гнусной мысли!

Юноша наградил его презрительной гримасой и отвернулся.

- Когда я вступил в ряды отряда Мидлтон Хорс. И начал службу под вашим началом, я считал вас по крайней мере джентльменом.

На мгновение в глазах его компаньона вспыхнул зловещий огонек. Затем он в который раз закрыл глаза.

- "Джентльмен"! - передразнил он его. - Джентльмен! А что же вы можете знать о джентльменах, сэр Скот? Может, по-вашему, джентльмены - это Джек Пресбутер или брюзжащие отцы пресвитерианской церкви, важные, точно вороны в сточной канаве? Клянусь небом, мальчик, когда мне было столько же, сколько тебе, и еще был жив Джордж Виллиерс...

- О, довольно об этом, - нетерпеливо прервал его юноша. - Я оставлю вас, сэр Криспин, наедине с нашей бутылкой, карканьем и воспоминаниями.

- Действительно! Не пойти бы вам, юноши, в неприличное местечко!! Вы плохая компания даже для покойников. Вон дверь, и если вам случится свернуть себе шею на лестнице, это будет на пользу ним обоим. Гребите отсюда, пащенок вселенной!

С этими словами сэр Криспин Геллиард снова откинулся в кресло и затянул прерванный мотив:

Но она вскричала, что сойдет

Завтра к Рождеству

И там сожрет червей помет

На праздничек к столу.

Тирлим, бом-бом, дерри-ду.

И земляных червей помет

Ей станет кушаньем в аду...

В этот момент раздался громкий стук в дверь, а вслед за ним задыхающийся голос:

- Крис! Открой, Крис! Открой во имя Христа!

Сэр Криспин резко оборвал песню, а юноша, собиравшийся покинуть комнату, остановился в нерешительности, глядя на своего компаньона.

- Ну, мой милый Стюарт, - промолвил Геллиард. - Чего вы ждете?

- Ваших приказаний, сэр, - последовал угрюмый ответ.

- Моих приказаний! Пусть захрустят мои косточки на крысиных зубах, за дверью человек, которому некогда ждать! Открой дверь, несусветный глупец!

Понукаемый грубыми окриками молодой человек отодвинул засов, и дверь тотчас распахнулась. В комнату, тяжело дыша, ввалился долговязый солдат в доспехах. Его грубое лицо было пепельного цвета то ли от измождения, то ли еще от чего другого. В следующее мгновение он закрыл за собой дверь и повернулся к Геллиарду, который привстал из-за стола, с изумлением глядя на вошедшего.

- Я ищу убежища, Крис. Спрячь меня куда-нибудь, - задыхаясь проговорил с ирландским акцентом беглец. - Господи, спрячь меня, или утром я буду болтаться на виселице!

- Старина Хоган! Клянусь небом! Что произошло? Уж не Кромвель ли напал на нас?

- Кромвель, говоришь? Это было бы полбеды. Я убил человека!

- Если он отбросил копыта и гостит у наших дедушек, то зачем бежать?

Ирландец сотворил над своей головой нетерпеливый крест.

- За мной гонится отряд из "Монтгомери Фут", они подняли на ноги весь Пенрит, и если поймут меня, то не будет времени даже исповедаться. Король поступит со мной точно так же, как с бедным Райкрафтом два дня назад в Кендале.

Он вскочил, услышав топот ног и крики, доносящиеся с улицы: - Боже милосердный! Найдется у вас какая-нибудь нора, где бы я мог отлежаться?

- Вверх по лестнице и в мою комнату, живо! - коротко приказал Криспин. - Я с ними потолкую. Давай!

Как только Хоган выскочил из комнаты, Криспин повернулся к своему молодому спутнику, который молча взирал на происходящее. Из кармана камзола он извлек засаленную колоду карт.

- За стол! - бросил он короткую фразу. Но мальчик, догадавшись о его намерениях, отшатнулся от карт, как от чего-то нечистого.

- Ни за что, - начал он. - Я не...

- За стол! - прорычал Криспин. - Сейчас не время для церковных проповедей. За стол или, клянусь непорочным зачатием, это будет первая и последняя игра в твоей жизни, слизняк!

Он произнес эти слова тоном, не терпящим возражений. Напуганный юноша придвинул стул,

в душе оправдывая свою трусость тем, что он пошел на это только ради спасения человеческой жизни.

Геллиард сел напротив него с идиотской улыбкой, которая заставила мальчика содрогнуться. Взяв колоду, он бросил часть карт на стол, а другие раскрыл веером в руке, имитируя игру. Юноша молча последовал его примеру.

Лязганье оружия послышалось совсем рядом. За окнами замаячили огни фонарей, а двое продолжали сидеть за столом, делая вид, что они озабочены только игрой.

- Помилосердствуйте, мастер Стюарт! - громко пророкотал Криспин, зорким взглядом подметив очертания лица, наблюдающего за ними через окно. - Я играю короля пик!!

Дверь содрогнулась от сильного удара, за которым последовал приказ:

- Именем короля, откройте!!

Сэр Криспин тихо изрыгнул проклятие, затем поднялся и, бросив последний предостерегающий взгляд на Кеннета, пошел открывать. Подобно тому, как несколько минут назад он приветствовал Хогана, Геллиард поклонился солдатам и горожанам, толпящимся за их спинами.

- Что за шум, джентльмены? Неужели на нас напал Султан Оливер?

В одной руке он продолжал держать карты, другой придерживал приоткрытую дверь. Из толпы выступил молодой прапорщик.

- Вы большой весельчак, сэр Криспин. Один из офицеров лорда Мидлтона полчаса назад убил человека. Он ирландец по происхождению, его имя Хоган.

Лицо Криспина помрачнело.

- Хоган... Хоган? - он скорчил лицо, как будто стараясь что-то припомнить. - Да, вспомнил! Хоган - ирландец с седой тупоумной башкой и горячим темпераментом. Вы говорите, его убили?

- Нет, убийство совершил он.

- Да... это больше похоже на правду. Думаю, это не первый его поступок.

- И я думаю, он будет последним, сэр Криспин.

- Вполне возможно. С тех пор как мы пересекли границу между Англией и Шотландией, его величество стал строже относиться к дисциплине. Но зачем вам понадобилось все это сообщать мне? Я очень сожалею, но в моем бедном доме не найдется ничего, что можно было бы выпить за здоровье его величества, прежде чем вы продолжите свой путь. Позвольте пожелать вам спокойной ночи, а нам разрешите вернуться к своей игре. - Он сделал шаг назад, собираясь закрыть дверь и давая понять, что разговор закончен.

Офицер на мгновение заколебался.

- Мы думали... может быть... вы согласитесь помочь нам...

- Помочь вам? - вскричал Криспин, искусно изображая гнев. - Помочь вам схватить человека? Утопите меня, но я этого не сделаю. Я солдат, а не ищейка.

Щеки прапорщика порозовели от скрытого оскорбления.

- Есть люди, сэра Криспин, которые вас зовут несколько иначе.

- Вполне возможно - когда меня нет рядом, - поддразнил его Криспин. - В мире полно пустых голов с длинными языками. Однако, господа, ночь прохладная, а вы явились не совсем кстати, поскольку, как вы, наверное, успели заметить, я был занят игрой. Поэтому я буду вам весьма признателен, если вы мне позволите закрыть дверь.

- С вашего позволения, сэра Криспин. Нам известно, что человек, которого мы ищем, побежал в этом направлении.

- Ну и что дальше? ваш дом.

Криспин зевнул.

- С вашего позволения, мы вынуждены обыскать и дом.

- Я думаю, что могу облегчить вам работу. Он не мог проникнуть в дом незамеченным - на протяжении двух часов я не покидал этой комнаты.

Офицер покраснел, как помидор.

- Этого недостаточно. Мы должны убедиться лично!

- Убедиться лично? Вы что, не верите моим словам? Послушайте, господа нахалы!! - проревел он таким голосом, что все невольно попятнулись. - Сперва вы предлагаете мне превратиться в ищейку, затем повторяете грязные сплетни, которые распускают обо мне пустые тыквы и злые языки, и, под конец, ставите под сомнения мои слова! Если вы сию же минуту не уберетесь от моего порога, я предоставлю вам полный набор доказательств, которых вы так жаждете, и может даже добавлю чуть-чуть сверх того! Спокойной ночи!!! Под его бурным натиском прапорщик сник.

- Я доложу об этом генералу Монтгомери, - пригрозил он.

- Да хоть самому дьяволу! Если бы вы исполняли свои обязанности, как подобает, вы бы нашли мои двери гостеприимно распахнутыми. Обида нанесена мне, и поэтому жалобщиком буду я. Посмотрим, как отнесется король к тому, что его старого солдата, в течение шестнадцати лет разделявшего тяготы королевской семьи, оскорбляет мерзавец с пометом бесноватой курицы вместо мозгов.

Младший офицер остановился в нерешительности. По собравшейся толпе пробежал ропот. Затем офицер повернулся, чтобы посоветоваться с пожилым сержантом, стоящим рядом с ним. Сержант предположил, что беглец мог спрятаться где-то в другом месте. Кроме того, судя по словам сэра Криспина, он считал, что его проникновение в дом совершенно исключалось. Принимая во внимание и тот факт, что, препираясь с сэром Криспином, они потеряют кучу времени и заработают массу неприятностей (неизвестно ведь, в каких отношениях находится этот старый забияка с лордом Мидлтоном), прапорщик решил уступить и продолжить поиски в другом, более подходящем месте.

В дурном расположении Духа он покинул дом сэра Криспина, на прощанье пригрозив, что будет жаловаться самому королю, на что Геллиард громко хлопнул дверью.

Когда он вернулся к столу, на лице его играла тонкая улыбка.

- Мастер Стюарт, - проговорил он вполголоса, раздавая карты, - комедия еще не закончена. В окне маячит чья-то рожа, и я не удивлюсь, если за нами будут шпионить еще с часок. Этот смазливый молодой человек - прирожденный шпик.

Мальчик бросил на своего собеседника взор, полный молчаливого неодобрения. Пока Криспин разговаривал в дверях, он даже не сделал попытки покинуть свое место.

- Вы им солгали, - произнес он наконец.

- Ш-ш-ш-ш-ш-ш!!! Не так громко, мой мальчик. Давай уточним разницу между "сапрессиио вери" и "сапрессиио фолси".

- Но ложь! Боюсь, сэра, я на это не способен.

- Ну, если ты пожелаешь, завтра я отчитаюсь перед тобой за то, что поранил твою нежную душу лжесвидетельством в твоём присутствии. А сегодня нам предстоит спасти человеческую жизнь, а это задача не из легких. Продолжим нашу игру, мастер Стюарт, за нами наблюдают.

Его холодный взгляд заставил Кеннета подчиниться. И мальчик, не желая участвовать в спасении Хогана, но из страха перед этим взглядом, продолжал эту комедию, но его душа бурно протестовала. Он был воспитан в благочестивой, религиозной манере, и Хоган был для него грубым убийцей, грешным слугой меча, человеком, который, по его мнению, был позором любой армии - и особенно той, которая вторглась в Англию под покровительством Лиги и Ковенанта. Хоган был виновен в акте насилия - он убил человека. Криспин стал его соучастником. Что касается самого Кеннета, то он чувствовал себя не лучше, поскольку способствовал сокрытию преступника, а не его выдаче, что являлось его долгом перед законом. Но сейчас, сидя с прямым лицом под внимательным взором сэра Криспина, он утешал себя мыслью, что завтра изложит все дело перед лордом Мидлтоном и тем самым не только снимет с себя часть вины, но и избавится от нежелательной компании сэра Криспина, который получит по заслугам.

Но пока он продолжал сидеть, оставляя без внимания отдельные реплики своего компаньона, за окном сновали люди с фонарями, и время от времени чья-то физиономия прижималась к стеклу, следя за игроками.

Так минул час, в течение которого капитан Хоган сидел наверху, одолеваемый страхами и мучительными раздумьями.

Глава 2

Бегство сэра Хогана

Ближе к полуночи сэра Криспин, наконец, отложил карты и поднялся из-за стола. С момента появления ирландца прошло полтора часа. Шум на улице постепенно стих, и Пенрит снова, казалось, обрел покой. И все же Криспин был осторожен - этому его научила жизнь.

- Мастер Стюарт, - учтиво обратился он к юноше. - Уже поздно, и я не смею вас больше задерживать. Спокойной ночи!

Мальчик поднялся из-за стола. Какое-то мгновение он колебался.

- Завтра, сэра Криспин... - начал он угрожающим тоном.

Но хозяин таверны резко оборвал его:

- Оставим то, что случилось, до первых лучей солнца, мой друг. Позвольте пожелать вам еще раз доброй ночи. Возьмите с собой одну из этих вонючих свечек и ступайте спать.

Мальчик раздумывал, затем в угрюмом молчании взял одну из бутылок, в которую была воткнута свеча, и вышел из комнаты.

Криспин стоял у стола, и когда дверь за мальчиком закрылась, черты его лица смягчились. В груди старого вояки зародилась минутная жалость к этому юноше, с которым он так грубо обошелся. Хоть мастер Стюарт и был молокососом, но, по крайней мере, отличался честностью и великодушием от прочих дружков хозяина таверны, и он испытывал к нему самые добрые чувства. Подойдя к окну, Криспин распахнул его и высунулся наружу, якобы подышать свежим воздухом. При этом он мурлыкал себе под нос песенку "Лаб-тиб-тиб-дуба-а-а" на тот случай, если вблизи окажутся случайные зрители, которых он, разумеется, вовсе не желал.

С полчаса он вглядывался в каждую тень на улице. Наконец, убедившись, что за домом не следят, Криспин покинул свой наблюдательный пункт и закрыл ставни.

Поднявшись наверх, он обнаружил ирландца, растянувшегося на кровати прямо в сапогах.

- Клянусь душой! - воскликнул ирландец. - В жизни я не испытывал такого страха, как час назад.

- Да, возможно, сейчас я бы не разгуливал под твоими грязными пятками, последовал сухой ответ. - Теперь расскажи, что произошло?

- История довольно проста, клянусь бородой апостола Петра, - начал Хоган. - У хозяина "Ангела" есть дочка - сущий ангел (возможно, поэтому старик так и называл свой трактир), с изящной попкой и парой прелестных глаз, перед которыми не сможет устоять ни один настоящий мужчина. У нас завязалась крепкая дружба, как вдруг налетает, подобно демону, один придурок, которого я считал ее любовником, и, да простит ему Господь, - ударяет меня по лицу! Представляете, Крис! - При воспоминаниях об этом Хоган сконфузился. - Я взял его за шиворот и вышвырнул в сточную канаву - самое подходящее место для этого подонка. Теперь мы были квиты, и если бы этот пороссячий выродок предпочел это признать, все было бы в порядке. Но он на глазах у девушки вернулся, чтобы потребовать удовлетворения. Я дал ему удовлетворение, раз он так настаивал, и - дятел его заклюй! - он откинул копыта!

Криспин скользнул колючим взглядом по лицу ирландца.

- Скверная история.

- О Господи, я и без тебя знаю, что скверная! - воскликнул Хоган, простирая к Криспину руки. - Но что я мог сделать? Этот дурак бросился на меня с клинком в руке. Он вынудил меня вытащить меч.

- Но не убивать, Хоган!

- Это была случайность. Чтоб мне утонуть! Я целился в руку, но там было скверное освещение, и я проткнул его посередке.

Некоторое время Криспин сидел хмурый, затем лицо его разгладилось, как будто он выбросил это дело из головы.

- Ладно. Раз он мертв, то тут уже ничего не поделаешь.

- Да благословит Бог его душу! - пробормотал ирландец. Он набожно перекрестился и тем самым исчерпал тему разговора об убийстве.

- Надо пораскинуть мозгами, как тебе выбраться из Пенрита, - молвил Криспин. Затем, повернувшись и взглянув в добродушное лицо ирландца, добавил: - Мне будет жаль с тобой расставаться, Хоган.

- Сейчас явно не время проливать слезы прощания, я буду рад исчезнуть из города. Такие

походы мне по душе. А-а-а! Чарльз Стюарт, Оливер Кромвель, какая мне разница, кто победит: король или республика. Что я выгадаю в том или в другом случае? Клянусь жизнью, Крис, я исколесил немало стран и служил почти во всех армиях Европы, поэтому в военном искусстве я понимаю больше, чем все королевские генералы, вместе взятые. Неужели ты думаешь, что я удовольствуюсь лишь жалким обществом своей лошади, когда грабить запрещено, а выплата мизерного жалования все откладывается? А если дела обернутся плохо - что всегда вероятно, когда армией управляют попы, - то платой нам послужит скорая смерть на поле брани или на галерах, или на плантациях, как это случилось с теми беднягами, с которыми Нол вторгся в Англию после Дунбара. Клянусь телом Христовым, не за тем я нанимался к королю в Перте. Я не требовал высокого жалования, рассчитывая поживиться военной добычей, чтобы вознаградить себя за трудности похода и те опасности, которым мы подвергали себя за это время. Я знаю войну и живу этим вот уже двадцать лет. Вместо этого мы имеем армию из тридцати тысяч человек, шагающих на битву аккуратными чопорными колоннами, как католические монахи под Рождество. В Шотландии было все еще более-менее только потому, что в этой нищей стране просто нечего было грабить, но как только мы вторглись в Англию, они готовы повесить тебя, даже если ты украдешь поцелуй с губ проходящей мимо служанки.

Криспин покачал головой.

- На месте короля я бы тоже поиграл в добродетель. Он не позволяет нам поступить так, будто мы шагаем через враждебную страну. Он продолжает считать Англию частью своего королевства, забывая при этом, что ему предстоит еще ее завоевать...

- А разве его отец не владел Англией? - прервал Криспина нетерпеливый Хоган. - Со времени победы под Мартуром многое изменилось. Когда я служил под началом Руперта, мы могли свободно забрать у круглоголовых каплуна, лошадь и девчонку, не спрашивая их согласия. А теперь, Господи, и двух дней не прошло с того момента, как его величество вздернул того парня в Кендале за посягательство на честь девушки. Ей-Богу, Крис, для меня это было уже слишком. Глядя, как этот бедолага качается на веревке, я поклялся, что сбегу при первой же возможности, а сегодняшнее происшествие только ускорило события.

- И что ты намереваешься делать? - спросил Криспин.

- Война - это торговля, а не призвание. Ею торгуют и Билмант, и Букингем, и прочие высокопоставленные джентльмены. А поскольку служба в армии короля не сулит мне никакой выгоды - о небо! - я перейду на сторону парламента. Если я выберусь живым из Пенрита, то первым делом побрею бороду и подстригу волосы покороче, затем раздобуду остроконечную шляпу, черный плащ и пойду предлагать Кромвелю свой меч.

Сэр Криспин впал в глубокую задумчивость. Угадав его мысли, Хоган оживился.

- Мне кажется, Крис, что ты придерживаешься того же мнения?

- Может быть, - рассеянно ответил Криспин.

- Прекрасно! - вскричал Хоган. - В таком случае нам незачем расставаться! Но Геллиард был холоден.

- Ты забыл, Гарри.

- Ничего подобного! Наверняка на стороне Кромвеля твое дело...

- Ш-ш-ш! Я все хорошо взвесил. Мои надежды связывают меня с королем. Только в его победе вижу я свою выгоду. Не обычный военный грабеж, Гарри, а огромные земли, которые вот уже двадцать лет находятся в нечестивых руках. Моя единственная цель, Хоган,

возрождение дома Марлеев, а этого я могу добиться только через престол короля Чарльза. Если король проиграет, - Боже, не допусти этого! - мне останется только умереть. У меня не будет ни малейшей надежды. Нет, нет, Гарри, я остаюсь.

Ирландец продолжал уговаривать его, пока, наконец, осознав тщетность своих попыток, не вытянулся в кресле с расстроенным лицом. Криспин подошел и положил ему руку на плечо.

- Я рассчитывал на твою помощь в предстоящем деле, но раз ты уходишь...

- Дьявол, ты по-прежнему можешь на меня рассчитывать. О чем разговор! внезапно в голосе сурового солдата промелькнула теплая нотка. - А тебе ничто не угрожает в случае моего бегства?

- Мне? Угрожает? - эхом откликнулся Криспин.

- Ну да, за то, что ты меня спрятал. Эти подонки из "Монтгомери Фут" наверняка тебя заподозрили.

- Неужели я тебе кажусь таким слабым, что меня можно свалить одним ветерком подозрения?

- Остается еще твой лейтенант Кеннет Стюарт.

- Поскольку он принимал участие в твоём спасении, он будет нем как рыба, иначе он сам затянет петлю на своей шее... Пошли, Гарри, - добавил он, резко меняя тон. - Ночь коротка, тебе пора двигаться в путь.

Хоган вздохнул и поднялся на ноги.

- Достань мне лошадь, - сказал он, - с Божьей помощью на следующей неделе я уже стану круглоголовым. Да вознаградит тебя Господь за твою доброту, Крис!

- Тебе нужна более подходящая одежда - накидка, в которой ты больше походил бы на пуританина.

- Но где ее взять?

- Мой лейтенант предпочитает черные цвета - привычка, которую ему привили в пресвитерианской Шотландии.

- Но я вдвое крупнее его.

- Лучше тесный плащ на плечах, чем тугая веревка на шее, Гарри. Подожди меня здесь.

Взяв свечу, он покинул комнату, возвратившись вскоре с черным плащом Кеннета.

- Снимай камзол! - скомандовал он, между тем выгребая на стол содержимое карманов Кеннета: платок и несколько бумаг. Затем он помог ирландцу влезть в украденный плащ.

- Господи, прости меня грешного! - простонал Хоган, едва поворачиваясь в тесном плаще. - Помоги мне целым выбраться из Пенрита и добраться до лагеря Кромвеля, и я возблагодарю тебя в своих молитвах.

- Вынь перо из шляпы, - сказал Криспин. Хоган со вздохом подчинился.

- Правильно сказано в Писании, что в своей жизни человек играет разные роли. Кто бы мог подумать, что Гарри Хоган станет играть роль пуританина?

- Не придется играть ее долго, если ты не пересмотришь свое отношение к Священному Писанию. - Криспин. оглядел его с ног до головы. - Ну что ж, по-моему, сойдет, Гарри.

Хоган последними словами покрыв тесный плащ и свое невезение. Облегчив душу, он объявил, что готов. И Криспин вывел его через заднюю дверь в небольшую пристройку, покрытую соломой, которая служила ему конюшней. При свете лампы, он оседлал одну из двух лошадей, находившуюся там, и вывел ее во двор. Отворив калитку, которая вела в чистое поле, он помог Хогану взобраться в седло. Он поддержал ему стремя и, прерывая потоки благодарности, которыми начал осыпать его ирландец, хлопнул коня по крупу. Тот рванулся вперед, с каждой минутой увеличивая расстояние между собой и Пенритом.

Глава 3

Письмо

С тяжелым чувством Криспин вернулся в свою комнату и сел на кровать. Положив локти на колени, он уткнулся лицом в ладони, уставясь в пол невидящим взглядом. В его обычно лучистых глазах был проблеск отчаяния.

Наконец, вздохнув, он поднялся с кровати и бесцельно поворошил бумаги, которые вытряхнул из кармана плаща Кеннета. Неожиданно его внимание привлекла подпись внизу одного из листов: "Грегори Ашборн". Рука солдата, ни разу не дрогнувшая ни в одной из переделок, задрожала, беря это письмо. Он лихорадочно развернул его и, разложив на коленях, начал читать. По мере чтения его взгляд становился все более острым и жестким.

"Дорогой Кеннет, я пишу тебе в надежде убедить тебя покинуть Шотландию и свиту короля, чье положение день ото дня становится хуже, и нет никаких оснований надеяться, что оно поправится. Синтия постоянно вспоминает о тебе, и если ты будешь избегать замок Марлей, она может решить, что ты не очень ее любишь. Я не могу придумать более убедительной причины, чтобы вытащить тебя из Перта в Шерингам, но надеюсь, что и эта окажется веской для тебя. Мы ждем тебя и каждый день пьем за твоё здоровье. Синтия посылает тебе сердечный привет, мой брат тоже, и мы все с нетерпением ждем возможности обнять тебя в нашем доме. Верь, Кеннет, что, пока я жив, ты можешь полностью на меня рассчитывать.

Грегори Ашборн."

Криспин дважды перечитал письмо и глубоко задумался. Воистину невероятное стечение обстоятельств! Этот юноша, которого он встретил в Перте и взял себе в спутники, был другом Ашборна и женихом Синтии, кто бы она ни была.

Долго он размышлял над неисповедимыми дорогами Судьбы, ибо теперь он был твердо уверен, что Судьба послала ему этот шанс в миг, когда, казалось, удача совсем отвернулась.

В памяти всплыла сцена их встречи во дворе замка Перт месяц назад. Что-то в поведении юноши, в его манере держаться привлекло внимание Криспина. Он оглядел его, а затем подошел и напрямую спросил, как его зовут и с какой целью он сюда прибыл. Тот вполне цивилизованно отвечал, что его величают Кеннет Стюарт из Бейлиночи и что он прибыл с намерением предложить свой меч и услуги королю. Еще больше проникнувшись к юноше какой-то таинственной симпатией, Криспин предложил ему службу под своим началом. Мысль о том, почему он принял такое горячее участие в судьбе юноши, которого раньше и в глаза не видел, впоследствии часто занимала Криспина. И только теперь до него, наконец, дошло: это было predeterminedено свыше!

Мальчишку ему послало небо, дабы вознаградить, наконец, за все страдания и несправедливости, которые он перенес. Оно послало ему ключ, с помощью которого он в случае нужды мог открыть ворота замка Марлей.

Длинными шагами он мерил комнату, вновь и вновь возвращаясь к этой мысли. Когда он, наконец, лег в постель, уже рассвело, но он еще долго лежал с открытыми глазами, думая о необходимости смягчить свое отношение к молокососу с тем, чтобы завоевать его расположение, которое скоро может пригодиться.

Солнце стояло высоко, когда он все же забылся беспокойным сном.

Позже, возвращая Кеннету его бумаги и объясняя для каких целей он употребил его плащ, Криспин воздержался от вопросов о Грегори Ашборне. Его сдержанный тон удивил Кеннета, который объяснял перемену в поведении солдата единственно желанием заставить его держать язык за зубами относительно бегства Хогана. Однако, что касалось данного вопроса, то Криспин спокойно и вежливо указал ему, что, ставя в известность о случившемся королевских стражников, Кеннет сам попадет в исключительно сложное положение. Частично из страха, частично поверив доводам Криспина, юноша решил умолчать об этом происшествии.

Впоследствии ему не пришлось жалеть об этом, потому что на протяжении всего изнурительного похода, в который они выступили на следующий же день после происшествия, его грубый спутник резко изменился, став более мягким и добродушным.

Он словно переродился. Исчезла его грубая манера разговаривать, перемежая речь крепкими словечками. Он меньше пил, играл и буйствовал, реже проводил время с сомнительными попутчиками, чем в прежние времена в Пенрите. Вместо этого он ехал спокойный и задумчивый, как ярый пуританин.

Кеннет начал находить его симпатию вполне приемлемой, принимая Криспина за кающегося грешника, осознавшего, наконец, всю глубину своих заблуждений. Так продолжалось до 23 августа, когда они торжественно вступили в город Ворчестер.

Глава 4

Под вывеской "МИТРА"

В течение недели после прибытия короля в Ворчестер отношения между Криспином и Кеннетом заметно улучшились. К несчастью, это произошло накануне драки, которая с новой силой всколыхнула ненависть, которую юноша питал к сэру Криспину и которую почти преодолел за последнее время.

Поводом к этому послужило одно событие, которое произошло в кабачке "Митра" на Хай-стрит.

Однажды в общей зале кабачка собралась довольно веселая компания кирасиров. Молоденькие корнеты из "Лесии Скотиш Хорс", которые ни в грош не ставили ни "Солени Лиг", ни Конвент, сидели плечом к плечу с прославленными кавалерами из отряда лорда Талбота. Молодые веселые шотландцы из "Питтискоти Хайлэн-дерз", позабыв наставления своих святых отцов о трезвости, теснились рядом с распутными повесами из бригады Дэлзелла и пили за здоровье короля и гибель корноухих крепкое Канарское и мартовский эль.

Настроение было веселое, и в комнате звучал смех. За одним из столов сидел джентльмен по имени Фаверсхем, который вернулся прошлой ночью после неудачной вылазки, целью которой было пленение Кромвеля в Спетчли и которая из-за предательства - когда только Стюарта не предавали и не продавали? провалилась. В этот момент он делился с окружившей его группой слушателей деталями поражения.

- Клянусь жизнью, господа, если бы не этот рыкающий пес сэра Криспин Геллиард, весь

Мидлтонский полк был бы изрублен на куски. Мы стояли на Красном холме, подобно рыбе, угодившей в сеть, а со всех сторон, как из-под земли, выростали отряды Лилбурна, окружая нас, чтобы уничтожить одним ударом. На нас двигалась живая стена стали, и в каждой руке был призыв сдаваться. Мое сердце дрогнуло, как дрогнули сердца многих из нас, и я уверен, что еще немного, и мы бы побросали на землю свое оружие - так мы были напуганы движущейся на нас армией. И тут внезапно, перекрывая лязганье стали и вопли пуритан, послышался громкий чистый голос: "Вперед, кавалеры!" Я обернулся и увидел этого безумца Геллиарда, который размахивал мечом, собирая вокруг себя солдат, воодушевляя их силой своей воли, мужества и голоса. Его вид взбудоражил нашу кровь, как глоток хорошего вина. "За мной, джентльмены! Бей их!" - пророкотал он. И затем, вознося молитвы к небесам, он обрушился со своим отрядом на пиконосцев. Его удар был неотразим, и над шумом битвы вновь зазвучал его голос: "Вперед, кавалеры! Руби их к чертям!" Корноухие попятнулись, и, как река, прорвавшая запруды, мы хлынули сквозь их ряды и двинулись обратно в Ворчестер.

Его рассказ был встречен криками одобрения и тостами во славу Рыцаря Таверны.

Между тем за соседним столом полдюжины весельчаков осыпали насмешками молодого человека с бледным лицом, который явно оказался здесь случайно и не к месту.

Поводом для насмешек послужило письмо, написанное женским почерком, которое Кеннет случайно обронил и которое поднял и вернул ему Тайлер. Шутки лились как из ведра, пока шутники в своем усердии не преступили грань приличий. Кипя от ярости и не в силах сдерживать себя более, Кеннет вскочил на ноги.

- Черт меня побери! - вскричал он, ударяя кулаком по столу. - Еще одна шутка, и тот, кто ее вымолвит, ответит мне за оскорбление!

Его внезапный порыв и неподдельная ярость, прозвучавшая в голосе и жестах, - ярость, столь комично гармонирующая с его щуплой фигурой и строгим костюмом, - на мгновение повергла всю компанию в молчаливое изумление. Затем грянул взрыв хохота, в котором больше других выделялся высокий голос Тайлера. Он держался за бока от смеха, и по его щекам катились две крупные слезы.

- Ай-я-яй, мастер Стюарт! - проговорил он задыхаясь. - Что бы сказал преподобный отец, глядя на вашу воинственность и слушая столь богохульные речи?

- Я знаю, что может ответить джентльмен пьяному трусу! - последовал необдуманный ответ. - Я повторяю, трусу! - добавил он, обводя компанию взглядом.

Смех стих, как только смысл оскорбления дошел до затуманенных вином умов. На мгновение все замерли, а затем разом навалились на Кеннета.

Это был подлый поступок, но нападавшие были пьяны, и ни один из них не считал Кеннета своим другом. В следующую секунду они уже били его расprostертое тело, с него сорвали камзол, и Тайлер вытащил спрятанное у него на груди письмо, которое и явилось поводом к этой безобразной сцене.

Но прежде чем он успел развернуть его, раздался грубый голос, пригвоздивший дерущихся к полу:

- У вас весело, господа! Чем это вы занимаетесь?

В их сторону медленно направился высокий сильный мужчина, одетый в кожаную куртку, на голове которого красовалась широкополая шляпа с гусиным пером.

- Рыцарь Таверны! - вскричал Тайлер, и на его призыв "Слава герою Красного холма!" грянул

мощный хор голосов.

Но по мере приближения строгое лицо сэра Криспина заставило их умолкнуть.

- Дай мне письмо!

Тайлер нахмурился, стоя в нерешительности; Криспин терпеливо ждал, требовательно протянув руку. Тщетно прапорщик оглядывался вокруг себя в поисках поддержки. Все его товарищи молча отступили назад.

Оставшись без помощи и не желая вступать в пререкания с Геллиардом, Тайлер с жалкой улыбкой вручил письмо. Тот взглянул на него и, вежливо поклонившись, повернулся на каблуках и покинул таверну так же неожиданно, как и вошел.

Его привлек шум, доносившийся из кабака, когда он проходил мимо, направляясь во дворец епископа, где несли караульную службу его друзья. Теперь он продолжал свой путь, унося на груди письмо, попавшее к нему по счастливой случайности, которое должно было пролить свет на дальнейшие взаимоотношения Кеннета с семьей Ашборнов.

Он уже подошел к дворцу, когда за его спиной послышались торопливые шаги. Кто-то взял его за руку. Криспин обернулся.

- А! Это ты, Кеннет, собственной персоной! Юноша продолжал держать его за рукав.

- Сэр Криспин, - произнес он, - я пришел вас поблагодарить.

- Сейчас не совсем подходящий момент. - Геллиард сделал попытку подняться по ступенькам. - Позволь мне пожелать тебе доброго вечера.

Но Кеннет удерживал его на месте.

- Вы, вероятно, запомнили о моем письме, сэр Криспин, - осмелился напомнить мальчик и протянул руку.

Геллиард заметил этот жест, и на какое-то мгновение в его голове мелькнула мысль, что надо вести себя более достойно по отношению к этому неокрепшему юнцу. Он заколебался, подмываемый желанием отдать письмо непрочитанным и тем самым лишиться себя источника важных сведений. Но в конце концов он все же подавил в себе это чувство. Его лицо приняло суровое выражение, и он ответил:

- С письмом возникают некоторые затруднения. Сначала я должен удостовериться, что я не стал невольным участником предательства. Зайдите ко мне за письмом завтра утром, мастер Стюарт.

- Предательства? - эхом откликнулся Кеннет. - Я клянусь вам честью девушки, на которой я имею намерение жениться. Разумеется, сэр, теперь вы не будете настаивать на его прочтении?

- Разумеется, буду.

- Но, сэр...

- Мастер Стюарт, это дело чести. Моей чести. Вы можете убеждать меня хоть до второго пришествия, от этого мое решение не изменится. Доброй ночи.

- Сэр Криспин! - вскричал мальчик в возбуждении. - Пока я жив, я не позволю вам читать это письмо!

- Сколько патетики, сэр! И все из-за письма, которое, как вы уверяете, невинного содержания?

- Такого же невинного, как и рука, написавшая его. Вы не посмеете читать это письмо. Оно не предназначено для таких глаз, как ваши. Поверьте мне, сэр, - теперь Стюарт его умолял. - Я клянусь вам, что это обычное письмо, которое может написать девушка своему возлюбленному. Я думал, что до вас это дошло, когда вы спасали меня от грубиянов в "Митре". Я думал, ваш поступок был продиктован благородными чувствами. Однако... - мальчик замолчал.

- Ну-ну, продолжайте, - холодно буркнул Криспин. - Однако...

- Мы можем не говорить об этом "однако", сэр Криспин. Ведь вы вернете мне письмо, правда?

Криспин тяжело вздохнул. Благородные чувства, воспитанные в нем с младенчества, бурно протестовали против мерзопакостной роли, которую он продолжал играть, якобы подозревая Кеннета в предательстве. Искорки доброты и сострадания, давно погасшие в его душе, разгорелись с новой силой при зове совести. Он был побежден.

- Да на-а! Используй эти бумажки вместо салфеток!!! - не сдержался Криспин, резким жестом возвращая письмо Кеннету. Потом остыл и добавил. - Не обижайся, мой мальчик, и не укоряй меня за грубость.

Не дожидаясь ответа или благодарности, он повернулся и скрылся во дворце. Но его благородный порыв слишком запоздал, и Кеннет побрел прочь, проклиная Геллиарда в душе последними словами. Неприязнь юноши к этому человеку, казалось, росла на каждом шагу.

Глава 5

После Ворчестерского сражения

Утро третьего сентября - дня столь знаменательного для Кромвеля и столь трагического для Чарльза - застало Криспина в "Митре" в компании вооруженных воинов. В качестве тоста он провозгласил:

- Смерть всем корноухим! Господа, - продолжал он, - славное начало для славного дня. Пусть Господь пошлет нам не менее славное его окончание!

Однако ему не удалось первым участвовать в сражении. До полудня его продержали во дворце, где он в раздражении ходил из комнаты в комнату, проклиная себя за то, что не находится в самой гуще битвы с Монтомгери на Поувекском мосту или с Питтискотти на Баинском холме. Но он заставил себя смириться и терпеливо ждал, когда Чарльз и его военные советники выберут направление главного удара.

Когда решение, наконец, было принято, гонцы принесли ужасные вести о том, что Монтомгери окружен, Питтискотти обращен в бегство, Дэлзиел сдался, а Кэйт захвачен в плен. Только после этого основные силы армии были собраны у Сидбурских ворот, и Криспин оказался в центральном отряде, которым командовал сам король. В последовавшей стремительной атаке, как указывают очевидцы, он был самой главной фигурой, и его голос прерывал шум битвы, подбадривая войско. Впервые за этот роковой день железные отряды Кромвеля дрогнули под натиском роялистов, которые обратили их в бегство и гнали до тех пор, пока не достигли батареи на Перри Вуд и не вышибли "круглоголовых" из их укрытий.

Это был самый решающий момент сражения, когда шансы воюющих сторон уравнились, и, казалось, наступил долгожданный перелом.

Криспин первым ворвался на батарею и с криком: "Да здравствует кавалерия!" - зарубил двух артиллеристов, не успевших покинуть свои орудия. Этот крик был подхвачен сотнями голосов роялистов, ворвавшихся на захваченные позиции. С одной стороны короля поддерживал граф Гамильтон, с другой - герцог Дебри. Дело оставалось только за шотландской конницей Десли, которая должна была обойти парламентское войско с флангов и завершить его окружение. Считается, что если бы они выступили в этот самый момент, исход битвы при Ворчестере был бы иным.

Но шотландская конница не двинулась с места, и те, кто продолжал оборонять Перри Вуд, проклинали Лесли за предательство.

К своему горькому разочарованию роялисты осознали, что все их огромные усилия были напрасны и атака не возымела должного успеха. Лишенные поддержки, они не смогут долго удерживать захваченные позиции.

И вскоре, когда Кромвель собрал своих рассеянных "железнобоких" и обрушил конницу на королевское войско, роялистов быстро оттеснили с холма обратно к Ворчестеру. Отбиваясь от нападающих "круглоголовых", остатки королевской армии собрались у Сидбурских ворот, но проход в город был загорожен перевернутыми военными фургонами. Оказавшись в затруднительном положении, они не стали пытаться устранить препятствие, а повернулись лицом к противнику, чтобы дать свой последний бой пуританам.

Чарльз соскочил со своего боевого коня и влез на заграждение. За ним последовали несколько человек, охраняющих короля, в том числе и Криспин.

На улице Хай-стрит Геллиард натолкнулся на молодого короля, сидящего верхом на свежей лошади и отдававшего приказание отряду шотландских стрелков. Солдаты стояли в угрюмом молчании, побросав на землю оружие, отказываясь подчиняться командам и помогать королю в его последней попытке повернуть ход сражения вспять. При виде подобной измены Криспина охватил гнев. Он разразился крепкой бранью в адрес Шотландии и шотландцев вообще, их церковного комитета, который сделал их козлами отпущения, и шотландской конницы Лесли в особенности.

Его слова, полные горечи и презрения, были способны пробудить совесть даже у самых закоренелых негодяев. Он все продолжал осыпать их оскорблениями, когда в город ворвался полковник Прайд с войсками Парламента, которым удалось преодолеть последний заслон королевских защитников у Сидбурских ворот.

Услышав об этом, Криспин в последний раз воззвал к совести шотландских стрелков.

- К оружию, вы, шотландские трусы! - грозно прокричал он. - Или вы предпочитаете, чтобы вас изрубили на месте? К оружию, собаки, и если вы не умеете жить достойно, то хоть умрите с честью!

Но его призыв остался без ответа. Они продолжали стоять, угрюмо потупясь в землю, а их оружие лежало возле ног. Криспин повернулся к ним спиной, чтобы подумать о собственном спасении, как тут на улице снова появился король верхом на лошади и попытался страстными словами возродить храбрость, которая давно уже умерла в сердцах шотландцев.

Он все еще зывал к их мужеству, когда Криспин бесцеремонно схватил его за стремя.

- Вы что, собираетесь стоять здесь, пока вас не схватят, сир? - крикнул он королю. - Пора подумать о своей безопасности!

Чарльз повернул голову и посмотрел на твердое, изможденное в битве лицо человека, обращенное к нему. В его взгляде читалось удивление, смешанное с презрением. Затем он

смягчился, на губах появилась улыбка.

- Боже! Вы правы, сэр, - ответил он. - Показывайте дорогу! - И, повернув коня, он направился вниз по улице рядом с Криспином, шагавшим чуть впереди.

Король направлялся на Нью-стрит, где находился дом, который он занимал. Здесь он рассчитывал снять доспехи и переодеться.

Когда они приблизились к самым дверям, Криспин оглянулся через плечо и пробормотал ругательство.

- Поторопитесь, сир! - воскликнул он. - За нами гонятся корноухие!

Король тоже повернулся и увидел отряд во главе с полковником Прайдом.

- Это конец! - прошептал он. Но Криспин уже соскочил со своей лошади.

- "Спешите, сир! - скомандовал он и в своем яром усердии спасти жизнь короля едва не стащил его наземь из седла.

- Куда? - спросил Чарльз, беспомощно озираясь. - Куда бежать?

Криспин уже принял решение. Без особых церемоний он схватил короля за руку, и, впихнув в дом, захлопнул за ним дверь и задвинул засов. Но крики пуритан на улице возвестили, что их успели заметить.

Король повернулся к Криспину, и в полутемном освещении прихожей тот заметил, что король хмурится.

- Клянусь судьбой! Вы затащили меня в ловушку!

- Не совсем, сир, - отвечал рыцарь. - Мы выберемся отсюда, когда придет время.

- Выберемся? - раздраженно отозвался Чарльз. - Но каким образом, сэр?

Его последние слова едва не потонули в шуме, который поднялся снаружи. К дому подошли круглоголовые.

- Через заднюю дверь, ваше величество, - последовал нетерпеливый ответ. Через дверь или окно, как вам будет угодно. Дом задней стороной примыкает к хлебному рынку, туда вам и надлежит отправиться. Но торопитесь, во имя Господа нашего поторопитесь, пока они не догадались и не отрезали нам путь к отступлению!

Тяжелый удар потряс дверь.

- Торопитесь, ваше величество! - взмолился Криспин.

Чарльз сделал несколько шагов в сторону черного хода и остановился.

- А вы, сэр? Я что, должен бежать один? Криспин топнул ногой и в отчаянии взглянул на короля.

- Другого выхода нет. Эта чертова дверь не продержится и секунды, если по ней хорошо стукнуть. А за дверью их буду ждать я, и во имя спасения вашего величества я постараюсь продержаться дольше, чем дверь. Да поможет вам Бог, сир! - добавил он мягко. - Да хранит вас небо и пошлет много счастливых дней!

И, упав на колени, Криспин приник к королевской руке горячими губами.

Град ударов обрушился на дверь. Одна доска отлетела в сторону, выбитая прикладом мушкета. Чарльз пробормотал какое-то слово, которое Криспин не уловил, и бросился прочь.

Едва он скрылся в длинном узком коридоре, как дверь окончательно поддалась и рухнула с оглушительным грохотом. В проеме показался один из нападающих молоденький пуританин, едва выросший из мальчишеского возраста. Он не сделал и трех шагов, как ему в грудь уперлось лезвие меча Криспина.

- Стой! Здесь нет пути!

- Прочь, сын Моаба, - последовал ответ пуританина. - Не то тебе не поздоровится!

За юношей в дверь лезли остальные воины, крича ему, чтобы он не тратил времени на разговоры, а рубил этого мерзавца, который стоял между ними и молодым человеком по имени Чарльз Стюарт. Криспин в ответ на их угрозы только расхохотался и продолжал удерживать офицера на расстоянии своего меча.

- Прочь, или я зарублю тебя на месте! - продолжал вопить круглоголовый. Мы ищем Злого Стюарта!

- Если вы под этой кличкой подразумеваете его священное величество, то он там, куда вам не добраться, в руках Божьих!

- Паршивый пес! - бесновался юноша. - Дай дорогу!

Их мечи скрестились и на мгновение замерли в воздухе, затем лезвие в руках Криспина описало полукруг и вонзилось в горло противника.

- Ты сам этого желал, глупый щенок! - с презрением бросил Геллиард.

Юноша рухнул на руки нападавших, стоящих за его спиной, а его рапира, упав на землю, покатила к самым ногам Криспина. Рыцарь нагнулся, и когда вновь выпрямился, в каждой руке он держал по мечу.

В рядах противника наступило некоторое замешательство, и затем Криспин к своему ужасу заметил дуло мушкета, нацеленное на него из-за спины одного из атакующих. Он сжал зубы и вознес молитву, чтобы король уже был в безопасности.

Смерть была близка, и Криспин не жалел об этом, ибо сегодняшнее поражение означало конец всех его надежд.

В этот момент за спинами нападающих раздался крик, и мушкет исчез.

- Он мне нужен живым! - раздался голос. - Берите его живым! - Это был сам полковник Прайд. Он растолкал нападающих и теперь смотрел на залитое кровью тело юноши, которого заколол Криспин. - Берите его живым! - проревел пожилой ветеран. Затем в его голосе послышались нотки боли: - Мой сын, мой мальчик! Он рыдал.

Криспин мгновенно оценил ситуацию, но горе старого пуританина не задело его сердце.

- Я нужен вам живым? - передразнил он. - Клянусь телом Христа, моя жизнь вам дорого обойдется. Ну, господа? Кто следующий будет иметь честь пасть от руки джентльмена? К вашим услугам, мои корноухие!

В ответ раздались крики ярости, и двое мужчин шагнули вперед. Узость прохода не позволяла нападать большим числом. И снова раздался звон стальных клинков. Криспин - юркий, как ящерица, - присел и одновременно отразил оба удара двумя мечами, зажатыми в

руках.

Он с легкостью отбил первое нападение и одним движением кисти резко обрушил правый клинок на шею противника прежде, чем тот успел отскочить в сторону. Одновременно второй противник сделал выпад и нанес удар. Криспину пришлось пойти на риск и принять этот удар на себя, уповая на крепость доспехов. Как и раньше, латы сослужили ему хорошую службу: меч противника отскочил от них, не причинив вреда, а нападающий в ярости потерял равновесие и сделал шаг вперед.

Прежде чем он успел осознать свою ошибку, Криспин разрубил его напополам в том месте, где его тело было не защищено доспехами.

Как только двое из нападающих пали замертво один за другим, их товарищи, которые наблюдали за схваткой, разразились воплями бессильной ярости и полезли в узкий проход. Но "Рыцарь Таверны" прочно держал свою позицию, и острые концы его мечей замелькали перед глазами следующей пары воинов. Заметив опасность, они крикнули напуганным сзади солдатам, чтобы те расчистили им место для схватки, но было уже поздно. Криспин увидел их замешательство и немедленно воспользовался им. Дважды он взмахнул мечом, и два окровавленных тела упали на землю.

После этого наступило затишье, а на улице кто-то из нападающих спорил с полковником Прайдом, умоляя позволить им убрать этого смертоносного дьявола с помощью пистолетов. Но тому мятежник нужен был живым, чтобы потом дать ему возможность умереть сотней разных мучительных смертей.

После этого еще двое выступили навстречу Криспину. Они действовали более осторожно. Нападающий слева отбил удар Криспина и поднял его лезвие вверх. Затем он бросился вперед и схватил Криспина за запястье, крича остальным, чтобы спешили на помощь. Но даже в этом положении Криспин одним ударом отбросил в сторону второго нападающего, который со стоном опустился на землю, держась за отрубленную по плечо руку, и затем все внимание переключил на "корноухого", держащего его за руку. Криспин ни минуты не раздумывал. Инстинктивно он почувствовал, что если хоть на мгновение уберет меч, то остальные набросятся на него, и он не сможет защищаться, поэтому резким поворотом кисти он изо всех сил ударил нападающего эфесом в лицо.

Оглушенный ударом, пуританин свалился на руки подоспевшего на помощь товарища.

Снова возникла пауза. Затем один из круглоголовых молча попытался достать Криспина пикой. Геллиард ловко отпрыгнул в сторону, и смертоносное оружие проскочило мимо него, при этом Криспин опустил руку, уронил один из мечей и схватился за древко пики. Со всей силой он рванул его на себя вместе с воином, который его держал, и тот упал вперед, прямо на вытянутый меч.

Весь в крови - чужой крови - Криспин стоял лицом к своим врагам. Он тяжело дышал, пот стекал по его лицу, но он продолжал оставаться твердым и неприступным. Он чувствовал, что силы его иссякают. Но он все же встряхнулся и с обидным смешком спросил у нападавших, не лучше ли им было бы его попросту пристрелить.

"Круглоголовые" толпились перед ним в нерешительности. Схватка продолжалась всего несколько минут, и уже пятеро из них лежали мертвыми на земле, а шестой был выведен из строя. Что-то ужасающее было в облике "Рыцаря Таверны", и они не решались возобновить свои попытки.

- Ну, господа, - не преминул подразнить их Криспин. - Сколько мне еще ждать удовольствия встречи с вами?

В ответ ему летели ругательства, но "корноухие" продолжали оставаться в стороне, пока голос полковника Прайда не привел их в действие. Они атаковали его внезапно, яростно, всем отрядом, так что он вынужден был отступить. Он продолжал наносить удары, но они были уже не опасны. Они изменили тактику, уворачиваясь от его лезвия, осторожно продвигаясь вперед, заставляя его отступать все дальше и дальше.

Под конец Криспин разгадал их тактику и предпринял тщетную попытку удержать свои позиции. Его отступление замедлилось, но все же это было отступление, а их оборонительная тактика не позволяла ему атаковать.

Когда он наконец достиг лестницы, то понял, что если он сделает еще хоть один шаг назад, это будет концом для него. И все же он продолжал отступать, несмотря на героические усилия продвинуться вперед, пока справа от него не образовалось свободное пространство, достаточное для того, чтобы человек, вооруженный мечом, мог атаковать его с фланга. Дважды один из противников пытался сделать это, и дважды смертоносное лезвие отгоняло его прочь. Но на третий раз его противнику удалось прорваться вперед, его место занял другой, и Криспин очутился теперь лицом к лицу с тремя нападающими.

Он понял, что конец близок. Внезапно тот, кто атаковал его с фланга, стремительно бросился вперед и прижал его руку, сжимающую меч. Прежде чем он успел стряхнуть нападавшего, двое других вцепились в его левую руку.

Он боролся из последних сил, но его держали крепко. Трижды они валили его на землю, и трижды он поднимался снова, стряхивая их с себя, как бык стряхивает собак. Но они были быстрее, и он упал на землю. Им на помощь подоспели другие, и "Рыцарь Таверны" был уже не в силах подняться.

- Разоружить собаку! - крикнул Прайд. - Разоружите и свяжите его по рукам и ногам!

- Господа, можете этого не делать, - задыхаясь, ответил Криспин. Возьмите мой меч. Я отдаю себя в ваши руки.

Глава 6

Друзья на время

"Круглоголовые" тащили Криспина по улице Ворчестера, и хотя Геллиард не слыл неженкой - он был солдатом, рожденным в латах, - его сердце сжималось от боли при виде ужасов, которые творились в городе.

Город напоминал бойню, и все канавы были залиты кровью. Поражение роялистов стало теперь полным, и кровожадные фанатики Кромвеля рыскали по городским улицам, стараясь превзойти друг друга в жестокости и насилии. Они врывались в дома и грабили все подряд, а их обитатели - оказывающие и не оказывающие сопротивление, вооруженные и безоружные, мужчины, женщины, дети все были безжалостно преданы мечу.

Сам воздух Ворчестера, казалось, был насыщен запахом крови и гари.

При виде этого ужасающего зрелища Криспин на время позабыл о своих собственных горестях, не чувствуя даже ударов тупыми концами копий, с помощью которых пуритане подгоняли его вперед.

Наконец они пришли в незнакомый Криспину квартал города и остановились перед огромным домом. Его двери были распахнуты, и через порог в обе стороны струился бесконечный поток солдат и офицеров.

На короткое время охрана замешкалась в большом просторном зале, но затем победители

грубо втолкнули Криспина в одну из смежных комнат. В ней лицом к вошедшим находился мужчина среднего роста, одетый в боевые доспехи. У него был непропорционально большой нос и красное лицо. Мужчина стоял с непокрытой головой, а его шпашак лежал на столе в двух шагах от него. Он поднял глаза на вошедших, и на мгновение его взгляд задержался на высоком худощавом пленнике, который смело смотрел на него.

- Кого мы имеем честь лицезреть? - спросил он наконец.

- Человека, чья вина слишком тяжела, чтобы позволить ему умереть простой смертью солдата, мой лорд, - ответил Прайд.

- Ты лжешь, проклятый изменник! - воскликнул Криспин. - Расскажи мастеру Кромвелю, - он уже догадался, кто стоит перед ним, - как я в одиночку сдерживал натиск вашего отряда и был взят в плен только после того, как зарубил семерых из вас. Расскажи ему об этом, мастер распевать псалмы, и пусть он решит, лжешь ты или говоришь правду. Расскажи ему также, что ты, который...

Его прервал бесстрастный голос:

- Спокойно, господа. Укротите ваш гнев. Теперь, полковник, послушаем ваш рассказ.

Полковник Прайд начал длинно и путано излагать, как этот безбожный негодяй помешал его отряду захватить молодого Чарльза и способствовал его бегству. Он также обвинил Криспина в смерти своего сына и четырех других храбрых рыцарей церкви и попросил Кромвеля отдать негодяя в его руки с тем, чтобы поступить с ним, как тот того заслуживает.

Лорд-генерал не заставил себя ждать с ответом.

- Это уже второй пленник, которого приводят ко мне за последние десять минут с подобным обвинением, - произнес он. - Первым был молодой глупец, который отдал Чарльзу Стюарту своего коня у ворот Святого Мартина. Но сам он не успел скрыться, и его схватили.

- Так король сумел спастись? - воскликнул Криспин. - Благословенное небо!

Кромвель посмотрел на него отсутствующим взглядом.

- У вас будет прекрасная возможность поблагодарить Господа лично, пробормотал он мрачно. - Что же касается этого молодого человека из Бааля, то ему далеко не уйти. Великий Господь, даровавший нам победу в сегодняшнем сражении, не допустит, чтобы великий грешник Стюарт избежал заслуженного наказания, и отдаст его в наши руки. За ваше участие в бегстве короля вы, сэры, заплатите своей жизнью. На рассвете вас повесят вместе с молодым бунтовщиком, который отдал королю своего коня у ворот Святого Мартина.

- По крайней мере я буду висеть в хорошей компании, кем бы он ни был! сказал Криспин весело. - И за это, сэры, позвольте мне выразить вам мою сердечную благодарность.

- Вы проведете эту ночь вместе, - продолжал Кромвель, не обращая внимания на слова Криспина. - И, я думаю, вы сможете использовать это время, как вам заблагорассудится. Все. Уведите его.

- Но, мой лорд! - воскликнул Прайд, делая шаг вперед.

- Что еще?

Криспин улавливал отдельные обрывки фраз, которые Прайд нашептывал Кромвелю, - полковник о чем-то просил. Кромвель покачал своей большой головой.

- Это не очевидно. Я не могу дать своего согласия на это. Пусть его смерть будет для вас утешением. Я скорблю с вами о вашей утрате, но на то она и война. Пусть вас согревает мысль о том, что ваш сын пал за правое святое дело во имя нашего Господа. Помните, полковник Прайд, что Авраам ни секунды не колебался, принося своего сына в жертву Господу, прощайте!

Лицо полковника перекоилось от бессильной ярости, и он на мгновение задержал свой взгляд на прямой и неподвижной фигуре "Рыцаря Таверны", который продолжал стоять с независимым видом посередине комнаты. Затем, всем своим видом выражая недовольство, он нехотя удалился, и Криспина вывели из комнаты.

В холле к нему подошел офицер и, приказав, следовать за ним, препроводил Криспина в караульную. Здесь с него сняли доспехи и в сопровождении офицера и двух караульных повели в другую часть дома. Они преодолели три пролета лестниц и вошли в узкую галерею, которая привела их к закрытой двери, охраняемой вооруженными солдатами. По приказу офицера стражник с трудом отодвинул тяжелые засовы и открыл дверь Криспин шагнул через порог в небольшую полутемную камеру, слыша, как за спиной лязгнули засовы, отрезав его от внешнего мира. Его бесстрашное сердце на какое-то мгновение сжалось при мысли, что он отрезан от мира навсегда, только однажды ему придется вновь перешагнуть через этот порог, и это будет преддверием к Порогу Вечности.

Что-то зашевелились и одним из темных углов комнаты, и он вспомнил обещание Кромвеля, что последние часы жизни он проведет в компании другого пленника.

- Кто здесь? - раздался слабый голос, полный страданий.

- Мастер Стюарт! - радостно воскликнул Криспин узнав своего молодого спутника. - Черт меня возьми так это вы отдали королю своего коня у врагов Святого Мартина? Да вознаградит вас Бог! Дьявольщина! - добавил он. - Никак не думал, что мы встретимся с вами еще раз в этом аду.

- В нашей встрече мало радостного, последовал грустный ответ. - Как вы попали сюда?

- С вашей помощью я проведу эту ночь настолько весело, насколько это возможно для человека, чей песок почти уже иссяк. Лорд-генерал - да сожрут его черти в аду - наутро собирается сделать меня маятником и дает мне ночь, чтобы к этому подготовиться.

Юноша подошел к свету и с грустью посмотрел на сэра Криспина.

- В таком случае, мы друзья по несчастью.

- По крайней мере, мы не меняемся, ибо ни в чем другом мы друзьями не были. Встряхнитесь, сэр. Раз уж нам предстоит провести последнюю ночь в этом убогом мире, так давайте извлечем из нее максимум удовольствия.

- Удовольствия?

- Конечно это будет нелегко, - рассмеялся Криспин. - Если б мы угодили в руки христиан, они бы нам не отказали в игре н очко, чтобы скрасить наши последние часы. Но эти корноухие... - Он заглянул в кружку на столе. - Вода! Фу! Ничтожные распеватели псалмов!

- Милостивый Боже! Это все, о чем вы можете думать? Неужели вам не приходит в голову мысль о близкой кончине?

- Приходит, приходит. Я бы предпочел приготовить себя к утреннему танцу в более спокойной манере, чем мне это позволит старый Нолл. Черт с ним!

Кеннет в ужасе отпрянул назад. Его застарелая неприязнь к Криспину вновь зашевелилась в груди при виде подобной беспечности перед лицом смерти. Мысль о том, что ему предстоит провести ночь в компании этого ужасного человека, на время заслонила страх перед виселицей, владевший им до прихода Криспина.

Заметив его смятение, Криспин беспечно рассмеялся и подошел к окну. Это было небольшое отверстие, пробитое в стене и перегороженное крест-накрест двумя железными прутьями. Но, взглянув в амбразуру, Криспин понял, что главное препятствие на пути к бегству заключалось в другом. Дом выходил на реку и стоял на скалистом обрыве высотой метров десять. У самого подножия стены вокруг дома вилась узкая тропинка, отгороженная от реки железным поручнем. Окно находилось на высоте примерно двенадцати метров от тропинки, и если бы кому-нибудь взбрела в голову идея исчезнуть из тюрьмы, выпрыгнув в щель, у него было мало шансов угодить прямо в реку. Криспин со вздохом отвернулся от окна. Он подошел к нему с надеждой в груди, а отошел с отчаянием в сердце.

- А, ладно, - сказал он вслух. - Нас повесят, и дело с концом.

Кеннет опять забился в угол и сидел в угрюмом молчании, завернувшись в свой плащ. На его юном лице было написано глубочайшее страдание. Глядя на него, Криспин почувствовал, как в его сердце зарождается жалость и симпатия к этому юноше, чувство, которое он испытал впервые, увидев его во дворе замка Перт.

И сейчас, видя его страдания, он вдруг ощутил угрызения совести по отношению к этому мальчику, с которым он вел себя как грязный повеса, а не как джентльмен, каковым он себя когда-то считал.

Под действием этих чувств он заговорил.

- Кеннет, - произнес он, и его голос прозвучал так неожиданно мягко и тепло, что юноша в удивлении поднял голову. - Ты, наверное, слышал, что люди, стоящие перед порогом Вечности, обычно стараются искупить свою вину за те грехи, которые они совершали при жизни.

Кеннет вздрогнул при упоминании приближающегося конца. Криспин замолчал на мгновение, выжидая, какое впечатление произведут его слова, и затем продолжал:

- Нет, я не собираюсь каяться в своих грехах, Кеннет. Я прожил свою жизнь и умру таким же, каким и был. Неужели ты думаешь, что несколько часов молитвы могут воздать за годы прожитой бесцельной жизни? Это философия трусов, которым при жизни не хватало смелости жить по законам совести, а перед смертью не хватает мужества ответить за свои деяния. Нет, я не буду предавать самого себя. Все в руках Господа. В своей жизни я причинил зло многим людям. Их нет сейчас рядом, а если бы даже и были, поздно что-либо менять. Но ты, по крайней мере, - сейчас рядом со мной, и то маленькое прощение, которое я могу заслужить своими извинениями, будет мне утешением.

Когда я впервые заметил тебя в Перте, я хотел, чтобы мы стали друзьями, желание, которое последние двадцать лет я не испытывал ни к одному человеку. Мне это не удалось. Иначе и быть не могло. Голубь не должен вить гнездо со стервятником.

- Сэр Криспин! - воскликнул глубоко тронутый Кеннет. - Прошу вас, не корите себя больше. Я прощаю вам все зло, которое вы причинили мне, прощаю так же легко, как сам буду прощен. Разве не так писано в Библии? - Он протянул Криспину свою руку.

- Я должен сказать еще несколько слов, Кеннет, - отвечал тот, не подавая в ответ своей руки. - Сейчас я испытываю к тебе то же чувство, что и тогда, в Перте. Я не знаю, откуда оно взялось. Возможно, я вижу в тебе того честного и благородного юношу, каким сам был

когда-то. Но оставим это. Солнце встает за лесом, и больше мы никогда не увидим его. Для меня это не имеет значения. Я устал. Надежда мертва, а по сравнению с этим физическая смерть - ничто. Но последние часы, которые нам осталось провести вместе, я постараюсь использовать для того, чтобы изменить твое мнение обо мне. Я хочу, чтобы ты понял, что если я бывал жесток, то таким меня сделала жизнь. И когда завтра нас поведут на казнь, ты, по крайней мере, будешь считать меня человеком, в чьей компании не стыдно умереть.

Снова юноша поежился.

- Хочешь я расскажу тебе свою историю, Кеннет? У меня странное желание освежить свою жизнь в памяти, и если я буду делать это вслух, воспоминания могут принять более видимые очертания. К тому же мой рассказ поможет нам скоротать остаток времени до рассвета, и когда я закончу, ты сможешь судить обо мне, Кеннет. Ты готов выслушать меня?

Эти новые нотки в тоне Геллиарда на время вывели юношу из оцепенелого состояния, в которое его вверг страх перед завтрашним днем, и он с радостью откликнулся на предложение Криспина выслушать историю его жизни.

И "Рыцарь Таверны" начал свой рассказ.

Глава 7

Рассказ "Рыцаря Таверны"

Сэр Криспин отошел от окна, где находился все это время, и растянулся во весь рост на жесткой скамье. Единственный стул в этой небольшой комнате занимал Кеннет. Геллиард с облегчением вздохнул.

- Святой Георгий, я и не подозревал, что так устал, - пробормотал он.

После этого он на некоторое время погрузился в молчание, собираясь с мыслями. Затем он начал говорить ровным бесцветным голосом:

- Очень давно - двадцать лет назад - я был юношей, для которого весь мир казался цветущим садом. Я имел массу иллюзий. Это были мечты юности, они были сама юность, ибо когда наши мечты умирают - мы уже не юноши, сколько бы лет нам не насчитывалось. Береги свои мечты, Кеннет, храни их как сокровище, ревниво оберегай так долго, как...

- Позволю себе заметить, сэр, - ответил молодой человек с горькой иронией, - что мои теперешние мечты и иллюзии останутся со мной навсегда. Вы забыли, сэр Криспин.

- Черт, я действительно забыл. На короткий миг я перенесся на двадцать лет назад, и завтрашний день показался мне таким далеким.

Он тихо рассмеялся, затем продолжил:

- Я был единственным сыном в семье благородного и честного джентльмена, наследником древнего рода и обширных владений, одних из самых больших в Англии.

Не верь тем, кто говорит, что по рассвету можно предугадать день. Рассвет моей жизни был прекрасен, ни один день не был прожит зря, и ни одна ночь не была такой темной, как эта. Но довольно об этом!

На севере наши земли смыкались с землями другой семьи, с которой наш род находился в кровавой вражде более ста лет. Они были пуританами, закореневшими в своем тупом и упрямом эгоизме. Они избегали нас потому, что мы наслаждались жизнью, которую нам подарил господь Бог, и это порождало в них ненависть. Когда мне исполнилось столько же

лет, сколько сейчас тебе, Кеннет, в их помещичьем доме - у нас был замок, а у них дом - проживали два бездельника, которые мало заботились о поддержании репутации своей фамилии. Они жили вместе с матерью, женщиной слишком слабой, чтобы удержать их от дурных поступков и соблазнов, и кроме того, ее образ жизни также был не вполне пуританским. Они отвергли строгие черные одежды, которые их предки носили веками, и облачились в одежды кавалеров. Они отпустили волосы, украсили перьями свои шлемы, а уши бриллиантами, они много пили и яшались с подозрительными личностями, открыто богохульствовали и презирали молитвы. Меня они избегали по старому обычаю, а когда мы все же встречались, наши приветствия были сдержанными, как у людей, готовых сразиться на мечях. Я презирал их за разгульный образ жизни, как мой отец презирал их отца за слепой фанатизм, и они, догадываясь об этом, питали ко мне еще большую неприязнь, чем их предки к моим. Другой причиной их ненависти являлось то, что вся округа считала нас - так было всегда - первыми людьми в графстве. Это наносило тяжелый удар по их самолюбию, и они не замедлили отомстить нам.

У них была кузина, прелестное чистое создание - полная противоположность своим распутным родственникам. Мы встретились в лугах - я и она. Была весна кажется, это было вчера, - и каждый из нас позабыл об обычаях рода, имя которого он носил. После этой случайной встречи мы стали встречаться все чаще и чаще. Она наполняла мою жизнь радостью и любовью. Мы были молоды, и жизнь была прекрасна. Мы любили. А разве могло быть иначе? Что для нас значили древние традиции, что для нас значила вековая вражда между нашими семьями? Для нас это не имело ровно никакого значения.

И я бросился в ноги к отцу. Вначале он проклял меня как неродного сына, в котором течет чужая кровь. Но позже, когда я возобновил просьбы с юношеским пылом влюбленной молодости, он уступил. Возможно, он вспомнил свои молодые годы. Он благословил меня на этот брак. Нет, более того. Впервые за историю четырех поколений вражды глава нашего рода переступил порог вражеского дома он отправился туда от моего имени просить руки их кузины.

Настал их долгожданный час. К ним, униженным веками нашим превосходством, явился глава нашего рода. Они, которые всегда были вынуждены молчать, когда говорили мы, теперь могли, наконец, сказать нам "нет". И они сказали это. Что им ответил мой отец, мне так и не суждено было узнать, но когда он вернулся в замок, его лицо было белее снега. Он словно стал калекой, потерявшим руку. Гневными словами он сообщил мне о том оскорблении, которое было нанесено ему, и затем молча указал на клинок толедской стали, который он привез мне из Испании два года назад, и вышел из комнаты. Но я понял, что он имел в виду. Я обнажил клинок и сквозь слезы стыда и гнева прочел надпись на испанском языке, выгравированную на лезвии. Это был гордый девиз храброго испанского народа: "Без нужды не вынимай, без славы не вставляй". Нужда была очевидна, а славу я поклялся добыть, и с этим в сердце я отправился платить за оскорбление. Сэр Криспин замолчал и, тяжело вздохнув, сказал с горькой усмешкой:

- Я потерял этот меч много лет назад. Я и меч были близкими друзьями, и моим новым товарищем стал простой клинок, на котором не было надписи, чтобы ранить человеческую совесть. - Он снова рассмеялся и погрузился в задумчивость, из которой его вывел голос Кеннета:

- Ваш рассказ, сэр.

- Он заинтересовал тебя, да? Ну хорошо. Пылая гневом, я направился в их дом и в резких выражениях потребовал удовлетворения за нанесенное моему роду оскорбление. Это была глупая выходка. Они оградили свои трусливые жизни завесой насмешек и оскорблений. Они заявили, что не будут драться с мальчиком, и посоветовали мне отрастить бороду, и тогда, возможно, они прислушаются к моим словам.

И я удалился, сгорая от стыда и бессильной ярости. Отец заставил меня поклясться сохранить память об этом дне до тех пор, пока мои зрелые годы вынудят их скрестить со мной мечи, и я с радостью дал такую клятву. Он также заставил меня поклясться навсегда выбросить из головы мысль о браке с их кузиной, и я, хотя и не дал ответа в тот момент, в душе поклялся подчиниться отцу. Но я был молод - мне едва стукнуло двадцать. Через неделю разлуки с моей любимой я заболел от отчаяния. Наконец однажды вечером я пришел к ней и в порыве страсти и отчаяния бросился к ее ногам, умоляя ее дать мне обет ожидания, и бедная девушка поклялась мне в этом. Ты сам влюблен, Кеннет, и ты можешь понять то нетерпение, которое охватило меня. Разве я мог ждать? И я предложил ей следующее.

В пятнадцати милях от замка находилась небольшая ферма, которая досталась мне в наследство от сестры матери. Туда я и предложил бежать ей. Я обещал найти священника, который нас обвенчает, и некоторое время мы бы жили там в уединении, мире и любви. Через три дня мы бежали.

Мы обручились в деревне, которая была вассалом нашего замка, и незаметно пробрались в наше маленькое гнездышко. Здесь, в полном одиночестве - у нас было только двое слуг: мужчина и женщина, которым я мог безгранично доверять, - мы прожили три месяца, коротких, как все счастливые дни. Ее кузены ничего не знали об этой ферме, и хотя они рыскали в поисках по всей округе, ничего не достигли. Мой отец знал, где мы находимся, но, считая, что того, что сделано, уже не возвратишь, не вмешивался в течение событий. На следующую весну у нас родился ребенок, и наш скромный домик стал настоящим раем.

Немногим спустя месяц после рождения малыша нас постиг тяжелый удар. Мой отец послал мне записку, что он болен, и я отправился навестить его. Я отсутствовал два дня. На второй день мой слуга отправился по делам в ближайший город, откуда должен был вернуться на следующее утро. После я часто корил себя за то, что не принял надлежащих мер предосторожности.

Я вернулся раньше, чем предполагал, но я опоздал. У ворот я увидел двух взнузданных лошадей и с тяжелым предчувствием в сердце бросился к открытой двери. Внутри дома на полу я увидел мою любимую всю в крови с огромной раной в груди. Мгновение я стоял недвижим, парализованный ужасом, затем движение за моей спиной привело меня в чувство, и моему взору представились ее убийцы, один - с обнаженным мечом в руке.

Мне кажется, что именно в эту минуту, Кеннет, все во мне перевернулось. До этого я был добрым, даже слабым. Больше я никогда таким не был. Мне кажется, именно в эту минуту я стал тем грубым и жестоким солдатом, которым ты меня знал. При виде ее кузенов кровь закипела в моих жилах, нервы стянулись в узел и зубы тесно сомкнулись. Я схватил свое охотничье ружье, которое стояло в углу, взял его за ствол, как дубинку, и двинулся на них со слепой яростью зверя, защищающего свое потомство. Я взмахнул ружьем над головой и, клянусь небом, Кеннет, я послал бы их в ад прежде, чем они успели бы поднять руки или вымолвить слово, но в этот момент моя нога поскользнулась в луже крови, и я упал рядом с моей любимой. Охотничье ружье вылетело у меня из рук и ударилось о стену. Я плохо соображал, что происходит, но, лежа рядом с ней, я вдруг почувствовал, что не хочу больше подниматься, что я и так прожил слишком долго. Я понимал, что при виде моего падения эти трусы не упустят случая разделаться со мной, пока я не встал. Я желал этого всей душой и даже не сделал ни малейшей попытки подняться или защитить себя, а наоборот, обнял мою любимую и прижался к ее холодной щеке своей щекой. Пока я лежал, они не заставили себя ждать. Меч пронзил меня насквозь, войдя в спину и выйдя из груди. Комнату заволочло дымкой, стены начали расплываться, в ушах у меня раздался рев океана и затем крик ребенка. Услышав его, я сделал попытку подняться. Как будто издалека до меня донесся голос одного из убийц:

- Быстрее перережь ему глотку! И затем я, очевидно, потерял сознание. Кеннета пробрала

дрожь.

- Господи, какой ужас!

- Когда я очнулся, - продолжал Криспин, как будто не слыша восклицания Кеннета, - дом пылал, подожженный этими негодьями, чтобы скрыть следы преступления. Я не помню, что было дальше. Я пытался восстановить картину событий с того момента, как ко мне вернулось сознание, но тщетно. Каким чудом мне удалось вырваться из горящего дома, я не знаю, но под утро мой слуга обнаружил меня лежащим в саду при смерти в десяти шагах от пепелища.

Господь оставил мне жизнь, но только через год я приобрел прежнюю силу и ловкость, и тогда я был уже совсем другим, не похожим на того веселого, Живого юношу, радостно возвращающегося домой год назад. Мои волосы посеребрила седина, хотя мне был всего двадцать один год, а лицо было постаревшим и изможденным, как у человека вдвое старше меня. Жизнью я был обязан своему слуге, хотя я до сих пор не знаю, должен ли я быть благодарен ему за это.

Как только силы вернулись ко мне, я скрытно отправился к своему дому, надеясь, что все по-прежнему считают меня мертвым. Мой отец сильно постарел за этот год, но он был добр и нежен ко мне. От него я узнал, что наши враги отправились во Францию. Подозрения падали на них, и они решили, что будет лучше на некоторое время исчезнуть из Англии. Он узнал, что они в Париже, и я решил отправиться вслед за ними. Тщетно мой отец пытался отговорить меня, напрасно он убеждал рассказать эту историю королю в Уайтхолле и ждать справедливого решения. Это был хороший совет, и если бы я последовал ему, все бы вышло иначе, но я горел желанием отомстить собственными руками, и с этим намерением отбыл во Францию. На вторую ночь после моего приезда в Париж я случайно ввязался в уличную потасовку и по роковой ошибке убил человека первого из многих других, которых я послал туда, куда завтра предстоит отправиться и мне самому. Этот случай должен был стоить мне жизни, но каким-то чудом я избежал смертного приговора и был сослан на галеры на Средиземноморье.

Двенадцать лет я провел за веслом и все время ждал. Если я останусь жив, решил я, отправлюсь в Англию, отомщу тем, кто разрушил мою жизнь и счастье. Я выжил и вернулся. В стране бушевала гражданская война. И я отправился в стан короля, чтобы обнажить свой меч против его врагов. Между тем их долг рос. Вернувшись домой, я обнаружил, что нашим замком владеют враги. Моего отца уже не было в живых: он умер несколько месяцев спустя после моего отъезда во Францию, и эти убийцы предъявили свои права на наши владения. Ссылаясь на мой брак с их кузиной и нашу обоюдную смерть, они объявили себя прямыми наследниками. Парламент удовлетворил их требования, и наши владения были закреплены за ними. Но, когда я туда приехал, их не оказалось в замке: они уехали искать удачи на стороне парламента, который сослужил им такую хорошую службу. И я решил отложить месть до окончания войны и разгрома парламента. Парламент, однако, уцелел.

Рассказ был окончен. Сэр Криспин сидел, погруженный в свои думы, и в комнате воцарилась торжественная тишина. Когда он, наконец, заговорил, его голос звучал почти просяще:

- Да, Кеннет, ты не любил меня за мои манеры, чрезмерное увлечение вином и все остальное. Но теперь, когда ты узнал, сколько горя и страданий досталось на мою долю, сможешь ли ты по-прежнему осуждать меня? Меня, чья жизнь была целиком загублена, меня, который жил только одним стремлением отомстить тем, кто нанес мне тяжелые раны. Разве удивительно, что я превратился в самого жестокого и разнузданного офицера армии короля? Что еще мне оставалось?

- По чести говоря, на вашу долю достались тяжкие испытания, - ответил юноша с ноткой

сочувствия в голосе. И все же слух "Рыцаря Таверны" уловил какую-то сдержанность в словах его молодого товарища. Он повернулся и посмотрел на него, но в камере было слишком темно, и ему не удалось разглядеть лица говорившего.

- Мой рассказ окончен, Кеннет. Об остальном ты можешь догадаться сам. Король потерпел поражение, и я был вынужден бежать из Англии вместе с остальными приверженцами Стюарта, кому удалось ускользнуть от головорезов Кромвеля. Во Франции я поступил на службу к великому Конде и принял участие в нескольких сражениях. А затем прибыл консул из Бреда и предложил Чарльзу Второму корону Шотландии. Я снова связал свои надежды с его победой, как раньше связывал с его отцом, ибо только в его победе был залог свершения моих планов. Сегодняшний день разрушил все мои последние надежды, а завтра в этот час это уже не будет иметь значения. И все же я бы дорого дал, чтобы иметь возможность наложить свои руки на горло тех двух негодяев прежде, чем палач наложит свои руки на мою глотку.

И снова в камере воцарилась зловещая тишина, нарушаемая только дыханием двух мужчин, сидящих в полутьме.

- Ты слышал мою историю, Кеннет, - произнес Криспин.

- Да, я слышал, сэра Криспин, и видит Бог, как я сочувствую вам.

Юноша замолчал, и Геллиард почувствовал, что этого недостаточно. Он теребил свою душу тяжелыми воспоминаниями, чтобы встретить более дружеское участие. Он даже ожидал, что юноша извинится перед ним за дурное мнение о нем. Было странно, как он желал завоевать расположение мальчика. Он, который в течение двадцати лет не любил и не был любим, сейчас, в последние часы, пытался разбудить сочувствие в нем - в своем спутнике.

И вот, сидя в темноте, он ждал более теплых слов, но Кеннет молчал. Тогда Криспин решил вымолить их.

- Неужели ты не можешь понять, Кеннет, почему я пал так низко? Неужели ты не можешь понять, что заставило меня принять титул "Рыцарь Таверны" после того, как король посвятил меня в рыцари за бой под Файвшаером? Ты должен понять своей свихнутой башкой, Кеннет, - настаивал он почти умоляюще, - и зная мою жизнь, ты не должен судить меня строго, как делал это раньше.

- Я не судья вам, сэра Криспин. Я сочувствую вам от всего сердца, - ответил юноша без теплоты в голосе. И все же рыцарю было этого мало.

- Ты можешь судить обо мне, как любой другой человек может судить о своем товарище. Ты хочешь сказать, что не в твоей власти выносить приговор, но если бы это было так, каково было бы твое решение?

Юноша на мгновение пошевелил серым веществом, прежде чем ответить. По сути своей мальчик был церковномучеником. Пресвитерианское воспитание слишком сильно повредило его психику, и хотя, как он уже сказал, он сочувствовал Геллиарду, все же ему - чей разум был напичкан догмами морали, а жизненный опыт равнялся нулю - казалось, что страдания не могут служить оправданием пороков. Жалость к солдату заставила его на мгновение повременить с ответом. В какую-то секунду в его голове даже промелькнула мысль солгать, чтобы подбодрить своего товарища по заключению. Но затем, вспомнив, что завтра ему предстоит умереть, он решил, что не стоит орать на себя грех лжесвидетельства, даже если это ложь во спасение ближнего, и поэтому он медленно ответил:

- Если бы мне выпало судить вас, сэра, как вы о том просите, я бы был снисходителен к вашим грехам, поскольку вам пришлось много страдать. И все же, сэра Криспин, ваши дурные деяния

и зло, которое вы сотворили в жизни, перевесило бы чашу весов против вас. Вы не должны были осквернять свою душу и подвергать ее риску проклятия только потому, что зло других искалечило вам жизнь, - добавил он внушительно.

Криспин прерывисто вздохнул, как от резкой боли, и некоторое время после этого сидел неподвижно. Затем горько рассмеялся.

- Прекрасно сказано, преподобный сэр! - воскликнул он с издевкой. - Меня только удивляет, зачем вы сменили церковную проповедь на меч, а сутану на кирасу. Вот вам, знатоку казуистики, еще одно изречение: "Суди своего соседа, как самого себя, будь милосерден к нему, и милость Божья не минует тебя". Можете пережевывать это, пока поутру не явится палач. Спокойной вам ночи, сэр!

И, откинувшись на кровать, Криспин начал приготовление ко сну. Он еле двигался от усталости, и на сердце у него было скверно.

- Вы неправильно меня поняли, сэр Криспин! - вскричал пристыженный юноша. - Я судил вас не от сердца, а так, как учит церковь.

- Если этому учит вас церковь, то, клянусь, я никогда не стану церковником! - рявкнул Криспин.

- Со своей стороны, - продолжал юноша, - как я уже говорил, я сочувствую вам от всего сердца. Более того, ваш рассказ так глубоко тронул мою душу, что если бы мы снова обрели свободу, я с радостью и охотно предложил бы вам свою помощь, чтобы наказать этих негодяев.

Сэр Криспин рассмеялся. Он судил больше по тому, как им были произнесены эти слова, чем по их содержанию.

- Где ваш разум, о, казуист? - продолжал он издеваться. - Где же ваши доктрины? Господь сказал: "Аз всем воздам!" Ха!

И пустив свою "парфянскую стрелу", он завалился спать.

Он был отвергнут, сказал он сам себе. Он должен умереть так же, как и жил, - в одиночестве.

Глава 8

Решетка

Усталость брала свое, и, несмотря на свое состояние, Криспин зевнул. Кеннет, сидя в углу, с изумлением прислушивался к ровному дыханию своего соседа. Он не обладал такими же железными нервами и презрением к смерти, как Геллиард, и поэтому не мог последовать его примеру.

Между тем дыхание спящего начало раздражать Кеннета: оно как бы подчеркивало разницу между ним и Криспином. Пока Геллиард рассказывал историю своей жизни, пробудившийся в мальчишке интерес на время заслонил страх перед завтрашним днем. Теперь же, когда Криспин заснул, страх овладел Кеннетом с новой силой. Мысли теснились в голове, и он сидел, понурился и зажав руки между колен, вспоминая в основном Шотландию и свою возлюбленную Синтию. Узнает ли она о его кончине? Будет ли она рыдать по нему? - как будто это имело значение. И любая цепочка мыслей приводила его к неизбежному результату завтра! Содрогнувшись, он крепче стиснул руки.

В конце концов он упал на колени, обращая к Господу не столько молитву, сколько плаксивую жалобу. Он чувствовал себя трусом - особенно из-за мирного храпа этого грешника, которого

он презирал, - и он твердил себе, что настоящий джентльмен должен бесстрашно встречать свой конец.

- Но завтра я буду мужествен. Я буду храбр, - бормотал он.

Тем временем Криспин продолжал спать. Когда он проснулся, около его лица светила" настольная лампа, которую держал в руке высокий человек в сутане и широкополой шляпе, скрывавшей черты лица.

Все еще окончательно не проснувшись и мигая, как сова, Криспин сел на кровать.

- Который час? - спросил он.

- Уже за полночь, несчастный, - ответил глубокий звучный голос. - Ты вступил в свой последний день жизни - день, солнце которого померкнет для тебя навсегда. Но у тебя осталось еще пять часов, которые ты проведешь в этой обители слез.

- Так вы разбудили меня только затем, чтобы это сообщить? - рявкнул Криспин таким громовым голосом, что фигура в сутане быстро отступила назад, как будто ожидая удара. - Убирайся прочь и не нарушай покой джентльмена!

- Я пришел из христианского милосердия, - отвечал священник. - Покайся, брат мой.

- Не надоедай мне, - зевнул Криспин. - Дай мне поспать.

- Через несколько часов ты уснешь крепким сном. Подумай, несчастный грешник, о своей судьбе.

- Сэр! - рявкнул "Рыцарь Таверны". - Мое терпение иссякает. Но зарубите себе на носу одно: мои пути в рай другие, чем у вас. Если рай и вправду населен такими каркающими созданиями, как вы, я буду рад, если не попаду туда. Поэтому ступай, дружок. Оставь меня в покое, пока я не переступил грань гостеприимства.

Священник постоял в молчании, затем поставил светильник на стол и воздел руки к низкому потолку каземата.

- Будь благословен, Господь! - начал он молитву. - Снизойди к этому черствому сердцу закоренелого грешника, низкого, коварного бунтовщика, чьи...

Дальше ему не удалось развить свою мысль. Криспин вскочил на ноги с выпученными глазами.

- Вон! - загремел он, указывая на дверь. - Убирайся вон! На последнем часу жизни я не опорочу свою душу, ударив безоружного. Но убирайся, пока я не передумал! Адресуй свои молитвы в ад!

Священник отступил назад перед этим взрывом негодования. Мгновение он колебался, а затем повернулся к молчаливо стоящему Кеннету. Но пресвитерианская церковь научила того ненавидеть сектанта или баптиста как самого дьявола, и поэтому он присоединился к словам Криспина, хотя и в более мягких выражениях:

- Прошу вас, уходите, - сказал он. - Но если вы хотите оказать нам христианскую помощь, оставьте светильник. Здесь станет темно после вашего ухода.

Священник внимательно посмотрел на Кеннета и, тронутый его кротким тоном, поставил светильник на стол. Затем, подойдя к двери, он обратился к Криспину:

- Я уйду, раз вы с такой яростью отвергаете мои молитвы. Но все равно я буду молиться за вас и вернуться в надежде, что ваши сердца смягчатся перед приближающейся неизбежностью вашей кончины.

- Сэр, - устало промолвил Криспин. - Вы переговорите даже жену селедки.

- Я уйду, уйду! - воскликнул священник, но на пороге он снова задержался.

- Я оставляю вам светильник, - сказал он. - Может, он осветит вам дорогу к Божьему храму. Я вернусь к рассвету. - И с этими словами он вышел.

Криспин громко зевнул и потянулся. Затем указал на скамейку:

- Давай, малыш, теперь твоя очередь. Кеннет поежился.

- Я не могу уснуть! - воскликнул он. - Не могу.

- Как хочешь. - И, расправив плечи, Криспин присел на край скамьи. - Эти чертовы корноухие! - пророкотал он. - Они все заботятся о человеческой душе, а вот на тело им наплевать. Целых десять часов у меня во рту не было ни куска мяса, ни глотка вина. Не то чтобы я очень проголодался, но, клянусь Богом, мое горло суше, чем их проповеди, и я с радостью отдал бы четыре из оставшихся пяти часов за бутылку испанского вина. Что за паршивые негодяи, Кеннет! Они считают, что раз человек должен умереть утром, то его можно оставить без ужина. Эгей! Говорят: тот, кто спит - обедает, но я никогда не слышал, чтобы тот, кто спал - пил. И все же я постараюсь заснуть, может, это отвлечет меня от жажды.

Он растянулся на скамье и вскоре снова заснул.

На этот раз его разбудил Кеннет. Криспин открыл глаза и увидел мальчика, дрожащего, как в лихорадке. Его лицо было серо-пепельного цвета.

- Ну, а теперь в чем дело? Святой Франциск, что с тобой? - требовательно осведомился Криспин.

- Неужели нет никакого выхода, сэр Криспин? Неужели ничего нельзя сделать? - простонал юноша. Геллиард быстро поднялся.

- Бедный мальчик! Тебя пугает мысль о веревке!? Кеннет молча кивнул головой.

- Да, дрянная смерть, это верно. Послушай, у меня в сапоге есть кинжал. Если ты предпочитаешь холодную сталь, то решено. Я окажу тебе эту последнюю услугу, буду нежен, как любящая мать. Вот здесь, напротив сердца, и ты не заметишь, как очнешься в раю.

Отогнув кожаное голенище, Криспин засунул руку в сапог. Но Кеннет в ужасе отпрянул назад.

- Нет! Нет! - закричал он, закрывая лицо руками. - Только не это! Вы не понимаете. Какой смысл менять одну смерть на другую? Неужели нет никакого выхода? Сэр Криспин, - воскликнул он, с мольбой протягивая руки.

- Ты расклеился, - отвечал Криспин. - Ты спрашиваешь, есть ли выход? В камере есть окно, но оно в семидесяти футах над рекой. Есть дверь, но она заперта, и с той стороны дежурит охранник.

- Я должен был догадаться. Должен был догадаться, что вы смеетесь надо мной. Что для вас смерть, если вы разочаровались в жизни. Сама мысль о ней не вызывает в вас ужаса. Но для меня - вдумайтесь, сэр, мне едва минуло восемнадцать лет, и жизнь полна надежд и радости. О, Господи, сжался надо мной!

- Правда, мальчик, правда, - голос рыцаря смягчился. - Я забыл, что для тебя смерть - это не избавление от страданий, как для меня. И все же, пробормотал он, - неужели я так умру, не выполнив своей клятвы - клятвы мести? Клянусь душой, больше ничто не удерживает меня в этой жизни. Ах, если бы и вправду можно было отыскать выход!

- Думайте, сэра Криспин, думайте! - лихорадочно шептал мальчик.

- Бессмысленно. Есть окно, но даже если сломать прутья решетки, что пока мне не представляется возможным, придется прыгать в реку с высоты по крайней мере семидесяти футов, как я уже говорил. Я прикинул расстояние на глаз, как только нас сюда привезли. У нас нет веревки. Если разорвать твой плащ пополам и связать веревку, то она будет по большей мере десяти футов в длину. Ты решишься прыгнуть с оставшихся шестидесяти?

При одной мысли об этом юноша похолодел.

- Вот именно. И даже если ты рискнешь, то это будет означать жизнь только в том случае, если ты упадешь в реку, в противном случае - еще более быстрая смерть, чем от веревки. Черт меня возьми! - внезапно вскричал он, вскакивая на ноги и хватая светильник. - Давай посмотрим на решетку!

Он подошел к окну и поднял светильник на уровень глаз, освещая верхний прут, который служил одной из основ квадрата.

- Стоит попробовать, Кеннет, - бормотал он. - Если убрать этот кусок железа, - он дотронулся до нижнего прута, составляющего железный крест, - то тут вполне можно пролезть. Кто знает, а?

Он вернулся к столу и поставил на него светильник.

- Кто играет в кости, должен сделать ставку. Я ставлю свою жизнь - ставку уже недействительную - и играю на свободу. Если я выиграю, то выиграю все сразу, если проиграю - ничего не теряю. Черт меня побери, я много раз играл в кости с судьбой, но никогда так крупно. Давай, Кеннет, это единственный путь, и мы попробуем воспользоваться им, если нам удастся выломать прут.

- Вы хотите прыгать? - вздохнул юноша.

- В реку. По крайней мере, это шанс.

- О Боже, я не смогу! Это очень страшно. - Мальчик стоял с полуоткрытым ртом. Его глаза горели, но он по-прежнему дрожал, как от холода. - Я рискну, прошептал он, глотая слюну. Внезапно он схватил Геллиарда за руку и указал в окно.

- Что тебя беспокоит? - спросил Криспин.

- Рассвет, сэра Криспин. Рассвет.

Криспин выглянул наружу и в темноте различил сереющую полосу горизонта.

- Торопитесь, сэра Криспин, нельзя терять ни минуты. Священник сказал, что вернется с рассветом.

- Пускай приходит, - мрачно отозвался Криспин, направляясь к окну.

Он сжал нижний конец решетки двумя руками и, упершись коленом в стену, нажал изо всей своей исполинской силы, которую приобрел за двадцать лет, проведенных на галерах. Он почувствовал, как напрягаются жилы, пока не показалось, что они вот-вот лопнут, пот

струйкой сбегал по лицу, дыхание участилось.

- Поддается, - прохрипел он, задыхаясь. - Поддается.

Он отпустил решетку, чтобы передохнуть.

- Дай мне отдышаться. Еще одно такое усилие, и она вылетит... Святой Георг, - рассмеялся он. - Первый раз вода выступает мне союзником: эта решетка насквозь проржавела.

За дверью слышались приближающиеся шаги, ближе, все ближе. Затем они стихли. Пленники перевели дух, и Криспин с новыми силами схватился за решетку. На этот раз дело пошло скорей. Медленно, медленно прут поддавался давлению.

Вновь слышались шаги часового, но Криспин не обращал на них внимания: прут поддался и хрустнул со звуком пистолетного выстрела. Оба пленника затаили дыхание и с минуту с напряжением вслушивались в тишину. Часовой остановился около их двери.

Геллиард быстро оценил ситуацию. Швырнув Кеннета в угол, он задул огонь и растянулся на кровати - все это заняло у него несколько секунд.

В замке заскрежетал ключ, дверь распахнулась, и на пороге выросла фигура круглоголового солдата, держащего в руках светильник, играющий бликами света на его кирасе. Он увидел Криспина, лежащего на кровати с закрытыми глазами и раскрытым ртом, - услышал обнадеживающий храп. Он увидел Кеннета, мирно сидящего на полу спиной к стене. Одно мгновение солдат выглядел озадаченным.

- Вы слышали звук? - спросил он.

- Ага, - отозвался Кеннет сдавленным голосом. - Похоже на выстрел, где-то там.

Его жест, которым он сопровождал свои слова, оказался роковым. Инстинктивно он двинул рукой в направлении окна, привлекая внимание солдата к решетке. Взгляд стражника упал на сломанный прут, и от удивления он издал восклицание.

Будь он дважды дурак, он должен был сразу сообразить, что происходит, и сообразив, должен был дважды подумать, прежде чем осмелиться приблизиться к человеку, который гнет руками железные прутья. Но стражник не славился быстротой мышления. Все еще не оправившись от изумления, он вошел в камеру и направился к окну, чтобы поближе рассмотреть решетку.

Кеннет следил за ним глазами полными ужаса и отчаяния: их последняя надежда рухнула. Затем что-то неуловимое промелькнуло перед ним, и Криспин одним прыжком обрушился на солдата.

Светильник выпал из рук стражника и отлетел к ногам Кеннета. Несчастный пытался крикнуть, но пальцы Криспина цепко схватили его шею. Стражник был сильный мужчина, и в своих неистовых попытках освободиться он таскал Криспина на себе по всей камере. Они натолкнулись на стол, и он неминуемо бы упал, но Кеннет вовремя подхватил его и отодвинул к стене.

Оба мужчины повалились на кровать. Криспин разгадал замысел стражника упасть на пол, с тем чтобы грохот лат привлек на помощь других солдат. Чтобы избежать этого, Криспин бросил стражника на кровать и навалился на него. Здесь он уперся коленом в его грудь, продолжая стискивать руками горло врага.

- Дверь, Кеннет! - скомандовал он шепотом. - Закрой дверь!

Стражник тщетно пытался вырваться из рук Криспина. Его усилия становились все более вялыми, лицо побагровело, над бровями вздулись вены, глаза вылезли из орбит, но он все еще продолжал сучить ногами и сопротивляться. Но Криспин продолжал крепко держать его и с улыбкой, которая показалась несчастной полузамученной жертве улыбкой дьявола, взирал на дело своих рук.

- Кто-то идет, - внезапно простонал Кеннет. - Кто-то идет, сэр Криспин! повторил он, трясясь от ужаса.

Криспин прислушался. Шаги приближались. Солдат также услышал их и возобновил попытки освободиться. Затем Криспин заговорил:

- Ну что ты стоишь, как дурак? Задуй свет - нет, погоди, он может понадобиться. Накрой светильник плащом! Быстрее, мальчик, быстрее!

Шаги были уже совсем рядом. Юноша повиновался, и в комнате воцарилась мгла.

- Встань у дверей, - прошептал Криспин. - Нападай, как только переступят порог, и следи, чтобы ни одного звука! Хватай его за горло и во имя жизни не выпускай из рук.

Шаги стихли. Кеннет бесшумно подкрался к двери. Солдат внезапно затих, и Криспин, наконец, ослабил хватку. Затем, спокойно достав кинжал, он начал обрезать завязки лат на стражнике. В это время дверь отворилась.

При свете светильника, горящего в коридоре, они увидели темную фигуру в широкополой шляпе. Затем звучный голос пуританского священника приветствовал их.

- Ваш час приближается! - возвестил он.

- Как, уже? - отозвался Криспин с кровати. С этими словами он сдвинул в сторону нагрудник и положил руку на сердце солдата. Оно слабо билось.

- Они придут за вами через час, - отвечал священник, и Криспин с волнением подумал, какого черта медлит Кеннет. - Покайтесь же, закоренелые грешники, пока еще...

Фраза прервалась. Священник внезапно осознал, что в камере темно, а у двери нет стражника.

- Что прои... - начал он. Затем Геллиард услышал приглушенный стон, за ним шум падения, и двое мужчин покатались по полу.

- Отлично сделано, мой мальчик! - прорычал Криспин. - Не пускай его, не отпускай еще секунду!

Он соскочил с кровати и, ориентируясь по слабому отблеску света из коридора, подскочил к двери и прикрыл ее. Затем наощупь подошел к столу, где под плащом Кеннета горел светильник. На пути ему попались два борющихся тела.

- Держись, мальчик! - воскликнул он, подбадривая Кеннета. - Подержи его еще секунду, и я приду тебе на помощь.

Наконец он достиг стола и отбросил в сторону плащ, скрывавший светильник.

Глава 9

Сделка

В желтом свете светильника Криспин разглядел двух мужчин - переплетение рук и ног на

полу камеры. Кеннет, который был сверху, крепко держал священника за горло. Лица обоих борцов были одинаково измождены, но если дыхание Кеннета было прерывистым, то священник вовсе был лишен этой возможности.

Подойдя к кровати, Криспин вынул меч у лежащего без сознания солдата. Перед этим он ненадолго наклонился перед его лицом: дыхание было слабым, но различимым. Криспин знал, что пройдет еще немало времени, прежде чем он придет в себя. Он мрачно усмехнулся своему искусству задушить человека, не угасив в нем до конца искорки жизни.

С мечом в руке он возвратился к Кеннету и священнику. Движения пуританина уже переходили в судороги.

- Отпусти его, Кеннет.

- Он все еще сопротивляется.

- Отпусти его, говорю, - повторил Геллиард и, поймав Кеннета за рукав, вынудил его ослабить хватку.

- Он закричит, - запротестовал Кеннет.

- Не закричит. По крайней мере, пока. Следи за ним.

Священник хватал воздух широко раскрытым ртом, как рыба, вытасченная на берег. Даже теперь, когда его горло было свободно, он пытался оторвать невидимые руки от своей шеи, прежде чем сделать вдох.

- Святой Георг, - произнес Криспин. - Я подросел как раз вовремя. Еще секунда - и он тоже потерял бы сознание. Ну вот! Он начинает приходить в себя.

Кровь отливала от лица священника, и оно начало приобретать нормальный оттенок. Но оно побледнело еще больше, когда Геллиард приставил кончик меча к его шее.

- Попробуй только шевельнуться или издать звук, и я пришпилю тебя к полу, как жука. Если будешь меня слушаться, я не причиню тебе вреда.

- Я подчиняюсь, - прошептал несчастный свистящим шепотом. - Клянусь вам в этом. Но ради всего святого, милостивый сэра, я умоляю вас убрать меч. Ваша рука может дрогнуть, сэра.

В его глазах стоял неподдельный ужас.

- Может, клянусь Богом, так оно и будет, если ты вымолвишь хоть слово. Пока ты осторожен и послушен, тебе нечего бояться. - И обратился к молодому человеку, по-прежнему не спускавшему глаз с пленника: - Кеннет, присмотри за тем корноухим, он может очнуться. Свяжи его простыней и засунь в рот шарф, но так, чтобы он мог дышать через нос.

Кеннет выполнил в точности приказания Криспина, в то время как сам Геллиард продолжал караулить преподобного отца. Когда Кеннет объявил, что все готово, Криспин пинком поднял священника на ноги.

- Но смотри, - предупредил он, - один неверный шаг - и ты познакомишься с прелестями рая. Вставай! Несчастный медленно поднялся на ноги.

- Встань здесь. Вот так. Кеннет, возьми его шарф и свяжи ему сзади руки.

После того как это было сделано, Криспин велел юноше снять с пастора его пояс. Затем он усадил его на стул и крепко прикрутил его к нему его же поясом. После этого он уселся на

стол перед священником.

- Теперь, сэр пастор, давайте немного побеседуем. При вашей первой попытке позвать на помощь я отправлю вас в лучший мир, куда вы обычно провожаете души других. Возможно, вы посчитаете, что тот мир более пригоден для молитв, чем обитания, и тогда, я думаю, вы будете послушны. Я надеюсь на вашу честь, здравый смысл и прирожденное отвращение священника ко лжи, чтобы получить правдивые ответы на те вопросы, которые я вам сейчас задам. Если я узнаю, что вы меня обманываете, я прослежу за тем, чтобы это было в последний раз в вашей жизни. - И, вынув меч, он наглядно продемонстрировал, что именно предпримет в этом случае. - Теперь, сэр, давайте будем внимательны. Как скоро наши друзья обнаружат, что здесь случилось?

- Как только они придут за вами.

- И как это скоро произойдет?

- Через час или около того, - ответил пуританин, взглянув в окно. Геллиард последовал его примеру и заметил, что небо значительно посветлело.

- Да, - прокомментировал он, - через час здесь будет достаточно света, чтобы застукать нас. Может ли кто-нибудь прийти раньше этого срока?

- Вряд ли. В доме осталось всего полдюжины солдат. Они находятся в комнате под вами.

- А где лорд-генерал?

- Он уехал, не знаю куда. Но к рассвету он будет здесь.

- А как насчет смены часового, который стоял около нашей двери?

- Я не могу сказать точно, но мне кажется, что это маловероятно. Его сменили перед моим приходом.

- А солдаты в комнате, отвечай мне честно, Эллиаф, у них есть караулы?

- Они выпили слишком много пива сегодня ночью.

Когда Кеннет взял в руки сутану священника, из нее выпала небольшая Библия. Кеннет поднял ее и положил на стол. Криспин взял книгу в руки и поднес к самым глазам священника.

- Поклянитесь на этой книге, что вы говорили только правду.

Ни секунды не колеблясь, пастор поклялся, что все, что он сообщил, было святой правдой.

- Прекрасно, сэр. А теперь я должен быть уверен в вашем молчании, хотя мне очень не хочется причинять вам неудобства.

Он прислонил меч к столу, подошел к пуританину сзади и завязал ему рот шарфом.

- Теперь, Кеннет, - обратился он к юноше, как вдруг внезапная мысль прервала цепь его размышлений. - Кеннет, - продолжал он уже совсем другим тоном. - Не так давно вы поклялись мне, что если мы обретем свободу, вы поможете мне наказать негодяев, которые разрушили мою жизнь.

- Да, сэр Криспин.

На мгновение рыцарь остановился. Он собирался поступить нечестно, сказал он себе, и

первым его побуждением было замолчать и больше не произносить ни слова, но затем он в который раз подумал о той огромной помощи, которую ему может оказать мальчик - жених Синтии Ашберн. Нет, в таком деле нельзя торопиться с решением. Не спеша он взвесил все за и против. С одной стороны, Криспин был уверен, что если им удастся вырваться отсюда, то Кеннет, конечно, бросится искать убежище в доме своих друзей Ашбернов - владельцев замка Марлей. Будет вполне естественно, что он возьмет с собой товарища, который помог ему бежать и делил с ним все опасности пути. А проникнув в замок, он значительно облегчит себе задачу мести. Сначала он вотрется к ним в доверие, а затем...

С другой стороны, на нем тяжелым грузом висело чувство предательства. Он решил связать мальчика словом-клятвой, которую, несомненно, даст, но ни за что бы не дал, если бы знал, о ком идет речь. Это означало предать его и самого сделать предателем его новых друзей - родственников будущей жены. Каков бы ни был исход для Криспина, женитьба Кеннета на Синтии будет расстроена навсегда, благодаря тем действиям, в которые его сознательно втянул Геллиард.

Криспин продолжал мучительно размышлять, и чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону. Но помимо его воли в сознании всплыло то, как юноша отнесся к его рассказу этой ночью, жестокость его суждения, незаслуженная обида, нанесенная Геллиарду, когда он открыл душу этому щенку. Эта мысль поселила в нем неуверенность и ужесточила его сердце, подавив глас совести. Что для него значит этот мальчишка, что он так о нем печется? Чем вызвана его привязанность к нему? Разве он обязан ему чем-нибудь? Нет! И все же он не будет спешить с решением!

Тем временем Кеннетом овладевало нетерпение. С опаской он поглядывал на своего товарища, который стоял, сосредоточенно нахмутив брови и задумчиво глядя в пол. Наконец он решил, что малейшее промедление равносильно самоубийству.

- Сэр Криспин, - прошептал он, дергая того за рукав. - Сэр Криспин!

Рыцарь почти с гневом взглянул на него. Затем огонь погас в его глазах, он вздохнул и заговорил:

- Я думал, как нам все устроить.

- У нас только один путь! - воскликнул мальчик.

- Нет, у нас два пути, и я хочу выбрать самый верный.

- Если вы не решитесь сейчас, у нас вообще не будет никакого выбора! нетерпеливо воскликнул Кеннет.

Заметив растущую тревогу мальчика, Криспин решил поиграть на его страхе, чтобы сделать Кеннета податливым, как воск в своих руках.

- В тебе сказывается отсутствие опыта, - ответил он с сочувственной улыбкой. - Когда ты доживешь до моих лет и познаешь жизнь, когда тебе придется побывать в стольких смертельных переделках, сколько довелось мне, ты поймешь какой роковой может оказаться поспешность. Проигрыш всегда означает потерю чего-то: этой ночью он будет означать потерю наших жизней, и будет обидно, если две такие прекрасные попытки - он указал рукой на пленников - пропадут зря.

- Сэр! - воскликнул Кеннет. - Если вы не пойдете со мной, я пойду один.

- Куда? - сухо осведомился Криспин.

- Наружу.

Геллиард слегка наклонил голову.

- Счастливого пути, сэра. Не смею вас задерживать. Дорога свободна, и в вашем праве выбирать между дверью и окном.

С этими словами Криспин повернулся к нему спиной и направился к кровати, на которой лежал стражник, бросая на них бессильные гневные взгляды. Он отвязал пояс стражника, на котором висели ножны, и повязал его вокруг себя. Не глядя на Кеннета, который стоял на пороге двери, он подошел к столу, взял меч и сунул его в ножны. Как только меч с лязгом зашел на место...

- Быстрее, сэра Криспин! - воскликнул юноша. - Вы готовы?

Геллиард резко обернулся.

- Как? Вы еще здесь?

- Я боюсь, - сознался мальчик. - Я боюсь идти один.

Геллиард тихо рассмеялся, затем внезапно его лицо стало серьезным.

- Прежде чем мы отправимся, мастер Кеннет, я хочу еще раз вам напомнить вашу клятву, что если мы останемся живы, вы окажете мне содействие в совершении справедливого акта возмездия по отношению к моим врагам.

- Я однажды уже дал клятву.

- И вы не передумали с того времени?

- Да нет же, нет! Я согласен на все, на все, сэра Криспин, только бы мы тронулись в путь!

- Не торопись, Кеннет. Такие клятвы так просто не дают. Если мы убежим, я могу по справедливости считать, что спас вам жизнь. Разве не так?

- О, я признаю это!

- В такой случае, сэра, в уплату за мою услугу я потребую от вас помощи в достижении цели, осуществление которой является единственной причиной, побуждающей меня к побегу.

- Я уже обещал! - вскричал юноша.

- Не раздавайте обещаний с такой легкостью, Кеннет, - угрюмо ответил Криспин. - Они могут доставить вам много неприятностей и даже подвергнуть опасности вашу собственную жизнь.

- Я обещаю!

Геллиард кивнул головой и, обернувшись, взял со стола Библию.

- Положа руку на эту книгу, поклянитесь своей честью, верой и спасением души в том, что в случае нашего удачного спасения вы посвятите себя целиком мне и выполнению моей задачи до той поры, пока не свершится месть или меня не постигнет смерть. Поклянитесь, что пренебрежете своими личными делами и привязанностями и будете служить мне тогда, когда это понадобится. Поклянитесь в этом, и я отдам свою жизнь за то, чтобы спасти этой ночью вашу.

На мгновение юноша помедлил с ответом. Криспин выглядел так впечатляюще, и клятва была так торжественна, что он заколебался. Осторожность подсказывала ему, что прежде чем связать себя безоговорочной клятвой, разумнее было бы узнать побольше о той миссии,

которую ему предстоит выполнить. Но Криспин, заметив его нерешительность, решил напустить на него побольше страху.

- Решайся! Становится светло, и надо торопиться.

- Я клянусь! - ответил Кеннет, подстегиваемый его нетерпением. - Клянусь честью, совестью и небом быть к вашим услугам в любое время, когда этого потребует ваша милость.

Криспин взял Библию из рук юноши и положил обратно на стол. Его губы были плотно сжаты, и он избегал смотреть мальчику в глаза. Он взял солдатский плащ и шляпу и обернулся к Кеннету.

- Пошли, захвати шляпу священника и его рясу, они могут пригодиться.

Он приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Некоторое время он прислушивался. Все было тихо. Затем он снова обернулся. В камере становилось все светлее, наступал рассвет.

- Счастливо оставаться, святой отец, - сказал он. - Прости мне те неудобства, которые я тебе доставил, и помолись за наш успешный побег... В своих молитвах поминай меня как Оливера-Длинный Нос. Прощай!

Он открыл дверь и выпустил вперед мальчика. Когда они вышли в полутемный коридор, Криспин тихонько прикрыл дверь и повернул ключ в замке.

- Пошли, - повторил он и направился к лестнице. Кеннет на цыпочках пошел за ним, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

Глава 10

Побег

Осторожно ступая и прислушиваясь к малейшему шороху, двое приговоренных спустились на второй этаж. Ничто не возвещало об опасности, и только достигнув второго этажа, они услышали голоса в комнате стражников внизу. Криспин перегнулся через перила и глянул вниз в холл.

- Судьба благосклонна к нам, Кеннет, - прошептал он. - Эти дураки сидят при закрытых дверях. Пошли. Но Кеннет взял его за рукав.

- А что если дверь откроется, когда мы будем проходить мимо?

- Кто-то умрет. Но я молю Бога, чтобы этого не произошло. Мы должны рискнуть.

- Неужели нет другого выхода?

- Почему? Есть, - съязвил Криспин. - Мы можем торчать здесь, пока нас не схватят. Но, клянусь честью, я дожидаться не стану. Пошли!

Он потащил юношу за собой.

Они ступили на верхнюю ступеньку лестницы, когда тишина в доме вдруг была нарушена громким стуком в наружную дверь. Тут же, - как будто ждали этого, внизу послышался шум шагов и грохот опрокинутого стула, затем холл осветился желтоватым светом и наружная дверь распахнулась.

- Назад, - коротко бросил Геллиард, - Назад! Они успели спрятаться как раз вовремя.

- Все в порядке? - послышался голос, в котором Криспин без труда узнал полковника Прайда.

- Священник посетил осужденных?

- Мастер Тонелей до сих пор у них.

В холле Криспин разглядел фигуру полковника и еще троих, приехавших с ним. Но их он видел только мельком, полковник торопился.

- Пойдемте, господа, - пригласил он кого-то. - Посветите мне. Я хочу увидеть их - по крайней мере одного, прежде чем он умрет. Если бы я мог... то... Веди, дружок!

- О Боже! - выдохнул Кеннет, глядя, как солдат поднимается по ступенькам. Криспин пробормотал страшное проклятие. Сначала ему показалось, что у них не остается иного выхода, как стоять и ждать, пока их снова схватят. В голове промелькнула мысль, что их пятеро, а он один - его спутник не был вооружен.

Криспин быстро оценил ситуацию и огляделся вокруг. Света было мало, но у него было острое зрение, а мысль подстрекала близость опасности. Какое-то чувство подсказало ему, что в шести шагах от них должна быть дверь, и если Небу будет угодно, чтобы она была открыта, то они смогут за ней укрыться. В его лихорадочно работающем мозгу промелькнула также мысль, что в комнате может кто-то находиться. Придется рискнуть. Кеннет стоял, парализованный ужасом, глядя на приближающуюся опасность.

Затем около уха раздался яростный шепот:

- Ступай тихо, если тебе жизнь дорога!

Тремя скользкими бесшумными шагами Криспин достиг двери, о существовании которой он скорее догадался, чем обнаружил. Он быстро провел по ней рукой, пока не нащупал ручку. Он осторожно нажал ее, и дверь поддалась. Кеннет был уже рядом с ним. Он оглянулся назад.

На противоположной стене отражался яростный свет лампы в руках одного из стражников. Еще мгновение, и он поднимется по лестнице, свернет за угол и обнаружит их. За эти несколько секунд Криспин успел открыть дверь, впихнуть туда своего спутника и тихо прикрыть ее за собой. Комната была пуста, в ней даже почти не было мебели, и Криспин облегченно вздохнул.

Мимо двери тяжело прогремели шаги, послышалось позвякивание доспехов, а в узкую щель под дверью просочился свет от лампы. Затем он исчез, и шаги исчезли в отдалении.

- Окно, сэра Криспин! - радостным, возбужденным шепотом сказал Кеннет. Окно!

- Нет, - спокойно ответил Криспин. - Слишком высоко, и потом на улице светло, и мы окажемся не в лучшем положении. Подожди!

Он прислушался. Шаги свернули за угол к лестнице, ведущей наверх. Он приоткрыл дверь.

- За мной! - скомандовал Криспин, и, обнажив меч, кошкой выскользнул в коридор.

Они снова подкрались к лестнице и посмотрели вниз. Дверь в комнату стражников была приоткрыта, и они уловили обрывки разговора. Но Криспин не раздумывал. Если бы дверь была раскрыта настежь, это бы его тоже не остановило. Нельзя было ждать ни секунды. Медленно, опираясь на каменные перила, они начали спускаться. Кеннет следовал за Геллиардом с побелевшим лицом и комком в горле.

Они повернули за угол и начали самую опасную часть пути. Им нужно было преодолеть всего с десяток ступенек, но у подножья лестницы находилась комната стражи, и свет через приоткрытую дверь освещал ближайшие ступеньки. Одна из ступенек скрипнула, и в их

напряженных ушах этот звук прозвучал, как пистолетный выстрел.

Они были всего в трех ступеньках от комнаты и отчетливо различали голоса стражников, когда Криспин внезапно остановился и указал через холл на едва различимую в темноте дверь. Это была та комната, в которой он разговаривал с Кромвелем, и сейчас ее местоположение навело его на одну мысль. Он решил направиться к ней.

Юноша проследил направление его руки и кивнул в знак понимания. Они спустились еще на одну ступеньку, и тут из комнаты стражи послышался громкий зевок, звук которого заставил Кеннета прижаться к стене. Затем кто-то поднялся, послышался звук отодвигаемого стула и шаги. Если бы Кеннет был один, то он бы так и остался стоять, прикованный к стене ужасом.

Но спокойный, хладнокровный Криспин не дремал. Он быстро прикинул, что даже в том случае, если кто-то направляется в их сторону, они мало что выгадают, оставаясь на месте. Единственный выход заключался в том, чтобы миновать дверь прежде, чем она откроется.

Вид Криспина придал мужества и Кеннету. Они медленно спустились вниз, миновали комнату стражи и не спеша, мучительно медленно, стараясь, чтобы их шаги не отдавались на каменном полу, двинулись к той комнате, которую выбрал Криспин. Геллиард неотрывно смотрел назад, готовый в любую секунду броситься, если их обнаружат. Но это не понадобилось. Они благополучно достигли заветной двери. К радости Криспина она была не заперта. Тихонько открыв ее, он молчаливым галантным жестом пропустил вперед своего товарища, продолжая следить за комнатой стражи.

Боязливо Кеннет вступил в комнату, вверху которой уже раздались крики, говорящие о том, что их побег обнаружен. В ответ послышались торопливые шаги стражи, и Криспин едва успел нырнуть в комнату вслед за Кеннетом и закрыть за собой дверь, как холл наполнился вооруженными людьми.

Проникнув в комнату, Криспин первым делом тихо задвинул засов.

- Черт возьми, - пробормотал он. - Мы были на волосок от смерти. А теперь, кричите, петухи! Орите до хрипоты, вороны! Не вам нас вешать!

Кеннет подергал его за полу камзола.

- Что теперь? - спросил он.

- Теперь, - ответил Криспин, - мы выйдем через окно, если ты не возражаешь.

Они подошли к окну и через несколько мгновений уже находились на узкой тропинке, вьющейся около реки, которую Криспин наблюдал из окна камеры. Они также успели заметить небольшую лодку, привязанную в сотне ярдов ниже по течению, и теперь направлялись к этому месту. Вскоре они достигли шлюпки, которая, по счастью, оставалась в сохранности.

- Залезай в нее, Кеннет, - скомандовал Криспин. - Я сяду на весла и постараюсь грести ближе к берегу, чтобы эти головорезы не заметили нас, вздумай они выглянуть в окно камеры. Клянусь ранами Христа, я голоден, как волк, и в горле у меня сухо, как в пустыне. Да ниспошлет нам Господь благословенный дом, где бы мы нашли приют, ужин и кружку эля. Чудо, что я еще смог ползти по ступенькам лестницы. Пустой желудок - не верный товарищ в рискованном деле. Эй! Осторожнее, мальчик... Пусть меня утопят, если этот молокосос не потерял сознание!

Глава 11

Семья Ашбернов

Грегори Ашберн отодвинул стул и сел на стол, за которым обедал он и его брат.

Это был высокий плотный мужчина с рыжеватыми прямыми волосами и грубыми чертами лица. С братом их роднил только цвет волос, на этом сходство кончалось. Джозеф был среднего роста, худощавый, с бледным лицом и тонкими губами.

В молодые годы Грегори слыл красавцем, но беспутная жизнь и излишества рано состарили его. Джозеф же рос дурным малым с самого начала.

- Неделя минула со дня битвы при Ворчестере, - пробасил Грегори, лениво поглядывая по сторонам. - А от мальчугана ни весточки.

Джозеф пожал узкими плечами и глумливо улыбнулся. В его характере было глумиться, улыбаясь, и слова его обычно бывали под стать улыбке.

- Тебя это тревожит? - спросил он, глядя через стол на брата.

Грегори поднялся из-за стола, избегая его взгляда.

- Говоря по чести, я действительно встревожен.

- И все же, - продолжал Джозеф, - по-моему, это вполне естественно. В битвах нередко бывает так, что кого-то убивают.

Грегори не спеша подошел к окну и посмотрел на оголяющиеся к осени деревья.

- Если бы он действительно пал в битве, если бы он был мертв, это действительно означало бы конец.

- Счастливым конц.

- Ты забываешь о Синтии, - укорил его Грегори.

- Не я. Послушай! - он указал рукой в сторону деревянной панели стены.

До слуха двух мужчин, сидящих в богато убранных покоях замка Марлей, донесся звук, слегка приглушенный расстоянием, - девичий голосок, поющий веселую песенку.

- Похоже это на песню девушки, чей возлюбленный не вернулся с поля боя?

- Лишь если принять во внимание, что дитя и в мыслях не может предположить, что он мог погибнуть.

- Клянусь ранами Христа, если ваша дочь хоть немного думает о нем, она должна быть встревожена. Вчера минула неделя со дня битвы, а от него нет вестей. Клянусь, Грегори, это дает мало поводов для веселья.

- Синтия еще столь неопытна. Она мыслит не так, как мы с тобой, и ее не тревожит отсутствие Кеннета.

- Она не утруждает себя мыслями о нем.

- Может быть и так, - резко ответил Грегори. - Я не знаю.

- То, чего мы иногда не знаем, мы можем угадать. Я считаю, что он мертв, и покончим с этим.

- А если нет?

- Тогда, дурачок, он был бы здесь.

- Но его могли взять в плен.

- Ну и что? Плантации довершат то, чего не сделало сражение. Так что пленник или труп - все едино.

И, подняв бокал на свет, он прищурил один глаз, чтобы лучше рассмотреть прекрасный цвет вина. Не то, чтобы Джозеф был тонким знатоком, но он любил позы, и в данном случае не мог придумать ничего более подходящего, чтобы убедить своего брата.

- Джозеф, ты ошибаешься, - сказал Грегори, отрываясь от окна и поворачиваясь лицом к брату. - Есть разница. А что, если он однажды вернется?

- О, если-если! - воскликнул Джозеф. - Грегори, из тебя вышел бы замечательный казуист, если бы судьба не сделала тебя крестьянином! Ну и что, если он однажды вернется? Ну и что?

- Это известно только Господу Богу.

- Ну тогда и предоставь ему разбираться с этим! - последовал быстрый ответ. Джозеф допил свой бокал. Но Грегори покачал головой.

- Слишком велик риск. Я должен знать, и я узнаю, погиб Кеннет или нет. Если он взят в плен, то нам нужно сделать все, чтобы вернуть ему свободу.

- Чума нас всех возьми! - взорвался Джозеф. - К чему вся эта суета?

Грегори терпеливо вздохнул:

- У меня на то есть причины, - медленно проговорил он. - Если тебе надо их напомнить, то мне остается сожалеть о твоей сообразительности. Послушай, Джозеф, ты имеешь гораздо большее влияние, при дворе Кромвеля, и ты бы мог здорово помочь мне в этом деле.

- Я жду, пока ты мне расскажешь, каким образом я могу это сделать.

- Езжай к Кромвелю в Виндзор, или где он там находится? И спроси разрешения выяснить: нет ли Кеннета среди пленных. Если его там не окажется значит он действительно погиб.

Джозеф сделал нетерпеливое движение.

- Ты что, не можешь положиться на судьбу?

- Ты думаешь, у меня совсем нет совести? - с неожиданным пылом воскликнул второй.

- Фу, что за женские капризы!

- Нет, Джозеф. Я стар. Я вступил в осень своей жизни, и хотел бы перед смертью видеть этих двоих обреченными.

- Старая ворона, ты только и умеешь, что каркать, - добавил Джозеф.

На некоторое время разговор стих, и Грегори твердым взглядом посмотрел на брата, пока тот не отвел плутоватые глаза в сторону.

- Джозеф, ты поедешь к Лорду-генералу!

- Ну хорошо, - неохотно отозвался тот, - положим, я поеду. И что делать, если Кеннет

действительно в плену?

- Ты должен упросить Кромвеля даровать ему свободу. Лорд-генерал не откажет тебе.

- Ты думаешь? Я не столь уверен.

- Но ты, по крайней мере, можешь попытаться это сделать, и кроме того, мы будем наверняка знать, что с ним приключилось.

- Все это мне кажется не столь уж необходимым. К тому же, погода портится, ветер переменился, и ревматизм может каждую минуту проснуться в моих костях. Я уже немолод, Грегори, и путешествие в такую погоду - немалое испытание для больного человека, которому за пятьдесят.

Грегори подошел к столу и положил на него ладонь.

- Ты поедешь? - твердо спросил он, пристально глядя на брата.

Джозеф задумался. Он знал, что Грегори упрямый человек, и если сейчас он откажется, то тот будет ежечасно донимать его рассуждениями о судьбе мальчика и о собственном эгоизме. С другой стороны, мысль о путешествии была ему отвратна. Он не относился к типу людей, готовых пожертвовать личным комфортом ради какого-то щенка, попавшего в плен.

- Ну, раз ты принимаешь это так близко к сердцу... - сказал он наконец. Не приходило ли тебе в голову, что у тебя больше оснований просить Кромвеля и больше шансов на успех?

- Ты знаешь, что Кромвель охотнее прислушивается к твоим словам, чем к моим, возможно потому, что ты знаешь, что нужно сказать в нужный момент, поддразнил его Грегори. - Так ты поедешь, Джозеф?

- О, черт возьми! - не выдержал Джозеф, вскакивая со стула. - Я поеду, потому что иначе тебя не утихомирить. Я отправляюсь завтра.

- Джозеф, я благодарен тебе. Но я буду еще благодарнее, если ты отправишься сегодня.

- Ни за что! Утопи меня - не поеду!

- Поедешь, утопи тебя, поедешь, - убедительно сказал ему Грегори. - Ты обязан ехать, Джозеф.

Джозеф снова заговорил о дожде, о том, что небо хмурится и приближается гроза.

- Ну что значит один день? - скулил он.

Но Грегори стоял насмерть, пока его брат не сдался и не согласился отправиться немедленно. Ругая мастера Стюарта последними словами за те хлопоты, которые тот ему доставляет, Джозеф отправился укладывать вещи.

Грегори остался сидеть в столовой, в задумчивости глядя на белую скатерть перед собой. Усмехнувшись, он налил себе бокал муската и выпил его. Как только он поставил бокал на стол, дверь распахнулась, и на пороге появилась прелестная девушка лет двадцати. Грегори посмотрел на круглое свежее лицо своей дочери, шелковые каштановые волосы, спадающие на лоб, и почувствовал прилив гордости. Взглянув на нее еще раз, он подумал, что брат прав: она не была похожа на невесту, чей возлюбленный не вернулся с поля битвы. Ее губы улыбались, а глаза - голубые, как небо, - искрились весельем.

- Почему ты сидишь здесь такой хмурый? - воскликнула она. - Говорят, что мой дядя

отправляется в путешествие?

Грегори захотелось проверить ее чувства.

- Кеннет! - ответил он, с многозначительным видом вглядываясь в ее лицо.

Веселые искорки потухли в ее глазах, и они наполнились грустью. Так она выглядела еще прелестнее. Но Грегори ждал выражения испуга или, по крайней мере, глубокой озабоченности и был разочарован ее реакцией.

- Что с ним, папа? - спросила она, подходя поближе.

- Неизвестно, и в этом загвоздка. К этому времени от него должны были поступить хоть какие-то вести, но их нет, и твой дядя отправляется на его поиски.

- Ты думаешь, с ним могло произойти какое-нибудь несчастье?

Грегори помедлил с ответом, взвешивая слова.

- Надеюсь, что нет, дорогая, - начал он. - Его могли взять в плен. Последнее известие от него было из Ворчестера, но вот уже прошла неделя с того дня, как закончилось сражение. Если он в плену, то у твоего дяди достаточно связей, чтобы его освободить.

Синтия вздохнула и подошла к окну.

- Бедный Кеннет, - пробормотала она с нежностью. - Возможно, его ранили.

- Скоро мы узнаем, - отозвался отец. Его разочарование становилось все острее: там, где он ждал скорби, он нашел обычное участие.

- Небо хмурится, отец, - сказала Синтия, стоя у окна. - Бедный дядя! Ему придется ехать в слякоть!

- Кажется, кто-то жалеет бедного дядюшку, - проворчал появившийся в дверях столовой Джозеф, - которого ваш батюшка гонит из дома в любую погоду на поиски пропавшего возлюбленного его дочери.

Синтия одарила его улыбкой.

- Вы настоящий герой.

- Ладно, ладно, - продолжал ворчать Джозеф. - Я отыщу вашего бездельника, чтобы наша красотка не выплакала себе глаза.

Грегори с неодобрением взглянул на брата, который подошел к нему вплотную.

- Убивается, не правда ли? - пробормотал он, но тот смолчал.

Час спустя Джозеф, сидя на лошади, снова повернулся к брату, указывая глазами на девушку, которая стояла, поглаживая блестящую шею его скакуна.

- Ну не упорствуй, - сказал он. - Ты же видишь, что все так, как я говорю?

- А все-таки, - упрямо возразил Грегори, - я надеюсь, что ты вернешься с мальчиком. Так будет лучше.

Джозеф презрительно пожал плечами. Затем, попрощавшись, он и его двое слуг выехали на дорогу и двинулись на юг.

Замок, принадлежавший Роланду Марлёю

На следующий день, в полдень, Грегори прогуливался по широкой трассе замка Марлей, дыша свежим воздухом, когда его внимание привлек стук копыт, приближающийся к воротам. Он остановился посмотреть на гостей. Первой его мыслью было, что это его брат, второй - что Кеннет. Сквозь густую завесу деревьев по сторонам дороги он сумел различить фигуры двух всадников и пришел к заключению, что ни один из них не Джозеф.

Вскоре к нему присоединилась Синтия и задала ему тот же вопрос, что вертелся у него в голове. Но он никак не мог решить, кто бы это мог быть, и в душе продолжал надеяться, что это Кеннет.

Между тем путники миновали аллею и выехали на открытое пространство перед террасой. Один из них, ехавший чуть впереди, был похож на пуританина низшего сословия, в шляпе с широкими полями и черном потрепанном плаще. Другой, закутанный в накидку красного цвета, с необычайно длинным мечом, болтавшимся сбоку, казался мало подходящей компанией для своего молодого спутника.

Грегори задержался на террасе, чтобы отдать приказание слугам встретить гостей, а затем спустился по ступенькам, чтобы принять Кеннета в распростертые объятия. Позади него медленно и чинно, как дама вдвое старших лет, вышагивала Синтия. Она спокойно прореагировала на появление своего пропавшего возлюбленного, в вежливых выражениях выразив радость видеть его живым и невредимым, и позволила поцеловать себе руку.

Чуть позади них стоял Криспин с бледным, суровым лицом. Его губы были полуоткрыты, глаза горели при виде каменных стен своего дома, где он не был столько лет и куда пришел, наконец, с шляпой в руке просить приюта.

Грегори говорил, положив руку на плечи Кеннету: - Мы очень волновались за тебя, мальчик. Мы уже стали подумывать о наихудшем, и вчера Джозеф отправился к Кромвелю, чтобы разузнать о тебе. Где ты пропал?

- После, сэр. Отложим разговор на вечер. Это длинная история.

- Хорошо, хорошо! Раз у нее счастливый конец, то с рассказом можно повременить. Вы устали и, несомненно, хотите отдохнуть. Синтия приготовит все необходимое. Но что это за чучело ты привез с собой? - воскликнул он, указывая на Геллиарда. Он принял его за слугу, но вспыхнувшее лицо сэра Криспина подсказало ему, что он ошибается.

- Я прошу вашего соизволения... - начал Криспин с некоторой горячностью в голосе, но Кеннет опередил его:

- Этому джентльмену, сэр, я обязан своим спасением. Он был моим товарищем по заключению, но благодаря его уму и храбрости я избежал смерти. Позже я вам поведаю эту историю, сэр, и клянусь, вы будете рады поблагодарить его. Это сэр Криспин Геллиард, ранее капитан конного отряда, в котором я служил в бригаде Мидлтона.

Криспин низко поклонился под оценивающим взглядом Грегори. В его сердце закрался страх, что, возможно, годы не так уж сильно изменили его.

- Сэр Криспин Геллиард, - произнес Ашберн, мучительно роясь в памяти. Геллиард, Геллиард... Я помню одного, которого звали "Геллиард Сто Чертей" и который причинил немало хлопот во времена последнего правления короля.

Криспин облегченно вздохнул. Это объясняло пылкий взгляд и интерес Ашберна к его

персоне.

- Он самый, сэр, - ответил он с улыбкой, отвешивая новый поклон. - Ваш слуга, сэр, и ваш, миледи.

Синтия с интересом посмотрела на его худощавую фигуру солдата. Она тоже слышала - а кто не слышал? - страшные истории о его приключениях. Но ни от кого еще она не слышала о бегстве мятежников из Ворчестера, и поэтому, когда вечером Кеннет рассказал им историю своего побега, ее интерес к Криспину сменился восхищением.

Романтика занимала в ее сердце немалую часть, как, впрочем, и у любой женщины. Она любила бардов и их песни о великих подвигах, а Криспин вполне подходил к образу героя из романтической баллады.

Кеннета она никогда не ценила высоко, но сейчас, особенно в присутствии этого сурового воина, закаленного опасностями, он потерял для нее какой-либо интерес.

И когда он вскоре дошел до того места, как он потерял сознание в лодке, она не смогла сдержать улыбку.

При этом отец бросил на нее быстрый беспокойный взгляд. Кеннет резко прервал повествование и поспешил закончить рассказ. Бросив на нее укоризненный взгляд, он сначала покраснел, а затем побледнел от обиды. Геллиард смотрел на это со спокойствием и не сделал ни малейшей попытки нарушить неловкую паузу, возникшую в беседе.

Правду сказать, его душу обуревали другие чувства, погружая его в задумчивое состояние.

После восемнадцати лет скитаний он, наконец, снова в своем родном замке Марлей. Но он вернулся под чужим именем просить убежища у своих врагов под крышей отчего дома. Он вернулся как мститель. Он пришел искать справедливости, вооруженный возмездием. Неопишуемая ненависть сжимала его сердце и требовала смерти тех, кто разрушил его жизнь. С этими мыслями он сидел за столом и сдерживал подступающую к горлу ярость всякий раз, когда его взгляд падал на круглое улыбающееся лицо Грегори Ашберна. Время еще не пришло. Он должен подождать возвращения Джозефа с тем, чтобы обрушить свою месть на обоих сразу.

Все эти восемнадцать лет он терпеливо выжидал, веря, что перед смертью великий и милосердный Господь даст ему возможность осуществить то, чего он так ждал, ради чего жил.

Он много пил этим вечером, и с каждой новой чашей его сердце оттаивало. Вскоре Синтия покинула их, вслед за ней поднялся и Кеннет. Только Криспин продолжал сидеть за столом и пить за здоровье хозяина дома, пока под конец Грегори, который никогда не отличался крепкой головой, совершенно не опьянел.

До полуночи они просидели за столом, разговаривая о том, о сем и с трудом понимая друг друга. Когда часы в зале пробили полночь, Криспин заговорил об отдыхе.

- Где вы хотите положить меня? - спросил он.

- В северном крыле, - ответил Грегори, икая.

- Нет, сэр, я протестую! - закричал Криспин, с трудом поднимаясь на ноги и покачиваясь из стороны в сторону. - Я буду спать в Королевской комнате!

- Королевской комнате? - эхом откликнулся Грегори, и на его лице отразилась безуспешная попытка вникнуть в смысл сказанного. - Что вы знаете о Королевской комнате?

- Что она выходит на восток к морю и что это самая моя любимая комната.

- Откуда вы это можете знать, если, насколько мне известно, вы здесь никогда прежде не бывали?

- Не бывал? - переспросил Криепин с угрожающим видом. Затем, спохватившись, он одернул себя. - В былые времена, когда этот замок принадлежал Марлеям, мне частенько приходилось бывать в этих стенах, пробормотал он. - Вы об этом не могли знать. Роланд Марлей был моим другом. Мне всегда готовили постель в Королевской комнате, мастер Ашберн.

- Вы были другом Роланда Марлея? - задохнулся Грегори. Он был очень бледен, и лицо его стало влажным от пота. Упоминание этого имени протрезвило его. Ему показалось на мгновение, что перед ним стоит дух Роланда Марлея. Его ноги подкосились, и он рухнул обратно в кресло.

- Да, я был его другом! - с ударением повторил Криспин. - Бедный Роланд! Он женился на вашей сестре, не так ли? И именно в силу этого замок Марлей перешел в ваше владение?

- Он женился на нашей кузине, - поправил его Грегори. - Это была несчастная семья.

- О! Так это была ваша кузина? Да, действительно несчастная. - Криспин перешел на мелодраматический тон. - Бедный Роланд! В память о прежних временах я хочу спать в Королевской комнате, мастер Ашберн.

- Вы будете спать там, где пожелаете, - ответил Грегори, и они поднялись из-за стола.

- Как долго мы будем иметь честь видеть вас своим гостем, сэр Криспин? спросил Грегори.

- Не Долго, сэр, - необдуманно ответил Геллиард. - Возможно я отправлюсь завтра же утром.

- Я надеюсь, что вы передумаете, - с явным облегчением произнес Грегори. Друг Роланда Марлея всегда желанный гость в доме, который когда-то принадлежал Роланду Марлёю.

- Дом, который принадлежал Роланду Марлёю, - пробормотал Криспин. Хой-хо! Жизнь непредсказуема, как игра в кости. Сегодня мы говорим: "Дом, который принадлежал Роланду Марлёю", а скоро люди будут говорить: "Дом, в котором жили Ашберны - да и умерли в котором..." Позвольте пожелать вам спокойной ночи, мастер Ашберн!

Он поднялся на ноги и неуверенно взошел по лестнице, где его уже ждал слуга Со свечой в руке, чтобы проводить в покои, которые он выбрал.

Грегори проводил его тусклым испуганным взглядом. Слова, которые пробормотал Геллиард, звучали в его ушах как пророчество.

Глава 13

Станный Кеннет

С наступлением утра Криспин, однако, не проявил никаких признаков желания расставаться с замком Марлеев. При этом он вовсе не стал касаться вопроса отъезда.

Грегори также не настаивал на этом. В силу того, что он сделал для Кеннета, Ашберн был в долгу у Геллиарда, к тому же наутро он слабо припоминал содержание вчерашнего разговора. Единственное, что отложилось у него в голове, это то, что Криспин был другом Роланда Марлея.

Кеннет также был не прочь, чтобы Криспин задержался у них подольше, и не требовал от него продолжения пути и осуществления мести, чему юноша поклялся помогать. Он тешил себя надеждой, что со временем Геллиард забудет о своем желании и не станет предпринимать никаких шагов. В целом, однако, это не очень беспокоило его. Он был больше озабочен поведением Синтии. Все его пламенные речи она слушала вполуха, иногда прерывала его, как бы желая сказать, что он человек громких слов, но мизерных деяний. Что бы он ни делал, она все находила не заслуживающим внимания, и не упускала случая сказать ему это. Она обзывала его вороной, набожным лицемером и другими обидными прозвищами. Он слушал ее в изумлении.

- Неужели пристало тебе, Синтия, выросшей в хорошей набожной семье, смеяться над символами моей веры? - кричал он в исступлении.

- Вера! - рассмеялась она. - Это только символ и больше ничего: псалмы, проповеди и вождение за нос.

- Синтия! - воскликнул он в ужасе.

- Идите своей дорогой, сэр, - ответила она полушутя-полусерьезно. - Разве настоящая вера нуждается в символах? Это касается только вас двоих: тебя и Господа Бога, и он будет смотреть на твое сердце, а не на твое одеяние. Зачем же тогда, ничего не выигрывая в его глазах, ты теряешь свое лицо в глазах других людей?

Щеки Кеннета вспыхнули румянцем. Он отвел взгляд от террасы, по которой они прогуливались, и взглянул вниз на тенистую аллею, ведущую к замку. В этот самый момент по аллее лениво прогуливался сэр Криспин... Он был одет в красный камзол с серебряной оторочкой и серую шляпу с большим красным пером, которые он почерпнул из обширных гардеробов Грегори Ашберна. Вид Криспина дал Кеннету повод для возмущения.

- Вы бы предпочли мне вот такого мужчину? - воскликнул он с жаром.

- По крайней мере, это мужчина, - последовал язвительный ответ девушки.

- Мисс, если для вас мужчиной является пьяница, грубиян и задира, то я бы предпочел, чтобы вы не считали меня таковым.

- А кем, сэр, вы бы хотели, чтобы вас считали?

- Джентльменом, мисс, - последовал напыщенный ответ.

- Вы собираетесь заработать этот титул, оскорбляя человека, которому обязаны жизнью?

- Я не оскорбляю его. Вы сами в курсе того пьяного инцидента, который имел место три ночи назад, когда мы праздновали мое возвращение в замок Марлей. И я не забыл, чем обязан ему. И отплачу ему тем же, когда придет время. Если я и произнес обидные слова, то только в ответ на ваши насмешки. Неужели вы думаете, что я могу соперничать с ним? Знаете, как роялисты прозвали его? "Рыцарь Таверны".

Она осмотрела его с веселым изумлением.

- А как они называли вас, сэр?" - "Рыцарь Проповедник"? Или "Рыцарь Белого Пера"? Я нахожу вас скучным и утомительным. Я бы предпочла быть рядом с человеком, который помимо несомненных мужских качеств обладал бы еще и другими достоинствами: честностью, храбростью и на счету которого было бы немало подвигов, нежели такого, в котором нет ничего мужского, за исключением плаща священный символ, которому вы придаете столько значения.

Его красивое лицо пылало.

- В таком случае, мисс, я оставляю вас с грубым и неотесанным кавалером.

И, слегка поклонившись, он повернулся и покинул ее. Теперь настала очередь Синтии сердиться. Она обругала его в душе за грубость и трусливое бегство, заключив, что, честно говоря, она несколько преувеличила достоинства Криспина. Ее чувства к этому безбожнику можно было скорее назвать жалостью. Судя по рассказу об их бегстве, Криспин был храбрым человеком, не лишенным смекалки, а такие качества в мужчине, по мнению Синтии, не гармонировали с его беспутной жизнью. Может, когда-нибудь, узнав его поближе, ей удастся вернуть его на путь добродетели.

С этими мыслями она, не дожидаясь более близкого знакомства, пыталась оказать влияние на Криспина, но он постоянно сводил все разговоры к шуткам, используя свой изворотливый ум. В Синтии он увидел препятствие к осуществлению своей мести. Он почувствовал, что теперь возмездие не принесет ему должного удовлетворения. Она казалась такой прекрасной, невинной и чистой, что он не раз удивлялся, как она могла быть дочерью Грегори Ашберна. Его сердце сжималось при мысли о том, как эта невинная душа должна будет настрадаться от тех несчастий, которые он собирался обрушить на их семью.

Первые дни своего пребывания в замке Марлей он с нетерпением ждал возвращения Джозефа Ашберна. Теперь каждое утро он ловил себя на мысли, что в душе надеется, что Джозеф сегодня не приедет.

Из Виндзора прибыл курьер с письмом для Грегори, в котором Джозеф сообщал, что Лорд-генерал покинул замок и отправился в Лондон, а он отправляется за ним вслед. И Грегори, не имевший возможности оповестить брата, что пропавший Кеннет объявился в замке, был вынужден набраться терпения и ожидать его возвращения.

Так пролетела неделя. Обитатели замка Марлей пребывали в мире и спокойствии, не подозревая, что живут на вулкане. Каждую ночь после того, как Кеннет и Синтия покидали залу, Грегори и Криспин подсаживались к столу и начинали хлестать вино - один, чтобы напиться, другой, как обычно, чтобы заставить себя забыть о мести,

Сейчас он, как никогда, нуждался в этом, ибо боялся, что мысль о Синтии лишит его мужества. Если бы она ругала его, презирала за его образ жизни, тогда бы, возможно, мысли о ней не так бередили его душу. Она везде искала его общества, ее не отталкивали его попытки избегать встреч с ней, и каждый раз она относилась к нему с такой добротой, что это повергало Криспина в отчаяние.

Кеннет, не подозревая об ее истинных намерениях по отношению к Криспину, а видя только внешние проявления внимания, которые он в порыве ревности истолковывал по-своему и преувеличивал, стал мрачным и раздражительным и с Синтией, и с Геллиардом, и даже с Грегори.

В конце концов жгучая ревность, казалось бы, выплеснула на поверхность все зло, которое таилось в мальчике, и оно на время подавило его врожденную добродетель - если религиозное воспитание можно причислить к добродетели.

Он начал медленно, но твердо отбрасывать от себя символы веры - свое траурное одеяние. Сначала он подыскал себе другую шляпу, помоднее, с пером, потом спорол белые полосы плаща, а затем и сам плащ украсился серебряными кружевами. Так понемножку, шаг за шагом, происходили превращения Кеннета, и к концу недели он уже выступал как настоящий благородный кавалер. Из сурового аскета он за несколько дней превратился в отвратительного фата, хлыща. Его светлые волосы, которые еще до недавнего времени ниспадали на лоб, теперь были немислимо завиты и схвачены за правым ухом голубой

лентой.

Геллиард с изумлением наблюдал за его превращениями. Зная, на какие глупости способна обиженная молодость, он во всем винил Синтию и по своему обыкновению подсмеивался над мальчиком. Грегори тоже веселили выходки Кеннета, и даже Синтия порой улыбалась.

Облачившись в придворные одежды, Кеннет приобрел замашки настоящего вельможи, его речь стала порывиста и надменна, более того, его уста, которые были невиннее младенца, стали извлекать некоторые не совсем приличные клятвы, к которым частенько прибегал Криспин.

Раз Синтии нужен грубый ухажер, решил он, то он таковым станет. К сожалению, у него не хватало смекалки, чтобы понять, что в этих одеяниях он вызывает у нее не столько интерес, сколько удивление.

- Что значит весь этот павлиний наряд? - как-то раз спросила она у Кеннета. - Это тоже символы?

- Можно считать их таковыми, - угрюмо отвечал он. - Прежним я вам не нравился.

- И вы решили приукрасить себя этим маскарадом.

- Синтия, вы смеетесь надо мной! - воскликнул он, разозлившись.

- Да упасет меня Небо! Я просто указываю на разницу, - отвечала она весело. - Ну разве эти надушенные одежды не маскарад, так же, как ваш черный плащ и шляпа? Тогда вы изображали из себя святошу, теперь - распутника. Но в обоих случаях это только притворство.

Он оставил ее и отправился искать Грегори, чтобы излить ему свою жалобу на холодное отношение Синтии. После этого состоялся короткий разговор между Синтией и ее отцом, в итоге которого Синтия заявила, что никогда в жизни не выйдет замуж за щеголя.

Грегори пожал плечами и ответил, что через это проходят все молодые люди, это путь к мудрости.

- Возможно! - с жаром возразила она. - Но в данном случае мы имеем дело с непроходимой глупостью. Мастер Стюарт может возвращаться в свою Шотландию. В замке Марлей он только понапрасну теряет время.

- Синтия! - разгневался Грегори.

- Отец, - взмолилась она, - не надо сердиться! Ты же не станешь выдавать меня замуж против моей воли? Ты ведь не выдашь меня за человека, которого я презираю?

- Презираешь? Господь всемогущий! Какое право ты имеешь его презирать? гневно спросил он.

- Это право дает мне свобода мыслить - единственная свобода, доступная женщине. В остальном мы для мужчин - не больше, чем топор или другая вещь, которую можно купить и продать, взять или бросить.

- Дитя мое, что ты понимаешь в этих вещах? - воскликнул Грегори. - Ты переутомилась, дорогая.

И он покинул ее, решив отложить этот разговор до лучших времен.

Она вышла из замка, чтобы побродить в одиночестве среди обнаженных деревьев парка, и наткнулась на Криспина, сидящего на поваленном стволе дуба.

Шорох платья заставил его подняться. Он снял шляпу, приветствуя ее, и хотел уйти, но Синтия остановила его.

- Сэр Криспин?

- К вашим услугам, мисс Синтия!

- Вы что, боитесь меня?

- Красота, мисс, обычно пробуждает мужество, а не страх, - ответил он с улыбкой.

- Вы уходите от ответа, сэр.

- Это тоже ответ, мисс, если его верно истолковать.

- Значит, вы не боитесь меня?

- Бояться не в моих привычках.

- Почему же вы вот уже три дня избегаете меня? Помимо своей воли Криспин почувствовал, как у него заколотилось сердце - заколотилось от неизъяснимого блаженства при мысли, что она заметила его отсутствие.

- Возможно это происходит потому, - начал он медленно, - что в противном случае вы бы избегали меня, мисс Синтия.

- Сатана был горд, сэр, - и из-за этого был проклят.

- Та же судьба ждет и меня, раз гордыня уводит меня от вас.

- Нет, сэр, - рассмеялась она, - вы бежите от меня по своей воле.

- Не по своей, Синтия. Не по своей, - начал он, затем спохватился и произнес со смешком: - Из двух зол, мисс, вы должны выбирать наименьшее.

- Мисс! - откликнулась она, не обращая внимания на другие его слова. Отвратительное слово, к тому же мгновение назад вы называли меня "Синтия".

- Благодарю вас за честь.

Она взглянула на него с недовольным недоумением и затем направилась прочь от его неподвижной скованной фигуры. Криспин решил, что она бросает его одного, и был рад этому. Но, отойдя на десяток шагов, она оглянулась через плечо.

- Сэр Криспин, я иду к утесу.

В её голосе, несомненно, звучало приглашение. Он грустно улыбнулся.

- Я скажу Кеннету, если увижу его. Услыхав эти слова, она нахмурилась.

- Я не хочу, чтобы он приходил. Я лучше пойду одна.

- Хорошо, мисс, тогда я не буду сообщать об этом никому.

- Оттуда такой прекрасный вид...

- Я всегда был того же мнения, - согласился он. Ей хотелось обзвать его глупцом, но она сдержалась.

- Разве вы не хотите составить мне компанию? - спросила она напрямик.

- С удовольствием, если таково ваше желание.

- Вы можете остаться, сэр.

Ее обиженный тон подсказал Криспину, что он был невежлив.

- С вашего позволения, мисс, я пойду с вами. Я скучный собеседник, но если вы хотите... Она прервала его:

- Ни в коем разе. Я не люблю скучных собеседников.

И она ушла.

Криспин вновь присел на поваленное дерево и задумался. Старый солдат, которого привела в замок жажда мести, расплывается, как воск, при одной мысли о ней, потому что боится причинить боль этой девушке, которая насмехается над ним, играет с ним.

Что он, безбородый, зеленый юнец? Или он снова превратился в семнадцатилетнего, если взгляд пары прекрасных глаз заставляет его забывать обо всем на свете?

Он резко поднялся и бесцельно побрел по парку, пока внезапно поворот тропинки не столкнул его лицом к лицу с Синтией. Она встретила его взрывом смеха.

- Сэр Увалень, я знала, что волей или неволей, но вы последуете за мной! воскликнула она.

И он, застигнутый врасплох, только улыбнулся ей в ответ, потому что она все рассчитала верно.

Глава 14

Сердце Синтии

Рука об руку гуляла по парку эта необычная пара - девушка, с душой чистой, как дыхание морского ветерка, и мужчина, чья жизнь прошла в лишениях и страданиях, в неосознанном грехе, девочка, стоящая на пороге материнства, чьи годы до этой поры были наполнены только радостью и весельем, и человек на полпути к своей зловещей цели - кровавой мести - единственное, что еще удерживает его в этой жизни, которую он сам считает безобразной и отвратительной.

- Сэр Криспин, - робко начала Синтия, - вы несчастны, да?

Геллиард взглянул на нее, пораженный ее словами и тем тоном, которым они были произнесены.

- Я? Несчастен? - он рассмеялся. - Разве я похож на шута, который притворяется несчастным в такой день, находясь рядом с вами?

- Значит, вы счастливы? - спросила она с вызовом.

- А что есть счастье? - отозвался он. И прежде чем она успела ответить, добавил: - Многие годы я не был счастлив так, как сейчас.

- Я говорю не о теперешнем вашем положении, - сказала она с укоризной, уловив в его

словах нечто большее, чем просто комплимент. - Я говорю о всей вашей жизни.

Но то ли из врожденной скромности, то ли еще по какой причине, он пришел к разумному заключению, что данная тема менее всего пригодна для развлечения молодой девушки.

- Мисс Синтия, - произнес он, делая вид, что не слышал ее вопроса, - я бы хотел сказать вам пару слов относительно Кеннета.

В ответ на это она недовольно надула губки.

- Но я просила вас рассказать о себе. Нехорошо не слушаться леди. К тому же мастер Кеннет меня абсолютно не интересует.

- Если девушку не интересует жених, то у него мало шансов стать ее мужем.

- Ну, я думаю, вы, наконец, поняли меня. Кеннет никогда не станет моим мужем, сэр Криспин.

- Что вы такое говорите? - воскликнул он.

- О, господи! Неужели я должна выйти замуж за куклу? Разве он мужчина, которому девушка могла бы подарить свою любовь, сэр Криспин?

- - Что вам в нем не нравится?

- Все!

Он рассмеялся, не принимая ее слова всерьез.

- Ну это чересчур. А кто виноват в его недостатках?

- Кто же?

- Вы сами, Синтия. Вы относитесь к нему пренебрежительно. И в том, что в последнее время его поведение стало несколько экстравагантным, виноваты тоже вы. Вы слишком жестоки к нему, и он в своем стремлении вернуть вашу благосклонность переступил границу осторожности.

- Это мой отец просил вас сказать мне об этом?

- С каких пор ваш отец почитает меня таким доверием? Нет, нет, Синтия. Я прошу за этого мальчика - сам не знаю почему.

- Плохо заступаться за человека, не зная своих истинных побуждений! Давайте забудем об этом повесе Кеннете. Говорят, сэр Криспин, - и она взглянула на него своими прекрасными глазами, которым нельзя было лгать, - что в королевской армии вас прозвали "Рыцарем Таверны".

- Это правда. И что из этого?

- Как что из этого? Вы краснеете при одной мысли об этом?

- Я? Краснею? - В его глазах сверкали искорки смеха, когда он встретил ее грустный, полный сочувствия взгляд. Искренний, чистосердечный смех вырвался из его груди, спугнув стаю чаек с прибрежных скал.

- О, Синтия! - проговорил он, слегка задыхаясь от смеха. - Представьте себе Криспина Геллиарда, краснеющего и хихикающего, как молодая девушка перед первым возлюбленным. Нет, только представьте! Легче представить себе Люцифера, распевającego псалмы и

поучения пастора-конформиста.

Ее глаза сверкали гневом.

- Вы всегда так. Надо всем вам надо посмеяться! Я уверена, что таким вы были с самого начала и именно это ваше качество довело вас до теперешнего состояния.

- Нет, прекрасная мисс, вы ошибаетесь, вы очень ошибаетесь, я не всегда был таким. Было время... - Он замолчал. - А! Только трусы кричат что "было время"... Оставим мое прошлое, Синтия. Оно мертво, а о мертвом не принято говорить плохо.

- Что же скрывается в вашем прошлом? - продолжала настаивать она, несмотря на его слова.
- Что могло изменить природу человека, который когда-то был и все еще остается человеком большой души? Что привело вас к вашему теперешнему состоянию, вас, который был рожден, чтобы вести за собой других, который...

- Не надо, дитя мое. Не надо! - умолял он ее.

- Нет, вы расскажите мне обо всем. Давайте присядем здесь.

И, взяв его за рукав, она присела на небольшой бугорок, оставив место для него. С полусмехом-полувздохом он подчинился и присел рядом с ней на камень, освещенный лучами сентябрьского солнца.

Его подмывало рассказать ей все. Нотка тепла в ее голосе была для него, как глоток воды для умирающего от жажды. Жгучее желание оправдать себя в ее глазах, дать ей понять, что в его падении больше виноваты другие, нежели он сам, толкало его поведать ей ту историю, которую он рассказал Кеннету в Ворчестере. Искушение росло с каждой минутой, но в конце концов он образумился, напомним себе, что виновники его несчастий приходятся ей родственниками. Он мягко улыбнулся и покачал головой.

- Мне нечего рассказать вам, дитя мое. Давайте лучше поговорим о Кеннете.

- Я уже сказала вам, что не желаю слышать о нем.

- Но вы должны выслушать это, хотите вы того или нет. Вы думаете, что только потрепанный в войнах пьяница может ошибаться? Не приходило ли вам в голову, что и маленькая нежная девушка также не застрахована от ошибок?

- Но что я сделала дурного? - воскликнула Синтия.

- Вы несправедливы к бедному мальчику. Разве вы не видите, что единственным его желанием является стремление вернуть ваше расположение?

- В таком случае, это его желание проявляется в странных формах.

- Он просто выбрал не те средства, вот и все. В его сердце лежит только одно желание - быть рядом с вами, и в конечном счете важна суть, а не ее проявления. Почему вы так неласковы с ним?

- Но это вовсе не так. Можно ли считать плохим отношением, если я даю понять, что мне не нравится его манера одеваться? Будет ли более гуманно не замечать этого и поощрять его дальше? У меня не хватает на него терпения.

- Что касается его манеры одеваться, то, как я уже говорил, это больше ваша вина.

- Сэр Криспин! - грозно произнесла она. - Вы становитесь утомительным.

- Да, - ответил он, - я начинаю утомлять вас своими словами, потому что говорю о долге, а это утомительная тема для беседы.

- Какой долг? О чем вы говорите? - Ее щеки окрасил стыдливый румянец.

- Я поясню, - ответил он невозмутимым тоном. - С этим юношей вы помолвлены. У него доброе сердце, он благородный и честный человек, временами даже слишком честный и благородный, но оставим это. Из простого каприза, причуды вы решили посмеяться над ним, как часто поступают существа вашего пола, когда считают мужчину своей собственностью. Из этого он заключает, бедный мальчик, что больше ничего не значит в ваших глазах, и чтобы вернуть прежнее расположение - единственная вещь в мире, которую он ценит больше жизни, - он начинает совершать глупость за глупостью. Это дает вам новый повод для насмешек. Он ревнует вас, как курица свое потомство.

- Ревнует? - откликнулась Синтия.

- Ну, конечно! И его ревность заходит так далеко, что он подозревает даже меня! - воскликнул он с преувеличением, безразличием и изумлением. - Меня! Рыцаря Таверны!

Его слова заставили ее задуматься. Продолжая размышлять, она пришла к неожиданному открытию, от которого у нее перехватило дыхание.

Толчком к этому послужил тот презрительный тон, с которым Криспин говорил о ревности Кеннета к нему. Ведь это чудовищно и неестественно, подумала она. Затем в ее мозгу вспыхнул ответ. Она поняла, что, несмотря на насмешки Геллиарда, подозрения Кеннета небезосновательны.

В это мгновение она поняла, что именно Криспин с его презрительным отношением к самому себе вытеснил из ее сердца Кеннета. Она никогда не любила его по-настоящему, но она мирилась с ним, по крайней мере. И, только сравнивая его с Криспином, она начала его презирать. Его слабость, бесхарактерность, постоянные заботы о душе представляли резкую противоположность веселому, крепкому, храброму характеру Криспина.

Эти мысли неосознанно постоянно бродили в ее голове, но только сейчас искренняя самоуничижительная речь Криспина позволила ей вникнуть в их смысл.

Она любила его. То, что он говорил о себе как о недостойном солдате удачи, немногим лучше искателя приключений, человека, лишенного веса в обществе, не имело сейчас ровно никакого значения. Она любила его. Она догадалась об этом после того, как Криспин пугливо спросил ее, были ли у Кеннета основания ревновать его к ней. И, подумав об этом хорошенько, она пришла к выводу, что если бы Кеннет знал, что творится в ее сердце, у него были бы все основания для ревности.

Она любила его той редкой разновидностью любви, которая заставляет женщину следовать за мужчиной на край света, оставаться с ним, когда весь мир отвернулся от него, и молить Бога об одном: делить с ним радости и горе всю жизнь.

И такую любовь Криспин не замечал, он не верил в саму возможность ее существования, он был настолько слеп, что с презрением смеялся над глупым молокососом, ревнующим его к Синтии. И в то время, как она сидела, всем сердцем погруженная в свое открытие, с бледным вдохновенным лицом, он, кому предназначалась вся ее любовь и нежность, продолжал убеждать ее полюбить другого.

- Вы наверняка заметили в нем ревность, - говорил он, - и как вы попытались ее усыпить? Никак. Напротив, вы возбуждали ее каждым словом, каждым движением. Вы возбуждали ее тем, что - без всякой на то причины прогуливаетесь со мной, сидите здесь на скале и

заставляете меня говорить о вашем долге. Не придется ли вам пожалеть о своем поведении, когда ревность толкнет его на новые безрассудства, которые могут принести печальные плоды? Неужели вам не жалко бедного мальчика, и вы не хотите посоветовать ему вести себя разумно? Нет. Вы будете дразнить его и толкать на новые глупые выходки. И из-за этих ошибок, которые он будет совершать по вашей вине. - хотя вы можете об этом и не догадываться, - вы заключаете, что он вам не подходит, и начинаются сердечные драмы.

Она слушала его со склоненной головой, настолько поглощенная своими мыслями, что пропустила половину из того, что он говорил. Внезапно она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

- Вы стали таким, какой вы есть, - по вине женщины?

- Нет. Но какое это имеет значение к судьбе Кеннета?

- Никакого. Я просто спросила. Я не думала о Кеннете.

Он уставился на нее с ошарашенным видом. Неужели его речь была так холодна и неубедительна, что она спокойно заявляет, что не думает о Кеннете?

- Вы будете думать о нем, Синтия! - взмолился он. - Вы будете думать о том, что я вам говорил, и, проявив к нему доброе участие, вы превратите его в мужчину, которым потом будете гордиться. Будьте с ним искренни, дитя, и если впоследствии вы поймете, что все-таки не в состоянии полюбить его, то скажите ему об этом. Но скажите это искренне и по-доброму, а не так, как вы разговариваете с ним сейчас.

Некоторое время она молчала, ее чувства были близки к негодованию. Затем сказала:

- Я бы хотела, сэр Криспин, чтобы вы послушали, как он отзывается о вас.

- Он говорит обо мне не в лучших красках, это несомненно. Но у него есть на то веские основания.

- И все же вы спасли ему жизнь.

Эти слова пробудили Криспина из задумчивости к реальности. Он перебрал в памяти обстоятельства спасения Кеннета и ту цену, которую мальчик должен заплатить за эту услугу, и внезапно он осознал, что, защищая Кеннета перед Синтией, он только понапрасну тратит дыхание, ибо его будущие деяния навсегда закроют ему путь к сердцу Синтии. Нелепость положения сильно ударила по его самолюбию, и он резко поднялся.

- Позже у него будет мало причин благодарить меня, - пробормотал он. Пойдемте, мисс Синтия, становится темно.

Она механически подчинилась, и они молча направились назад к замку, изредка обмениваясь парой слов, не имеющих особого значения.

Но его доводы в пользу Кеннета не пропали даром. Не совсем понимая, какие силы движут ею, Синтия решила помириться с юношей. Ею овладела меланхолия. Криспин не увидит, что скрывается в ее сердце, а она никогда не расскажет ему об этом. Жизнь потеряла для нее свои свежие краски и значимость, а раз так, не все ли равно, что ждет ее впереди?

Поэтому на следующее утро, когда ее отец вернулся к разговору о Кеннете, она терпеливо слушала его, не проявляя прежней агрессивности. С тем же безразличием она встретила униженные просьбы Кеннета простить его, так же холодно позволила поцеловать себе руку, возродив в мальчике надежду на реабилитацию.

Но на душе у мисс Синтии было грустно, а щеки ее утратили былой румянец. Она стала задумчивой, часто вздыхала, и под конец ей стало казаться - как это бывало со многими девушками, - что ей суждено всю жизнь провести в бесплодных воздыханиях по человеку, который даже не думает о ней.

Глава 15

Возвращение Джозефа

Со своей стороны, все эти дни Кеннет мучительно размышлял над тем, как поднять себя в глазах возлюбленной. Но его попытки были столь неуклюжи и неверны, что он вскоре перестарался в своем усердии, пренебрежительно отозвавшись о Криспине в присутствии Синтии. Ее глаза широко раскрылись, и если бы он был понаблюдательнее, то поспешил бы перевести разговор в другое русло. Но ревность лишила его последних скудных остатков разума, которыми его наградила природа, и он продолжал говорить о Криспине, не заботясь о форме выражения. Однако вскоре она прервала поток его красноречия:

- Кеннет, разве я не говорила вам, что лучший способ стать джентльменом, это не оскорблять имя того, кто спас вам жизнь? Что джентльмен должен презирать себя за такой поступок?

Как и раньше, он стал возражать, что его слова не содержали ничего обидного для сэра Криспина. Он был готов разрыдаться, как школьник, каковым и оставался в душе.

- А что касается моей благодарности за указанную им услугу, - произнес он, ударяя кулаком по дубовому столу, - то эта благодарность должна быть оплачена, и с процентами, ибо я могу заплатить за нее своей жизнью.

- Я не понимаю, о каких процентах вы говорите, если вы должны рисковать тем, чем обязаны своему спасителю, - жизнью, - ответила она с холодной улыбкой, едва не заставив его разрыдаться. Но если ему не хватало силы воли, чтобы сдержать слезы, то хватило, по крайней мере, стыдливости, чтобы повернуться спиной и не показывать их девушке. - Но скажите мне, сэр, спросила она с растущим любопытством, - как все это произошло, чтобы я могла судить о законности вашей сделки.

Некоторое время он молча ходил по залу, сложив руки за спиной и устремив взгляд на полированный пол, по которому лучи заходящего солнца, проникавшие сквозь разноцветные стекла окон, разбрасывали багровые полосы. Она сидела в большом кожаном кресле во главе стола и молча наблюдала за ним.

Кеннет раздумывал, должен ли он сохранить в тайне существо дела, и под конец решил, что нет. Поэтому он вкратце пересказал ей историю Криспина, которую тот доверил ему той ночью в Ворчестере - историю подлинных страданий, которые только трус мог оставить неотмщенными. Он ничего не добавил, ничего не сократил, а рассказал ее такой, какой услышал в ту ужасную ночь, воспоминание о которой до сих пор повергало его в трепет.

Синтия слушала его, раскрыв рот, впитывая в себя нить повествования, которая по своей трагичности больше походила на роман, чем на подлинную жизнь человека. Со скорбью, с гневом и негодованием она слушала рассказ Кеннета. Даже после того, как он окончил его и сел в соседнее кресло, она продолжала молчать, все еще находясь под его впечатлением.

Затем внезапно она повернула горящие глаза на юношу и с глубочайшим презрением воскликнула:

- И вы, зная все это, позволяете себе так говорить об этом человеке? Зная, сколько страданий выпало на его долю, вы осмеливаетесь упрекать его за те грехи, на которые его толкнула полная лишений судьба? А как бы поступили вы на месте этого несчастного? Упали

бы трусливо на колени и возблагодарили Господа за то, что он сохранил вашу презренную жизнь? Или вы безропотно снесли бы удары судьбы с молитвой на устах? Кто вы такой, что, зная правду о жизни этого человека, можете сидеть здесь и осуждать его? Скажите мне!

Но Кеннету нечего было ответить на этот взрыв негодования, на вопросы, полные презрения, которые обрушились на него. Ответ, который он дал "Рыцарю Таверны" в ту ночь в Ворчестере на тот же вопрос, он сейчас не решался повторить. Может, он боялся этой девушки, а может, наконец, осознал, какое жалкое зрелище он представляет по сравнению с Криспином, которого он всем сердцем презирал еще не так давно.

Уступая ее гневу, он начал лихорадочно искать подходящее оправдание, но прежде чем он успел это сделать, раздался звук тяжелых шагов, и в холле появился Грегори Ашберн. Его лицо было пепельного цвета, и брови были нахмурены.

Его приход вызвал неловкую тишину в зале, и Грегори молча подошел к столу. У нижнего края стола он задержался, собираясь что-то сказать, но его прервал звук грохочущих колес и щелканье кнута.

- Это Джозеф! - воскликнул он с явным облегчением, которое не ускользнуло от Синтии. И с этим восклицанием он выбежал мимо них из зала, чтобы встретить так своевременно вернувшегося брата.

Он подоспел к ступенькам лестницы, ведущей в замок, как раз в тот момент, когда перед ней остановилась дорожная коляска, и из нее выскочил худощавый и подтянутый Джозеф.

- Итак, Грегори, - проворчал он вместо приветствия, - в конце концов я проездил впустую. Ваш курьер обнаружил меня в Лондоне, когда я уже истощил запасы гостеприимства в Уайтхолле. Но, раны Христовы! - воскликнул он, заметив бледность на его лице. - Ты болен?

- У меня есть для тебя новости, - ответил Грегори дребезжащим голосом.

- Что-нибудь с Синтией? Нет, вон она стоит со своим красавчиком возлюбленным. Господи, какие патлы он себе отрастил!

И с этими словами он поспешил навстречу молодым людям, чтобы поцеловать свою племянницу и поздравить Кеннета с благополучным возвращением.

- В Лондоне я много слышал о тебе, мой мальчик, - произнес он с хитрой улыбкой на лице. - Как ты подружился с глотателем огня Геллиардом, и как он связал священника и часового и вытащил тебя из тюрьмы за час до казни.

Кеннет вспыхнул. Он чувствовал издевку в тоне Джозефа. Тот старался подчеркнуть, что вся заслуга побега принадлежит Криспину и что сам Кеннет ни за что бы не выбрался из той переделки. Кеннету показалось, что эти слова и этот тон в присутствии Синтии были не случайны.

Он был прав. Джозеф был злобным и ядовитым от рождения и не упускал случая показать это окружающим. И сейчас он злился за те неудобства, которые он был вынужден терпеть в пути, выполняя дело, которое ему было явно не по душе.

Его тонкие губы расплылись в неприятной улыбке, и он устремил свой злобный взгляд на молодого человека, но в этот момент Грегори оттащил его в сторону за полу плаща. Они направились в залу, в которой состоялся их последний разговор перед отъездом Джозефа. С таинственным видом Грегори прикрыл за собой дверь и повернулся лицом, к брату. Тот в это время расстегивал свой пояс с мечом.

- Подожди, Джозеф! - воскликнул Грегори голосом полным трагизма. - Сейчас не время

разоружаться. Держи свой меч под рукой, вскоре он будет тебе нужен, как никогда в жизни.

Он перевел дыхание и поведал брату последние новости:

- Роланд Марлей жив, и он находится здесь! - И он без сил опустился в кресло.

Выражение лица Джозефа не изменилось. Только частое подергивание века выдало его взволнованное состояние. Его рука, снимавшая рукоятку меча, расслабилась, и он шагнул к брату, пристально вглядываясь в его бледное изможденное лицо. Внезапная догадка осенила его. Он взял брата за плечи и встряхнул.

- Грегори, идиот, ты слишком много пил в мое отсутствие!

- Да, это так, - простонал Грегори, - и_ он был моим собутыльником и подавал мне пример.

- Ну, конечно, - бросил Джозеф с презрением. - Бедный Грегори, вино настолько помутило твой рассудок, что тебе начали мерещиться призраки за столом. Оставь, старина, все это ерунда!

В его словах Грегори уловил сомнение. Он с трудом поднялся на ноги и обратился к брату.

- Это был не призрак, а Роланд Марлей собственной персоной во плоти сидел со мной за столом. Он сильно изменился, и я бы ни за что не узнал, если бы не разговор, который я услышал десять минут назад.

Его искренность была очевидной, а слова были достаточно убедительны, и подозрения Джозефа вновь начали усиливаться.

Он схватил брата за руку, заставив того поморщиться от боли, и насильно усадил обратно в кресло.

- Что ты имеешь в виду, черт меня побери? - процедил Он сквозь зубы. Рассказывай по порядку!

И Грегори поведал ему о том, как Кеннет прибыл в замок в сопровождении человека, который в последние годы войны прославился среди роялистов под именем "Геллиард Сто Чертей", а среди мятежников как "Рыцарь Таверны" за свое беспробудное пьянство. Грегори вспомнил и его упоминание о Роланде Марлее в первую ночь пребывания в замке и закончил рассказом, который Кеннет недавно доверил Синтии.

- Значит, этот Криспин не кто иной, как Роланд Марлей, превратившийся в наемную собаку? - размышлял вслух Джозеф. Он был спокоен, обдумывая то, что сообщил ему брат.

- Это не подлежит никакому сомнению.

- И ты виделся с этим человеком все эти дни, проводил с ним ночи напролет за бутылкой испанского вина и так и не узнал его? Клянусь Богом, где были твои глаза?

- Можешь назвать меня слепцом. Но он настолько изменился, что, бьюсь об заклад, ты тоже не узнал бы его.

Джозеф хмыкнул с презрительным видом, давая понять, что он думает о мнении своего брата.

- Думаю, что ты ошибаешься, Грегори. У меня было много причин запомнить его хорошенько, - Внезапно в его тоне зазвучали настороженные нотки: - Но этот парнишка, Грегори, как ты думаешь, он не догадывается?

- Совершенно. В этом и заключается дьявольский план Роланда Марлея. Узнав об отношениях Кеннета с нашей семьей, он использовал возможность, которую ему представила фортуна, чтобы связать мальчика клятвой прийти ему на помощь, когда он того потребует, не открывая при этом имен тех, против кого его действия могут быть направлены.

- Что же будет с вашим замечательным проектом его брака с Синтией? ядовито пробормотал Джозеф. Он засмеялся неприятным смехом, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина.

- Уму непостижимо! - взорвался он под конец. - Целых две недели он находился под этой крышей, и ты не предпринял ни одной попытки, чтобы исправить эту небрежность, которая была допущена 18 лет назад?

Он говорил об этом с таким ледяным спокойствием, что его брат вздрогнул и со страхом взглянул на него.

- Ну и что теперь, идиот? - орал Джозеф. - Ты что, так же слаб, как и слеп?

- Будь я проклят, если я не вернулся вовремя. Я не позволю ни одному Марлёю обременять мою старость. - Затем он понизил голос. - Завтра я найду способ, чтобы вывести этого пса на чистую воду. Я умею это делать.

Он потрепал рукоять меча.

- Другого выхода нет? - обреченным тоном спросил Грегори.

- Был. - ответил Джозеф. - Оставался еще Парламент. В Уайтхолле я встретил одного человека - полковника Прайда - старого кровожадного пуританина, который охотно отдал бы свою правую руку, чтобы увидеть Геллиарда на виселице. Этот Геллиард, похоже, зарубил его сына в Ворчестере. Если бы я знал раньше, добавил он с сожалением, - если бы ты был поосообразительней и сообщил бы мне о том, что случилось, я бы нашел возможность помочь полковнику Прайду осуществить его месть. Но сейчас, - он пожал плечами, - уже поздно.

- Может быть... - начал Грегори, и вдруг издал восклицание, заставившее Джозефа вскочить на ноги. Дверь распахнулась, и на пороге вырос сэр Геллиард Криспин со шляпой в руке.

Изумленный взгляд Джозефа задержался на нем на секунду, затем он воскликнул:

- Кто вы такой, черт вас возьми?! Несмотря на свой испуг, Грегори едва не расхохотался. "Рыцарь Таверны" сделал несколько шагов вперед.

- Я, Криспин Геллиард, к вашим услугам, - произнес он, поклонившись. - Я узнал, что владелец замка Марлей вернулся из путешествия и что я могу застать вас здесь. Поэтому, сэр, я поторопился сюда, чтобы принести слова благодарности за гостеприимство, оказанное мне в стенах этого дома.

Продолжая говорить, он сверлил Джозефа взглядом настолько ненавистным, сколь цивилизны были слова, которые он произносил. Джозеф не мог прийти в себя от изумления. Этот незнакомец был совсем не похож на Роланда Марлея, которого он когда-то знал. К тому же он выглядел достаточно пожилым человеком, в то время как Роланду могло быть не более сорока лет.

Через мгновение Джозеф стряхнул оцепенение и, сгорая от желания узнать, разгадал ли Криспин, что они догадываются о его подлинном происхождении, ответил со слащавой улыбкой на лице:

- Сэр, мы рады вам. Вы оказали услугу дорогому для нас существу, и этот убогий домишко

всегда к вашим услугам.

Глава 16

Расплата

Сэр Криспин не слышал ничего из того, что было сказано перед его приходом, и поэтому не подозревал, что его инкогнито раскрыто. Он поторопился сделать то, что являлось обычной процедурой гостя по отношению к хозяину дома. Его подстегивало также нетерпеливое желание вновь встретиться с Джозефом Ашберном - человеком, который нанес ему смертельный удар мечом 18 лет назад. Он внимательно изучил его и пришел к выводу, что это очень жестокий и опасный противник в противоположность своему туго соображающему брату, и что действовать нужно немедленно.

Поэтому, когда он появился в зале к ужину, он был вооружен и одет в дорожный костюм.

Джозеф в одиночестве стоял у огромного камина, наблюдая за игрой огня. Грегори с дочерью стояли у окна. У противоположного окна стоял Кеннет, угрюмо глядя на падающий дождь.

Услыхав шаги Криспина по лестнице, Джозеф повернулся и вопросительно взглянул на снаряжение рыцаря.

- Что это значит, сэр Криспин? - спросил он. - Вы собрались в путешествие?

- Я и так слишком долго злоупотреблял гостеприимством замка Марлей, ответил Криспин, приблизившись к камину. - Сегодня вечером, мастер Ашберн, я уезжаю.

Джозеф вежливо пробормотал традиционные слова сожаления по поводу столь скорого отъезда, в то же время мучительно пытаясь понять, чем вызвано это решение Криспина. Но Криспин заметил, как изменилось выражение лица Джозефа, и в его голове мелькнула мысль, что Джозеф знает, кто он такой на самом деле. Направляясь к дяде Синтии и ее отцу, он мысленно поблагодарил небо за те меры предосторожности, которые он принял для выполнения своего плана.

Проводив его взглядом, Джозеф подумал: а не догадывается ли Криспин о том, что он узнал, и решил воздержаться от расплаты, отложив ее до более подходящего случая. Отвечая на этот вопрос, он решил, что Криспин не должен покинуть этот замок живым и невредимым, чтобы он не мог вернуться для осуществления своей мести. Раз Геллиард отказался от своего плана, то Джозеф сам осуществит его сегодня же и положит конец этой истории. Поэтому прежде чем сесть за стол, Джозеф проверил, чтобы его меч находился поблизости, прислонив его к спинке своего стула.

Ужин прошел довольно спокойно. Кеннет по-прежнему страдал от безразличия Синтии, а Синтия сидела молча со скорбным выражением лица. История жизни сэра Криспина и его внезапный отъезд давали ей много пищи для размышлений, и Криспин в который раз уже ловил на себе ее взгляд, в котором читалась жалость и еще какое-то чувство, но какое, Криспин так и не мог понять. Звучный бас Грегори был почти не слышен. Угрожающие взгляды, которыми награждал его брат, заставляли Грегори сидеть молча, чувствуя себя не вполне уютно.

Что же касается Геллиарда, то им овладели воспоминания, и он много пил, что с удовольствием отметил про себя Джозеф. Но и здесь он недооценил этого человека. Кеннет ел мало, но казалось, что в нем проснулась небывалая жажда, и Криспин вскоре начал испытывать легкое беспокойство, глядя, как тот часто наполняет свой бокал. Через час ему нужна была помощь Кеннета, и он вполне справедливо подозревал, что если дела пойдут так и дальше, то на юношу можно будет не рассчитывать. Если бы Кеннет сидел рядом с ним, он

мог бы предупредить его шепотом, но тот находился на противоположном конце стола.

Однажды Криспину удалось перехватить взгляд, которым обменялись Джозеф и Грегори, а когда Грегори принялся усиленно подливать вина ему и Кеннету, его подозрения усилились, и он стал держаться настороже.

Вскоре Синтия встала из-за стола. В следующее мгновение Криспин тоже был на ногах. Он проводил ее до лестницы и здесь обратился к ней:

- Позвольте мне, мисс Синтия, попрощаться с вами. Через час или около этого я уеду.

Ее глаза были задумчивы, и он мог заметить, что она слегка побледнела.

- Счастливого пути, сэр" - ответила она тихо. - Пусть вам сопутствует удача.

- Благодарю вас, мисс. Счастливо оставаться.

Он низко поклонился. Она слегка кивнула ему в ответ и поднялась по лестнице наверх. Дойдя до верхней галереи, она обернулась. Он вновь занял свое место за столом и наполнил свой бокал. Слуги ушли, и в течение получаса они сидели в зале, потягивая вино и разговаривая, в то время как Криспин хмелел все быстрее, и под конец его веки налились свинцом, а голова склонилась на грудь.

Кеннет, возбужденный вином, но все еще не потерявший рассудка, посмотрел на него с презрением. И этого человека Синтия предпочла ему? В глазах Джозефа тоже читалось презрение, смешанное с удовлетворением. Выполнение его плана упрощалось. Вскоре он решил, что настала пора действовать.

- Мой брат сказал мне, что вы были знакомы с Роландом Марлеем? - спросил он.

- Да, - ответил Криспин, с трудом ворочая языком. - Я знал эту собаку... веселая, неумолимая фигура. Дважды его безрассудство убивало его, беднягу, в том числе это была и ваша рука, мастер Ашберн, как говорят.

- Кто говорит?

- Кто говорит? - эхом откликнулся Криспин. - Я говорю. Может, вы хотите обвинить меня во лжи?

Джозеф рассмеялся таким зловещим смехом, что у Кеннета застыла кровь в жилах.

- Нет, почему? Я не буду отрицать этого. Он погиб в честной схватке. Более того, он сам был зачинщиком дуэли.

Криспин ничего не ответил и неуверенно поднялся на ноги, опрокинув при этом стул, который с грохотом упал на пол. Некоторое время он смотрел на него пьяным взором, а затем нетвердыми шагами направился в половину для прислуги. Он захлопнул тяжелую дверь, закрыл ее на ключ, который положил себе в карман.

Трое мужчин сидели за столом, наблюдая за его движениями с презрением, любопытством и весельем.

Холодная улыбка застыла на губах Джозефа, когда он увидел прямо стоящего Криспина без малейших признаков опьянения и услышал его железный голос:

- Ты лжешь, убийца! Это был не честный поединок, это была не дуэль. Это был подлый удар в спину, который ты. нанес ему, надеясь погубить так же, как погубил его жену и ребенка. Но

Господь всемогущ, мастер Ашберн, и я выжил. Как саламандра, я возродился из огня, в котором вы хотели уничтожить следы своего преступления. Я выжил, и теперь я, Криспин Геллиард, по прозвищу "Рыцарь Таверны", который некогда был Роландом Марлеем, пришел, чтобы требовать отмщения. Не так я собирался вернуться домой, и не такой я представлял себе расплату. Вами должен был заняться обыкновенный палач и вздернуть вас на веревке. С этой надеждой я примкнул к лагерю короля. Но поскольку король потерпел поражение, поскольку я по-прежнему вне закона, мне надлежит исполнить месть своими руками.

Джозеф очнулся от удивления, вызванного внезапной переменой в поведении Криспина. Он понял, что Криспин обвел их вокруг пальца, закрыв единственный путь к спасению, откуда они могли ждать помощи, и резко обругал себя за слепоту. И все же он не испытывал беспокойства: его меч был под рукой, и Грегори тоже был вооружен. Возможно, и юноша примет их сторону, несмотря на данное слово. К тому же ему достаточно было повысить голос, чтобы слуги услышали его зов через закрытую дверь и пришли на помощь.

Поэтому он отвечал с холодной циничной улыбкой на устах.

- Расплата, которой вы так добиваетесь, сэр, будет вам предоставлена в полной мере. "Геллиард Сто Чертей" известен многими бездумными поступками, но я, думаю, не ошибусь, если скажу, что это его последняя выходка. Клянусь ранами Христа, сэр, это безумство - лезть в одиночку в логово льва!

- Скажи лучше к "трусливой шавке в конуру", - отпарировал Криспин. Мастер Джозеф, вы что, надеетесь запугать меня слезами?

Джозеф продолжал улыбаться, чувствуя себя хозяином положения.

- Если мне понадобится помощь, я могу легко ее Вызвать. Но в этом нет необходимости - нас трое против одного.

- Вы плохо сосчитали. Мастер Стюарт сегодня принадлежит мне, связанный клятвой, что он рискнет своей жизнью, если я позову его на помощь, и я призываю его. Меч наголо, Кеннет!

Кеннет стоял, безвольно опустив руки с белым как мел лицом.

- Проклятие на вашу голову! - взорвался он. - Вы провели меня, вы меня обманули!

- Вспомни о клятве, - последовал холодный ответ. - Если вы считаете меня виновным в чем-то, мы после можем это уладить. Но сначала сдержи свою клятву. Меч наголо!

Кеннет все еще колебался, и, возможно, он бы даже нарушил данное обещание, но быстрые действия Грегори Ашберна лишили его возможности выбора. Испугавшись, что Кеннет может поступить наоборот и принять сторону Криспина, Грегори решил опередить его. Выхватив меч, он нанес подлый удар в грудь юноше. Кеннет увернулся от него, отскочив назад, но Грегори последовал за ним, вынуждая мальчика обнажить свой клинок.

Они стояли между столом и той частью зала, которая выходила на террасу, напротив них на пути к закрытой двери стоял Криспин. Джозеф продолжал спокойно сидеть во главе стола, уверенный в себе, и с любопытством наблюдал за происходящим.

Он быстро понял поспешность атаки Грегори, которая могла лишить их союзника, но решил, что несколько выпадов заставят мальчика сложить оружие, и поэтому решил не вмешиваться. Когда Криспин приблизился к нему с обнаженным мечом в руке, он понял, что пора позаботиться о себе. Он схватил меч и вскочил на ноги, чтобы встретить своего противника. Глаза Геллиарда сверкнули, он поднял свое оружие, и клинки скрестились.

С другой стороны послышался ответный лязг мечей.

- Остановитесь, сэри! - кричал Кеннет, отбиваясь от наседавшего на него Грегори.

Но в ответ Грегори сделал новый выпад, который юноша инстинктивно отбил. Приняв его движение за сопротивление, Грегори ударил сильнее. Кеннет снова отбил, целясь в противника. Он увидел, что Грегори открылся, и отчасти машинально, отчасти из желания отразить натиск Грегори, он начал ответную атаку, пока не припер Грегори к стене. Одновременно с этим его нога задела за стул, который опрокинул Криспин, и он потерял равновесие. Он сам не успел осознать, что произошло, как его лезвие скользнуло по лезвию противника и вонзилось в его правое плечо, пригвоздив его к деревянной стене.

Джозеф услышал звук падения меча и решил, что он выпал из рук Кеннета. В остальном он был слишком поглощен Криспином, чтобы глядеть по сторонам. До этого часа Джозеф Ашберн считал себя неплохим фехтовальщиком, способным держать меч в руках. Но Криспин владел мечом с таким искусством, о котором он даже не подозревал. Каждый его прием, каждая уловка, к которой он прибегал, оканчивалась одним и тем же: его лезвие с легкостью отбивалось в сторону.

Он отчаянно пытался найти брешь в обороне противника, нанося удары по всем незащищенным местам, но каждый раз его лезвие наталкивалось на холодную сталь Криспина. Он продолжал драться, удивляясь, почему Грегори не приходит ему на помощь. Затем ужасная мысль о том, что Грегори убит, вспыхнула в его мозгу. В таком случае он должен надеяться только на себя. Он проклинал себя за глупую самоуверенность, которая заставила его недооценить противника, и тем самым совершить фатальную ошибку. Он должен был понять, что человек, приобретший такую репутацию, как сэри Криспин, - не простой смертный, а суровый мужчина, привыкший смотреть в глаза смерти. Но он может позвать на помощь. Эта мысль приободрила его, и он закричал:

- Эй, там! Стефан, Джон!

- Поберегите дыхание, - прорычал рыцарь. - Вам оно еще понадобится. Никто не услышит ваших криков. Они пьют за мой счастливый отъезд. Я не сомневаюсь, что они вылакали целый кувшин этого вина, один стакан которого может погрузить человека в сон на целые сутки.

В ответ Джозеф рассыпался в проклятиях. Он заметил, что Криспин нарочно не атакует его, только отражая удары, и это еще больше насторожило его. Он понял, что его переиграли, и в любую минуту Криспин может отправить его на тот свет кончиком своего меча. Он обливался потом с ног до головы и был на грани падения от усталости. И все же он попытается воспользоваться пассивностью Криспина, чтобы нанести ему последний удар.

Он собрал последние силы и сделал обманное движение, затем нагнулся и сделал резкий выпад вперед. Выбросив вперед руку с мечом, он почувствовал резкую боль в кисти, меч вылетел из его руки, выбитый искусным ударом, и он остался безоружным в полной власти Криспина.

Казалось, часы прошли с того момента, как меч выпал из его руки, но ответного удара не последовало. Криспин стоял рядом молча, с презрением глядя на него, как змея наблюдает за птичкой глазами, от которых Джозеф не мог оторвать парализованного взгляда.

Свечи, освещающие залу, догорали, и по углам легли черные тени. Около стола стоял Кеннет, молча с ужасом наблюдая за кровавой драмой. У его ног лежал без сознания раненый Грегори.

Для Кеннета, как для пассивного зрителя, тоже, казалось, прошли часы с тех пор, как Криспин обезоружил своего противника, и до тех пор, пока он со смехом не бросил свой меч на пол и не схватил его голыми руками за горло.

Криспин ощутил в себе какую-то новую силу. Ему хотелось медленно, не торопясь, добить поверженного противника. Проткнуть его мечом было слишком простым делом - он бы умер, и Криспин ничего не знал бы о его страданиях. Но взять его за горло, вот так, медленно выжать жизнь из его тела, почувствовать его отчаянные бесплодные попытки освободиться, видеть каждый миг его агонии, багровеющее лицо, вздувшиеся вены, вылезавшие глаза, держать его так, стать для него точкой отсчета времени - это было достойной расплатой за все годы страданий, которые он пережил по вине этого человека.

Тем временем необычность действий Криспина вернула Джозефу часть былой храбрости. На мгновение в его сердце даже затеплилась надежда на спасение.

- Добрая сталь слишком большая честь для вас, мастер Ашберн, - произнес Криспин.

С этими словами его жилистые руки сомкнулись вокруг шеи Джозефа, лишая его дыхания и последней надежды. Джозеф никак не предполагал, что в руках Криспина кроется такая сила. Тщетны были его попытки высвободиться. Его силы быстро иссякали, кровь, бурлившая в голове, уже мутила его разум, когда вдруг хватка ослабла, и в его измученные легкие хлынул освежительный воздух. Когда он окончательно пришел в себя, он обнаружил, что сидит за столом. Рядом с ним в кресле расположился Криспин, держа в одной руке обнаженный меч и с насмешкой глядя на свою жертву.

Кеннет, наблюдавший за этой сценой, не мог сдержать озноба. Он знал, что Криспин вспыльчивый человек, которого легко рассердить, и он не раз видел его в гневе. Но он никогда не видел такого сатанинского выражения в его глазах, такой страшной улыбки из смеси насмешки и презрения, с которой он глядел на свою жертву, смерти которой он желал все последние восемнадцать лет.

- Я бы сказал, - начал Криспин тихим голосом, - что вы прожили несколько жизней, Джозеф. Я сделал все, что мог. Вы дважды корчились в агонии, и я склонен к милосердию. Конец близок - если вы хотите покаяться, пожалуйста, хотя я лично считаю, что это будет пустая трата дыхания. Вы созданы для ада.

- Вы намереваетесь убить меня? - прошептал Джозеф, немного приходя в себя.

- А чего еще вы ожидали? Дважды я дал вам возможность почувствовать приближение смерти. Вы что думаете, я просто забавлялся?

Джозеф стиснул зубы. Насмешки Криспина были для него, как удары кнута, но эти удары пробуждали его к жизни. Он был готов к сопротивлению, но не на деле, а на словах.

- Вы собираетесь совершить убийство, - сказал он.

- Нет, это справедливое возмездие. Я долго его ждал, и, наконец, оно наступило.

- Подумайте, мастер Марлей...

- Не зовите меня этим именем! - резко воскликнул Криспин. - Я не носил его все эти 18 лет, и, благодаря вам, я не буду его носить и впредь.

Воцарилась тишина. Джозеф заговорил вновь со спокойствием в голосе:

- Подумайте хорошенько, сэр Криспин, над тем, что вы собираетесь совершить. Ведь вы от этого ничего не выиграете.

- Господи, как вы можете такое говорить? Не думаете же вы о том, что я не получу огромного морального удовлетворения, зная, что вы получили по заслугам?

- Вы можете дорого заплатить за. эту минутную радость.

- Не минутную, Джозеф. Воспоминания о ней останутся со мной на все оставшиеся мне дни и годы.

- Сэр Криспин, вы находитесь в оппозиции к Парламенту - вы почти вне закона. Я обладаю связями, большими связями. Используя их...

Криспин засмеялся.

- Довольно, сэр. Вы тратите слова впустую. Что значит для меня жизнь и что может она мне дать? Если я так долго нес в себе ее бремя, то только затем, чтобы дождаться этого часа. Неужели вы думаете, что я отступлюсь от своей цели за взятку?

Его внимание привлек громкий стон приходящего в сознание Грегори.

- Добей его, Кеннет! - скомандовал он, указывая на неподвижно лежащую фигуру. - Что? Ты колеблешься? Лучше подчинитесь, сэр, или мне придется сделать вам неприятное напоминание о вашей клятве!

С опустошенным взглядом юноша опустился на колени, чтобы выполнить приказ Криспина. Но вдруг он разрыдался.

- Я не могу!

- Идиот, возьми у него меч или нож и прикончи его!

- Почему вы командуете мной? - воспротивился юноша. - Вы обманули меня, и все же я оказал вам обещанную помощь. Они теперь в вашей власти, и вы можете завершить свою грязную работу сами!

- Честное слово, мастер Стюарт, я слишком терпелив с вами! Разве так уж необходимо спорить по поводу каждого вашего шага? Вы можете помочь мне в выполнении моего дела, как и обещали в своей клятве. Добейте этого человека, и довольно словесной мишуры!

Его ярость сломала сопротивление мальчика. Кеннет не был настолько глуп, чтобы не понять, что Криспин находится в опасном возбуждении, и поэтому он с проклятиями принялся за кровавое дело.

Затем вновь раздался необычно твердый голос Джозефа:

- Хорошенько взвесьте ваш поступок, сэр Криспин! Вы еще молоды, и значительная часть вашей жизни лежит впереди вас. Не уничтожайте ее бессмысленным актом, который не поправит прошлое.

- Не он сведет счеты, Джозеф! А что касается моей жизни, то вы ее давно уничтожили. Будущее ничего не сулит мне, зато сулит настоящее.

И он занес меч для удара.

Глава 17

Джозеф предлагает сделку

Ужас всплеснулся в глазах Джозефа при виде этого движения, и в третий раз за эту ночь он почувствовал агонию - агонию конца. И все же Геллиард не торопился с ударом. Он держал меч на весу, направив острие в грудь Джозефа, и внимательно следил за малейшим изменением выражения его лица. Ему не хотелось наносить смертельный удар, ибо это

означало конец мучениям Джозефа.

Джозеф, который до последнего момента казался сломленным и разбитым, внезапно снова обрел живость, но только несколько иного плана. Он упал на колени перед Криспином и начал униженно просить сохранить ему его презренную жизнь.

Криспин смотрел на него одновременно с презрением и холодной радостью. Именно таким он хотел его видеть: жалким и беспомощным, испытывающим нечто вроде тех страданий, которые он пережил за эти восемнадцать лет. С наслаждением он смотрел на агонию своей жертвы и вместе с тем с презрением, ибо в его глазах трус был отвратительным зрелищем.

В молчаливом ожидании стоял Криспин, спокойный и величественный, как будто не слыша отчаянных молитв Джозефа, клянущегося возместить ему все страдания.

- Чем ты можешь расплатиться со мной, ты, убийца? Ты можешь вернуть мне жену и ребенка, которых ты зарубил восемнадцать лет назад?

- Я могу, по крайней мере, вернуть вам ваше дитя! - воскликнул тот в отчаянии. - Я могу, я сделаю это, если только, во имя Господа, вы уберете свой меч. Я сделаю все, чтобы искупить свой грех.

Криспин опустил меч и целую минуту стоял, обалдело глядя на Джозефа. У него отвисла челюсть, и мрачная решимость на лице сменилась выражением безграничного изумления. Наконец он разразился злым смехом.

- Что за ложь ты мне подсовываешь?

- Это не ложь! - вскричал Джозеф с таким искренним отчаянием в голосе, что часть недоверия улетучилась из сердца Криспина. - Это правда, святая правда! Ваш сын жив!

- Паршивый пес, ты лжешь! В ту роковую ночь, прежде чем потерять сознание от твоего предательского удара, я слышал, как ты крикнул брату, чтобы он перерезал горло младенцу. Это были твои подлинные слова, Джозеф!

- Это правда. Но Грегори не сделал этого. Он поклялся, что подарит мальчику жизнь. Он не должен знать, чей он сын, и я согласился с ним. Мы взяли его с собой. Он выжил и подрос.

Рыцарь некоторое время смотрел на него, затем рухнул в кресло, как будто лишившись сил. Он попробовал рассуждать здраво, но не смог. Наконец, он требовательно посмотрел на Джозефа.

- Чем ты можешь это доказать?

- Я клянусь, что все, что я сказал, - святая правда. Я клянусь в этом на распятии!

- Я требую доказательств, а не клятв. Ты можешь мне их представить?

- Мужчина и женщина, у которых воспитывался ребенок.

- Где я могу их найти?

Джозеф хотел было ответить, но потом передумал. В своем стремлении сохранить жизнь он едва ли не выдал тайну, на которую теперь собирался обменять жизнь. Но по вопросам, которые задавал ему Криспин, и по его тону он понял, что рыцарь рад поверить в это, если ему будут представлены доказательства. Он поднялся на ноги, и когда он заговорил, его голос обрел часть прошлой уверенности.

- Это, - начал он, - я сообщу тебе при условии, что ты покинешь этот замок, не причинив ни мне, ни Грегори никакого вреда. Я снабжу тебя деньгами и рекомендательным письмом к этим людям с тем, чтобы они подтвердили правоту моих слов.

Обхватив голову руками, Криспин глубоко задумался. А что, если Джозеф лжет? Этот вопрос уже не раз возникал в его мозгу, несмотря на все недоверие, которое он питал к этому человеку, что тот говорит правду. Джозеф наблюдал за ним с опаской и надеждой.

Наконец Криспин поднял голову и встал.

- Давай посмотрим, что за письмо ты напишешь, - сказал он. - Вот перо, чернила, бумага, пиши.

- Вы согласны на мои условия? - спросил Джозеф.

- Я скажу это, когда увижу письмо.

Трясущейся рукой Джозеф написал несколько слов и протянул Криспину листок.

"Податель сего, сэр Криспин Геллиард, кровно заинтересован в предмете, о котором известно только вам и мне, и я прошу вас полно и аккуратно ответить на все его вопросы, которые он может задать".

- Понятно, - медленно произнес Криспин. - Это пойдет. Теперь адрес.

Ашберн вновь обрел прежнюю уверенность. Он понимал, в чем его преимущество, и не собирался его так просто отдавать.

- Я напишу адрес, - мягко произнес он, - когда вы поклянетесь покинуть замок, не причинив нам вреда.

Криспин мгновение размышлял. "Если Джозеф солгал, то я найду способ вернуться", - сказал он себе. И он дал требуемую клятву.

Джозеф окунул перо в чернильницу и подождал, пока капля стечет обратно. Пауза была короткой, но возникла она не случайно. До этой минуты Джозеф был искренен, побуждаемый одним стремлением - сохранить себе жизнь любой ценой, и не задумывался о будущем, опасностях, которые могут возникнуть, пока Криспин жив и находится на свободе. Но в этот короткий момент, когда он убедился, что главная опасность миновала и что Криспин отправится по указанному адресу, его злобная натура снова вылезла наружу. Глядя на стекающую по перу каплю чернил, он вспомнил, что в Лондоне на улице Темзы в трактире под вывеской "Якорь" проживает некий полковник Прайд, сын которого пал от руки Геллиарда, и который, заполучив его в свои руки, второй раз уже не упустит. В течение секунды он взвесил эту мысль и принял решение. Подписывая адрес на письме, Джозеф хотел смеяться от радости, что так ловко он перехитрил своего врага.

Криспин взял пакет и прочел:

"Мистеру Генри Лейн, трактир "Якорь", улица Темзы, Лондон".

Имя было вымышленное, Джозеф придумал его в ту же минуту, когда принял решение изменить адрес.

- Прекрасно, - отозвался Криспин. К нему возвратилось прежнее спокойствие. Он спрятал письмо на груди.

- Если ты солгал, мастер Ашберн, то смею верить, что ты ненадолго оттянул справедливую

кару.

У Джозефа на языке вертелся ответ, что все мы смертны, но он сдержался.

Геллиард взял со стола свою шляпу, плащ и затем снова повернулся к Джозефу:

- Минуту назад вы упоминали о деньгах, - произнес он повелительным тоном. - Я возьму сотню золотых. Большая сумма отяготит меня в путешествии.

Джозеф только выдохнул. Первым его побуждением было отказаться. Но затем он вспомнил, что в его кабинете есть пара пистолетов, и если он сможет добраться до них, то, возможно, ему не придется прибегать к услугам полковника Прайда.

- Я принесу деньги.

- С вашего позволения, мастер Ашберн, я провожу вас.

В глазах Джозефа на мгновение вспыхнула жгучая ненависть.

- Как вам будет угодно, - произнес он с кислой миной.

Проходя мимо Кеннета, Криспин не преминул ему напомнить:

- Вы по-прежнему в моем распоряжении, сэр. Присматривайте за раненым хорошенько.

Кеннет молча поклонился. Но мастер Грегори не нуждался в особой охране. Он неподвижно лежал на полу в луже крови, вытекающей из раны на его плече.

За тот короткий период, когда они оставались наедине, Кеннет не проявил желания поговорить с ним. Усевшись в ближайшее кресло, он подпер голову руками и задумался о том незавидном положении, в которое поставил его сэр Криспин, и его застарелая ненависть к рыцарю вспыхнула с новой силой. То, что Криспин отыскал сына, которого потерял столь трагическим способом, для Кеннета не играло особой роли. Геллиард поссорил его с Ашбернами, и ему уже никогда не добиться руки Синтии. Ему не оставалось ничего, как вернуться в родовой замок в Шотландии, где его без сомнения ждали насмешки тех, кто знал, что он едет на юг, чтобы жениться на богатой английской наследнице.

Он клял свое невезение, которое столкнуло его однажды с Криспином. Он ругал Криспина за все то зло, которое тот ему причинил, забывая, что если бы не Геллиард, то он вот уже месяц как был бы мертв.

Он сидел, погруженный в свои горестные размышления, когда вернулись Джозеф с Криспином. Рыцарь подошел взглянуть на Грегори.

- Можешь перевязать его, когда уйду, - сказал он. - И через четверть часа ты освобождаешься от клятвы. - Будь счастлив, - добавил он с неожиданной нежностью, бросив на юношу взгляд, полный грусти. - Вряд ли судьба сведет нас вместе еще раз, но если это случится, то я надеюсь, это произойдет в лучшие времена. Если я причинил тебе страдания своими действиями, вспомни, что я тоже оказал тебе услугу и мне нужна была твоя помощь. Прощай! - И он протянул ему руку.

- Убирайтесь ко всем чертям, сэр! - ответил Кеннет, поворачиваясь к нему спиной.

Джозеф Ашберн стоял, молча наблюдая за ними, и на его губах играла тонкая улыбка.

Глава 18

Заговор

Как только Криспин покинул замок и еще не скрылся окончательно из виду, Джозеф поспешил на половину прислуги. Здесь он нашел своих четырех грумов, мирно спящими на полу. Напрасно он бранил их и пинал ногами, ничто не могло пробудить их от глубокого сна.

Взяв свечу, Джозеф отправился на конюшню, откуда Криспин взял лучшего жеребца, и своими руками оседлал коня. На его губах продолжала играть зловещая улыбка, когда он вскорости вернулся в зал, где находились его брат и Кеннет.

В его отсутствие юноша перевязал рану Грегори. Он убедил его выпить немного вина и усадил в кресло, в котором тот теперь лежал бледный и изможденный.

- Четверть часа минуло, сэр, - холодно произнес Джозеф, входя в комнату.

Кеннет сделал вид, что не слышит. Он двигался как во сне. Его глаза не видели ничего, кроме бледного лица Грегори.

- Четверть часа минуло, - повторил Джозеф более громким голосом.

Кеннет поднял голову, вздохнул и провел рукой по лицу.

- Я понимаю, - произнес он тихим голосом. - Я должен уехать.

Джозеф ответил сразу:

- Уже за полночь, и на улице буря. Если хотите, вы можете остаться до утра. Но потом вы должны уехать, - добавил он жестко. - Я думаю, вам не надо объяснять, что вы больше никогда не появитесь на пороге замка Марлей и никогда не увидите мою племянницу.

- Я понимаю, сэр. Я все понимаю. Но все же...

Джозеф нахмурил брови.

- И все же? - переспросил он.

- Я был рабом клятвы, давая которую, не подозревал, против кого мне придется поднять руку. О, сэр! Неужели я обременен всю жизнь страдать из-за этого обмана? Вы, мастер Грегори! - воскликнул он, оборачиваясь к отцу Синтии. - Вы должны понимать, в какое положение я был поставлен.

Грегори приоткрыл глаза.

- Убирайся к дьяволу! - простонал он. - Все, что я могу понять, так это то, что ты нанес мне рану, и она затянется не раньше, чем через месяц.

- Но я не хотел этого, сэр! Это была случайность!

- Лучше убирайся. Нам недосуг выслушивать извинения.

- Или вы можете исцелить его рану, - вставил Джозеф.

Кеннет резко обернулся.

- Каким образом я это могу сделать? Укажите мне средство, и я сделаю все, что в моих силах.

Именно это Джозеф и хотел услышать. Некоторое время он молчал, изображая на лице задумчивость. Затем произнес:

- Кеннет, - обратился он к юноше, - если твои слова искренни, то ты можешь искупить свой поступок. Если ты готов исполнить то, о чем я попрошу, то мы, со своей стороны, постараемся позабыть про события сегодняшней ночи.

Юноша с готовностью откликнулся:

- Приказывайте, сэр, я выполню вашу просьбу, чего бы мне это не стоило!

- Мое поручение не будет для вас обременительно, - ответил Джозеф. - В действительности, я мог бы послать с ним одного из моих грумов.

О том, что его грумы лежат в беспробудном сне, в то время как дело не терпит отлагательств, Джозеф мудро умолчал.

- Я готов справиться с любым поручением, каким бы опасным оно ни было! ответил мальчик.

- Да, да, - саркастически хмыкнул Джозеф. - Нам известны ваше мужество и находчивость!

Затем, после очередной паузы, он метнул пронзительный взгляд на юношу.

- Я дам вам шанс искупить свою вину, - сказал он. - Идите и приготовьтесь к отъезду. Вы немедленно отправитесь в Лондон. Возьмите все необходимое, включая оружие, затем возвращайтесь сюда.

Грегори пытался что-то возразить, но Джозеф утихомирил его одним жестом.

- Иди! - повторил Джозеф, обращаясь к мальчику, и тот без дальнейших напоминаний вышел из зала.

- Что ты собираешься сделать? - спросил Грегори, как только дверь за юношей закрылась.

- Хочу лишний раз подстраховаться, - ответил холодно Джозеф. - Полковника Прайда может не оказаться на месте, когда Марлей прибудет в Лондон, и узнав, что в трактире "Якорь" на улице Темзы не проживает никакого Лэйна, наш герой может заподозрить неладное и вернуться сюда.

- Но это поручение может выполнить Ричард или Стефан.

- Могли бы, если бы не были так пьяны. Я мог бы поехать сам, но так будет лучше. Это будет даже похоже на комедию. Кеннет опередит нашего кровожадного рыцаря и предупредит полковника Прайда о его приезде, и когда тот прибудет, то угодит прямо в руки палача. Это будет для него сюрпризом. В остальном я сдержу свое обещание в отношении его сына. Он узнает о нем от полковника Прайда. Но узнает слишком поздно!

Грегори поежился.

- Святой Бог, Джозеф, ты поступишь подло! - воскликнул он. - Лучше бы мне больше никогда не видеть этого юношу. Предоставь ему идти своей дорогой, как ты и хотел.

- Я этого не хотел. Где я найду лучшего гонца? Ради Синтии он сделает то, чего другой бы на его месте не решился сделать.

- Джозеф, тебя ждет геенна огненная. Джозеф презрительно рассмеялся.

- Пошли, я уложу тебя в постель, старый лицемер. Рана, должно быть, помутила твой рассудок.

Кеннет вернулся через полчаса, готовый в дорогу. Он застал Джозефа в одиночестве,

пишущим какую-то бумагу и, повинувшись его жесту, сел на стул и стал ждать, пока Джозеф, наконец, не отбросил перо в сторону.

- Не жалея кнута и шпор, Кеннет, пока не доберешься до Лондона. Ты должен ехать ночью и днем, дело очень важное.

Кеннет кивнул в знак понимания, и Джозеф присыпал бумагу песком.

- Я не знаю точного времени, когда вам нужно будет прибыть в Лондон, но вы должны вручить это письмо самое позднее завтра в полночь. Это будет утомительное путешествие, но если вы все еще любите Синтию, вы сделаете это. Не экономьте на лошадях и не вылезайте из седла, пока не приедете на улицу Темзы.

Он свернул письмо, запечатал и написал адрес: "Полковнику Прайду, трактир "Якорь", улица Темзы".

Он поднялся и вручил пакет Кеннету, которому адрес ни о чем не говорил, поскольку он не видел письма, отданного Джозефом Криспину.

- Ты вручишь это письмо из рук в руки лично полковнику Прайду, и никому другому. Если его не будет в трактире, разыщи его немедленно, где бы он ни находился. От твоего усердия зависит твое будущее. Если ты успеешь вовремя, а я верю, что ты успеешь, ты можешь считать себя мужем Синтии. Если не успеешь можешь не возвращаться.

- Я успею, сэр, - заверил его Кеннет. - Я сделаю все, что в человеческих силах, - чтобы проделать этот путь за двадцать четыре часа.

Он начал благодарить Джозефа за предоставленную ему возможность оправдаться, но тот резко остановил его:

- Возьми письмо! Оседланный конь ждет тебя в конюшне. На нем ты доедешь по крайней мере до Нортон. Там достанешь свежую лошадь и так далее. Ну а теперь - в путь!

Глава 19

Прерванное путешествие

Как только "Рыцарь Таверны" выехал из ворот замка этой ненастной ночью, он сразу бросил своего коня в галоп по дороге в Норвич. Он поступил так скорее по наитию. В беспорядочном хаосе его мыслей выделялось только одно - надо спешить в Лондон, где находится его сын, который, если верить Джозефу, был жив. Ему и в голову не приходила мысль о том, кем стал его сын, какую дорогу он выбрал себе в жизни. Главное, что он был жив, и этого одного было достаточно для радости. Ашбернам не удалось уничтожить все, чем он дорожил в жизни, - жизни, которую он так часто проклинал и презирал.

Его сын был жив, и в Лондоне он узнает, где тот находится. Значит, он должен лететь в Лондон, и он поклялся не давать себе ни покоя, ни отдыха, пока не прибудет туда. При этой мысли он сильнее вонзал шпоры в бока лошади, заставляя ее быстрее мчаться сквозь ночь.

Дождь стих. Из-за рваных облаков показался зазубренный серп полумесяца. Несчастный рыцарь так крепко задумался, что не заметил, как его конь перешел на шаг. Он очнулся только в пяти милях от Норвича и сразу пришпорил коня. Это доконало бедное животное. Его колени подогнулись, и оно рухнуло на землю. Криспин вылетел из седла, как камень из катапульты, тяжело перевернувшись через голову.

Минут через двадцать на той же самой дороге появился Кеннет. Он тоже торопился, но в отличие от Геллиарда он не был так беспечен и ехал со всеми предосторожностями, сжимая

поводья крепкой рукой.

Он благополучно спустился с холма и уже собирался пришпорить коня, как вдруг из темноты раздался грозный голос, звук которого заставил Кеннета покрыться мурашками:

- Сэр, вы очень кстати, кто бы вы ни были! У меня пала лошадь.

Кеннет закрыл лицо плащом, надеясь, что материя изменит его голос.

- Я тороплюсь, мастер. Что вы хотите?

- Черт побери, я тоже тороплюсь! - Уже многие годы его не волновали чужие беды, а сегодня тем более. - Мне нужна ваша лошадь, сэр. О, я не грабитель, нет! Я хорошо заплачу за нее. Но она мне нужна. Я думаю, нам нетрудно будет прогуляться пешком до Норвича. Это займет у вас не более часа.

- Моя лошадь не продается, сэр, - поспешил ответить Кеннет. - Позвольте пожелать вам спокойной ночи!

- Стой, парень. Стой, черт тебя побери! Если ты не продашь свою лошадь, чтобы услужить джентльмену, я пристрелю ее под тобой!

Кеннет заметил блестящий ствол пистолета вблизи и заколебался. Каждое мгновение было дорого. В его мозгу вспыхнула мысль, что сэр Криспин тоже направляется в Лондон, и его задача была опередить Геллиарда. Взвесив шансы, он решил на полном скаку проскочить мимо Криспина и спастись в темноте.

Но не успел он принять это решение, как бледный лик луны озарил его лицо, прикрытое плащом. Сэр Криспин издал возглас удивления:

- Святой Георгий, мастер Стюарт! Я не узнал вас по голосу! Куда вы направляетесь?

- Какое вам дело? Разве вы недостаточно поиграли со мной? Неужели мне никогда не отделаться от вас? Замок Марлей, - добавил он с хорошо разыгранным гневом, - навсегда закрыт для меня. Какое вам дело до того, куда я еду? Позвольте, по крайней мере, ехать своим путем.

Страстный укор глубоко задел Криспина. На мгновение он представил себя злодеем, разрушившим счастье мальчика. Он старался найти слова, чтобы выразить свои чувства, но, поняв, что все слова бесполезны, молча отошел в сторону.

- Езжайте, мастер Стюарт, - произнес он. - Ваш путь свободен.

И Кеннет, не дожидаясь вторичного приглашения, пришпорил коня и скрылся в темноте. Он благодарил небо за столь удачное избавление, которое поначалу представлялось ему невозможным. В его голове зрела уверенность, что послание Джозефа должно опередить Криспина. Сознание того, что он сумел обогнать Геллиарда, согревало его, как бокал хорошего вина.

Эта мысль так воодушевила его, что он продолжал погонять лошадь и в час пополудни достиг Ньюмарката.

Здесь он отдыхал целый час. Затем на свежей лошади продолжил свой путь.

В половине третьего он был в Ньюпорте, но лошадь и всадник были так измучены, что он был вынужден сделать здесь получасовую остановку. Он пообедал, пропустил стаканчик бренди и, оседлав третью лошадь, помчался дальше.

В спешке он не заметил группу всадников, скрытых густыми деревьями, осторожно двигающихся по противоположной стороне дороги. Темнело рано, и предметы были трудноразличимы. И поэтому стук копыт застал его врасплох. Кеннет поднял голову и увидел двух всадников в десяти ярдах впереди него. Их намерения были очевидны, и в мозгу перепуганного Кеннета пронеслась мысль: "Грабители!" Но, приглядевшись внимательно, он различил, что на них были красные плащи и военные стальные шлемы, и он понял, что перед ним солдаты Парламента.

Услышав топот копыт за спиной, он обернулся и увидел еще четырех солдат, подъезжающих сзади. Его сердце сжалось.

- Стой! - раздался низкий голос сержанта, который вместе с солдатом подъезжал спереди.

Кеннет остановил лошадь в ярде от них, чувствуя на себе пристальный, изучающий взгляд патрульного.

- Кто вы, сэр? - требовательно спросил бас.

О, человеческое тщеславие! Даже Кеннета пробрала дрожь при мысли, что сержант может опознать в нем человека, замешанного в бегстве короля.

Секунду он колебался, затем произнес:

- Блаунт. Джаспер Блаунт.

- Наконец-то! - насмешливо произнес сержант. - А то уж я боялся, что ты забыл свое имя. - И по его смеху Кеннет с ужасом осознал, что сержант не верит ему. - Откуда вы едете, мастер Блаунт?

Снова Кеннет замялся с ответом. Но затем, вспомнив большие связи Ашбернов в Парламенте, он решил, что может извлечь из этого выгоду, и ответил:

- Из замка Марлей.

- Клянусь, сэр, вы отвечаете неуверенно. Куда вы направляетесь?

- В Лондон.

- С какой целью? - вопросы сержанта падали, как удары меча.

- С письмом к полковнику Прайду. Более уверенный ответ произвел впечатление на сержанта.

- От кого письмо?

- От мастера Джозефа Ашберна, владельца замка Марлей.

- Предъявите письмо!

Пальцы Кеннета тряслись, когда он вручал конверт, и сержант не преминул это заметить.

- Что вы так дрожите?

- Да так, сэр. Холодно.

Сержант осмотрел письмо, проверил печать. К письму прилагалась подорожная, и он пришел к заключению, что стоящий перед ним человек действительно тот, за кого он себя выдает. Он не походил ни внешне, ни внутренне на того, кого они искали, но сержант все же не был

провидцем, и, отпусти он этого парня, он мог бы потом об этом пожалеть. Но, с другой стороны, если он решит его задержать, то возможны осложнения с полковником Прайдом, а тот, как известно, человек нетерпеливый. Он все еще не мог решить, как поступить, и повернулся к товарищу:

- Как ты считаешь, Питер? - Но тут сам Кеннет разрушил последний шанс на спасение.

- Я прошу вас, сэр, отпустить меня, поскольку вы знаете, с каким поручением я тороплюсь в Лондон.

Его голос слегка дрожал от нетерпения, которое сержант принял за нотку страха. Вспомнив неуверенные ответы мальчика, он принял окончательное решение:

- Мы не будем мешать вашему путешествию, сэр, - произнес он, пронзительно глядя на Кеннета, - и поскольку ваш путь лежит через Вальтхам, я попрошу вас следовать туда вместе с нами, чтобы ответить на некоторые вопросы, которые могут возникнуть у нашего капитана.

- Но, сэр...

- Довольно, мастер Гонец.

Сержант приставил к нему солдата и пробормотал команду.

Солдаты окружили Кеннета и под конвоем повезли его в Вальтхам.

Глава 20

Перевоплощенный Хоган

Густые сумерки легли на город, когда Кеннет и его конвой въехали в Вальтхам и остановились перед гостиницей "Трактир Крестоносца".

Дверь была гостеприимно распахнута, и из нее струился теплый луч света, отражаясь на мокрой дороге. Сержант повел Кеннета мимо общего зала в небольшую пристройку, стоящую на внутреннем дворе гостиницы. Он провел его по тускло освещенному коридору и, наконец, остановившись перед дверью, отворил ее и втолкнул задержанного в небольшую комнату, обитую дубовыми досками. В дальнем углу комнаты полыхал огромный камин, и спиной к нему стоял крупный мужчина с юношески задорным лицом, которое мало вязалось с серебристой прядью седины в волосах, говоря о том, что эта седина преждевременная. Кираса и шлем лежали в углу комнаты, но на столе Кеннет заметил шляпу, длинный меч и пару пистолетов.

Снова взглянув на могучую фигуру мужчины, Кеннет, к своему изумлению, обнаружил что-то знакомое в чертах его лица.

Он попытался вспомнить, где и при каких обстоятельствах встречал этого человека, как вдруг раздался знакомый голос.

- Клянусь душой! - воскликнул мужчина. - Мастер Стюарт, чтоб мне сдохнуть!

- Стюарт? - разом воскликнули его подчиненные, напряженно вглядываясь в лицо пленника.

В ответ на их слова капитан разразился громким хохотом.

- Нет, не молодой Чарльз Стюарт! - прогрохотал он. - Нет, нет! Ваш пленник не такая важная птица. Это всего-навсего Кеннет Стюарт из Бэйлиночи.

- Но он назвался другим именем! - вскричал сержант. - Он сказал, что его зовут Джаспер

Блаунт. С этим надо разобраться, капитан. Мне кажется, я не зря притащил его сюда.

Капитан сделал пренебрежительный жест. В этот момент Кеннет узнал его. Это был Гарри Хоган - человек, чью жизнь Криспин спас в Пенрите.

- А, пустая добыча, Бэддоуз, - сказал он.

- Может и нет, - возразил сержант.

- Он везет письмо, которое, по его словам, написано Джозефом Ашберном из замка Марлей полковнику Прайду. Имя полковника указано на конверте, но, может быть, это только уловка? Иначе зачем ему было называть себя Блаунтом?

Хоган нахмурил брови.

- Так-так. Ха! Обезоружь его и обыщи!

С показным спокойствием Кеннет выдержал эту процедуру. Внутри он кипел от негодования на непредвиденную задержку и ругал себя за то, что так опрометчиво назвался Блаунтом. Если бы не это, Хоган сразу же отпустил бы его. Однако вряд ли они задержат его надолго. Обнаружив, что он везет только письмо Ашберна, они отпустят его.

Но обыскали его очень тщательно. С него сняли ботинки, раздели донага, прощупывая каждую деталь его туалета. Наконец обыск был закончен, и Хоган задумчиво держал в руках пакет Ашберна.

- Теперь, сэр, вы, несомненно, позволите мне ехать? - крикнул Кеннет. Уверяю вас, это дело срочного характера, и если я не успею в Лондон до полуночи, будет уже поздно.

- Поздно для чего? - осведомился Хоган.

- Я... я не знаю.

- О?! - смех ирландца был не из разряда приятных.

Он находился в "прекрасных" отношениях с полковником Прайдом. Полковник считал его солдатом до мозга костей, примкнувшим к войскам Парламента только ради наживы, и, будучи сам фанатическим приверженцем Кромвеля, он частенько высказывал Хогану свое презрительное отношение. Хоган не боялся его по той причине, что он не боялся никого на свете. Но он вместе с тем понимал, что было бы неплохо нащупать брешь в доспехах старого пуританина. Если послание не содержит ничего крамольного, то он сможет оправдаться тем, что вскрытие конверта диктовалось соображениями чисто служебного характера. С этой мыслью он завладел письмом.

Неприятный смех Хогана поразил Кеннета, который решил, что раз его освобождение затягивается, значит, Хоган его в чем-то подозревает, но в чем, этого Кеннет не мог понять.

Внезапно ему в голову пришла одна мысль.

- Могу я поговорить с вами наедине, капитан Хоган? - Он говорил настойчивым тоном, который произвел впечатление на ирландца. Тот приказал всем выйти. - Теперь, капитан, я прошу вас незамедлительно отпустить меня. Я и так потерял уже массу времени из-за тупости ваших солдат. В то же время мне очень необходимо быть в Лондоне до полуночи, и вы должны понять меня.

- Клянусь душой, мастер Стюарт, вы возмужали с момента нашей последней встречи.

- На вашем месте я бы не стал упоминать о нашей последней встрече, мастер-Переодеваться. Ирландец удивленно взметнул брови.

- Вот как? Черт меня побери, мне плевать на твой тон.

- Если вы меня не отпустите, вы об этом пожалеете. - Кеннет был уверен, что держит в руках большой козырь. - Что скажут ваши корноухие друзья, если узнают о вашем прошлом?

- Над этим действительно стоит задуматься, - сказал Хоган.

- Как они, по-вашему, отнесутся к истории о прожженном разбойнике, который дезертировал из армии короля, будучи приговоренным к повешению за убийство?

- Действительно, как? - горестно вздохнул Хоган.

- Как вы думаете, это скажется на репутации капитана благочестивой армии Парламента?

- Да какая уж к черту репутация! - униженно сознался Хоган.

- Так вот, капитан Хоган, - начал взыгравший духом Кеннет, - если вы немедленно вернете мне этот пакет, то тем самым избавитесь от меня и той кучи неприятностей, которые я могу вам доставить.

Хоган уставился на юношу с выражением комического изумления, и на мгновение между ними воцарилась тишина. Затем, не отрывая взгляда от лица Кеннета, Хоган издал смех, больше похожий на ржание лошади, и срезал ножом печать.

- О, не волнуйтесь! - вежливо произнес он. - У меня и в мыслях не было намерения причинить вам боль. А чтобы вы не тешили себя напрасными иллюзиями, мастер Стюарт, позвольте мне напомнить вам, что я ирландец, а не дурак. Неужели вы считаете меня таким простаком, что, покидая эту несчастную армию Стюарта Чарльза, я не обдумывал возможность, что в любой момент могу столкнуться с кем-нибудь, кто наслышан о моих былых подвигах? Как вы можете видеть, я даже не сменил имя. Вы видите перед собой, сэр, Гарри Хогана, когда-то заблуждавшегося изменника и бунтовщика, последователя Чарльза Стюарта, превращенного Божьей милостью в покорного преданного сына израилевого. Теперь, мастер Стюарт, вы можете рассказать им все, что вам вздумается, но я вас уверяю, вы не встретите взаимопонимания в изобличении такого негодяя, как я.

Он снова рассмеялся и наконец сломал печать. Кеннет, смущенный, не пытался помешать его действиям.

Хоган распечатал письмо, и после прочтения первых строк его лицо приняло озабоченное выражение. По мере чтения письма его брови все больше хмурились, и под конец он издал проклятие.

- Святой Иисус! - Он поднял глаза и пристально посмотрел на юношу.

- Что, что там? - спросил наконец мальчик. Но Хоган так и не ответил ему. Он быстрыми шагами прошел мимо него и распахнул дверь.

- Бэддоуз! - рявкнул он. В коридоре послышался шум шагов, и на пороге появился сержант. - У вас здесь есть солдат?

- Питер, который приехал с нами.

- Пусть он присмотрит за этим парнем. Прикажи ему запереть его под замок здесь, в гостинице, и держать до тех пор, пока он мне не понадобится. Да скажи ему, что он отвечает

за пленника головой! Кеннет в страхе отпрянул назад.

- Сэр... капитан Хоган... извольте объясниться...

- Объясниться? Вы получите объяснение еще до утра, или можете назвать меня старым ослом. Но нам нечего бояться. Я не собираюсь причинять вам вреда. Бэддоуз, уведите его, затем возвращайтесь ко мне!

Когда Бэддоуз вернулся, он застал Хогана сидящим в кресле с письмом Ашберна, разложенным на столе.

- О, разве я был не прав в своих подозрениях, капитан? - осторожно осведомился он.

- Тысячу раз прав, Бэддоуз, само небо направляло тебя! Это дело не государственное, но оно касается одного человека, в котором я очень заинтересован.

Во взгляде сержанта читалось откровенное любопытство, но Хоган не спешил его удовлетворить.

- Вы немедленно отправитесь на свой пост! - приказал он. - Если лорд Ориель попадет вам в руки, как мы надеялись, пришлите его сюда. Но вы останетесь контролировать дорогу и проверять всех проезжающих. По этой дороге вскоре должен проследовать сэр Криспин Геллиард. Вы должны его задержать и доставить ко мне. Он высокого роста, худощав...

- Черт! Я знаю его, сэр, - вмешался Бэддоуз. - В армии бунтовщиков его звали "Рыцарь Таверны". Я видел его в Ворчсстере, он был взят в плен после битвы.

Хоган нахмурился. Этот чертов Бэддоуз знал больше, чем было нужно.

- Именно этот человек мне и нужен, - сказал он коротко. - Езжай и смотри, чтобы он не проскользнул мимо твоих рук. У меня в нем большая и срочная необходимость.

Глаза Бэддоуза раскрылись от изумления.

- Он может везти сведения, которые мне необходимы, - прояснил Хоган. Можешь быть свободен!

Оставшись один, Хоган придвинул кресло поближе к огню, набил трубку - за время своих походов он пристрастился курить табак, - положил ноги на соседний стул и начал размышлять. Прошел час, в комнату заглянул трактирщик узнать, не нужно ли чего капитану. Прошел еще час, и капитан задремал.

Проснулся он внезапно. Огонь в камине догорал, а стрелки здоровенных часов в углу показывали полночь. Из коридора донеслись звуки шагов и шум голосов. Прежде чем он успел встать с кресла, дверь распахнулась, и на пороге вырос сильный мужчина в сопровождении нескольких солдат.

- Мы доставили его, капитан, - объявил один из стражников.

- Вы привели меня, корноухие собаки, способные только распевать псалмы! прорычал Криспин, бешено вращая глазами.

Остановившись взглядом на безмятежном лице Хогана, он резко прекратил поток ругательств.

Ирландец вытянулся во весь рост и посмотрел на солдат.

- Оставьте нас! - коротко скомандовал он.

Он продолжал стоять неподвижно до тех пор, пока шаги солдат не стихли в отдалении.

Затем он, не глядя на Криспина, подошел к двери и запер ее на ключ. После этого он повернулся с широкой улыбкой на лице и протянул ему руку.

- Слава Богу, Крис! Наконец-то я могу отблагодарить тебя за ту услугу, которую ты мне оказал в Пенрите.

Глава 21

Письмо, которое вез Кеннет

Еще не придя в себя от изумления, Криспин пожал протянутую руку.

- Черт побери! - воскликнул он. - Если твоя манера выражать признательность заключается в том, чтобы стаскивать человека с лошади, извалить его в грязи с помощью своих ищеек, напяливших на себя раковины, то я бы предпочел уехать неотблагодаренным.

Но Хоган держался серьезно.

- И все же я уверен, Крис, что ты изменишь свое мнение не позже, чем через час. Ого, ты, должно быть, продрог! Вот бутылочка крепкого винца...

Капитан "круглоголовых" повернулся, достал с полки бутылку и налил полстакана крепкого напитка.

- Пей! - скомандовал он, и Криспин подчинился.

Затем Хоган снял с него грязный, порванный во многих местах камзол, придвинул стул и заставил его сесть. И снова Криспин молча подчинился. Он одеревенел от холода и бесконечной скачки и сейчас с удовольствием вытянул длинные ноги поближе к огню.

Хоган сел напротив него и откашлялся. Он никак не мог решить, каким образом сообщить Криспину те потрясающие новости, случайным обладателем каких он оказался.

- Черт меня побери, Хоган, - мечтательно рассмеялся Криспин, - я и не подозревал, что эти "корноухие" притащат меня к тебе. Честно говоря, я и не надеялся, что мы свидимся снова. Но ты, похоже, зря время не терял с той ночи в Пенрите.

И он повернул голову, чтобы получше разглядеть ирландца.

- Ты едешь в Лондон? - спросил Хоган вместо ответа.

- Откуда тебе это известно?

- О, мне известно гораздо больше! Я даже могу сказать тебе, по какому адресу ты едешь и с какой целью. Ты направляешься в трактир "Якорь" на улице Темзы за новостями о твоём сыне, который, по утверждению Джозефа Ашберна, жив.

Криспин выпрямился на стуле, глядя на ирландца со смесью недоверия и изумления.

- Ты хорошо осведомлен, джентльмен из Парламента.

- По этому вопросу я осведомился гораздо лучше тебя, - спокойно продолжал ирландец. - Хочешь знать, кто в действительности проживает в трактире "Якорь"? - Хоган сделал паузу, как будто ожидая ответа, затем невозмутимым тоном сам ответил на свой вопрос: - Полковник Прайд!

Какое-то мгновение это имя не вызывало никаких ассоциаций у Криспина.

- И что это за птица, полковник Прайд? Хоган был явно разочарован.

- Некий влиятельный и мстительный член Парламента, чьего сына ты убил в Ворчестере.

На этот раз удар попал в цель, и Криспин сел прямо. Его лицо потемнело.

- Черт меня побери, уж не хочешь ли ты сказать, что Джозеф Ашберн хочет меня обманом передать в его руки?

- Ты сам это сказал.

- Но...

Криспин замолчал. Его лицо посерело. Он откинулся на стул и прямо взглянул на Хогана.

- Но мой сын, Хоган, мой сын? - Его голос дрожал. - О, милосердный Бог! крикнул он внезапно. - Чья это дьявольская работа? - Его губы побелели, он не мог унять дрожь в руках. Затем он произнес угрюмым безнадежным тоном: - Хоган, я убью его за это. Я идиот, слепой, жалостливый идиот!

- Подожди, Крис, - произнес Хоган, кладя свою руку на плечо Криспина. - Не все, что он сказал, - ложь. Джозеф Ашберн действительно хотел предательским путем заманить тебя в руки полковника Прайда, но с той гарантией, что ты все узнаешь о своем сыне. Это был обман, но в нем была и доля правды. Твой сын действительно жив, и в трактире "Якорь" ты бы действительно получил сведения о нем. Но ты бы узнал их слишком поздно, чтобы воспользоваться ими.

Делая отчаянную попытку взять себя в руки, Криспин воскликнул необычно дрожащим голосом:

- Хоган, не мучай меня! Что ты действительно знаешь?

Ирландец достал письмо Ашберна.

- Мои люди патрулируют дороги в поисках одного мятежника, разыскиваемого Парламентом. Нам стало известно, что он направляется в Харвич, очевидно в надежде достать судно и бежать во Францию, поэтому мы решили поджидать его здесь. Три часа назад патруль задержал молодого человека, который был не в состоянии удостоверить свою личность, и поэтому его доставили ко мне. Он вез письмо от Джозефа Ашберна к полковнику Прайду. Тот факт, что он назвался чужим именем и постоянно порывался уехать, возбудил во мне подозрения, и я решил проверить содержание этого письма. И, возможно, ты будешь за это каждую ночь возносить благодарные молитвы Богу, Крис.

- Этим молодым человеком был Кеннет Стюарт?

- Да, это был он.

- Чертов мальчишка... - начал Криспин, но сдержался. - Нет, нет. Мне не за что проклинать его. Я принес ему достаточно горя и не вправе гневаться на него за то, что он хотел отплатить мне тем же.

- Юноша, - продолжал Хоган, - мог и сам не подозревать о содержании послания, которое он вез в Лондон. Позволь мне зачитать его, тогда многое сразу выяснится.

Хоган придвинул поближе светильник, развернул на столе письмо и начал читать:

"Уважаемый сэр!

Податель сего письма должен опередить другого человека, которого я направил к вам с фальшивым письмом на имя некоего мастера Лэйна, якобы проживающего в трактире "Якорь". Этот другой человек - известный мятежник Криспин Геллиард, от руки которого на ваших глазах пал в Ворчестере ваш сын. Я знаю, что поимка этого негодяя является вашим жгучим желанием, и я надеюсь, что вы сами знаете, как с ним поступить. Для нас он также представляет источник большой опасности: пока он на свободе, наша жизнь под угрозой. На протяжении восемнадцати лет этот Геллиард считал умершим своего сына, которого ему родила наша кузина. Новость о судьбе сына, которую я ему сообщил - его сын действительно жив, - послужила поводом, чтобы заманить его в ловушку. Я уверен, что будучи заблаговременно предупреждены о готовящемся вам подарке, вы сумеете оказать ему достойный прием. Но прежде, чем его постигнет справедливая кара, я хотел бы просить вас сообщить ему сведения о его сыне, которые я посылаю вам в этом письме. Сообщите ему, что его сын, Джоселин Марлей..." Хоган сделал паузу и бросил пронизательный взгляд на Криспина. Рыцарь весь подался вперед, напрягая слух. Он тяжело дышал, и на лбу у него выступили капли пота.

"...его сын, Джоселин Марлей, - возобновил чтение Хоган, - является подателем сего письма. Это молодой человек, которому Геллиард успел причинить много горя, который недолюбливает его и с которым по любопытному стечению обстоятельств он долгое время находился в близком знакомстве, известен ему под именем Кеннета Стюарта..."

- Что? - выдохнул Криспин. Затем с неожиданной яростью он закричал: - Это ложь! Новая выдумка этого лживого негодяя, чтобы подвергнуть мою душу очередной пытке!

Хоган остановил его знаком руки.

- Здесь еще немного, - сказал он и продолжил:

- "Если он усомнится в правдивости ваших слов, дайте ему возможность пристальнее взглянуть в лицо, юноши и спросите, чей образ напоминают ему эти черты. Если он будет продолжать упорствовать в своем недоверии, ссылаясь на то, что внешнее сходство может быть чисто случайным, покажите ему правую ступню юноши. На ней есть отметина, которая убедит его окончательно. В остальном я прошу вас, уважаемый сэр, не посвящать мальчика в тайну его родства, на что у меня имеются довольно веские основания. Через два-три дня после получения вами этого письма я буду иметь честь ожидать вашего приезда. Остаюсь вашим покорным слугой. Джозеф Ашберн".

Взгляды двух мужчин, сидящих за столом, встретились. В одном было написано сочувствие и озабоченность, а во взгляде Криспина был написан откровенный ужас. Некоторое время они сидели в молчании, затем Криспин поднялся и неуверенными шагами подошел к окну. Он распахнул окно и подставил голову и разгоряченное лицо ледяному ветру, не замечая его болезненных укусов.

Рыцарь перебирал в памяти события последних месяцев своей беспорядочной жизни, начиная с того момента, как он встретил мальчика в Перте. Он вспомнил то странное, подсознательное влечение, которое испытал к Кеннету, впервые увидев его во дворе замка, и благодаря которому он настоял, чтобы тот служил под его командованием, хотя характер юноши мало подходил к компании такого человека, как Криспин. Были ли эти чувства голосом крови? Наверное да, и те слова, что Джозеф Ашберн написал полковнику Прайду, были чистой правдой. Кеннет действительно был его сыном, теперь он был в этом убежден. Он попытался вспомнить лицо юноши, и внезапное открытие озарило его. Каким он был слепцом, чтобы не заметить его сходства с Алисой - несчастной девочкой-женой, погубленной восемнадцать лет назад! Как грустно, что он раньше не понял, что именно это сходство

влечет его к мальчику!

Теперь он снова был спокоен и, пытаясь привести в порядок свои мысли, с ужасом осознал, что далеки они от радостных чувств. Кеннет не был тем юношей, каким рыцарь хотел бы видеть своего сына. С ужасом он отбросил эту мысль в сторону. Трусливые руки, которые похитили у него сына, испортили его характер, теперь он сам займется его воспитанием, он сделает из него благородного человека. Криспин горько улыбнулся своим мыслям. Кто он такой, чтобы обучать мальчика честности и благородству? Грубый разбойник с прозвищем, которое бы заставило краснеть любого джентльмена! Снова он вспомнил то недоброе отношение, которое мальчик питал к нему, но это, он надеялся, можно исправить...

Он закрыл окно и повернулся лицом к своему товарищу. Он снова был самим собой, он был спокоен, хотя лицо его было искажено страданием.

- Где мальчик?

- Я задержал его здесь. Хочешь его видеть?

- Немедленно, Хоган. Сию же минуту. Ирландец подошел к двери, открыл ее и отдал приказание караульному.

Пока они стояли в ожидании, ни один из них не промолвил ни слова. Наконец в коридоре послышались шаги, и в комнату грубо втокнули Кеннета. Хоган сделал знак стражнику, который закрыл дверь и убрался.

Криспин сделал шаг навстречу юноше и остановился, встретив взгляд его враждебных глаз.

- Я должен был догадаться, сэр, что вы находитесь где-то поблизости, горько произнес Кеннет, позабыв, что прошлой ночью он значительно опередил Криспина. - Я должен был догадаться, что мой арест - дело ваших рук.

- Зачем мне это понадобилось? - спокойно спросил Криспин, жадным взглядом ощупывая лицо юноши.

- Потому что вы мой злой гений, который разрушает мое счастье на каждом шагу. Не говоря уже о том, что вы вовлекли меня в вашу подлую интригу в замке Марлей, вам понадобилось снова встать на моем пути, когда я уже был готов кое-что исправить, и погубить мой последний шанс. Боже, сэр, неужели вы будете преследовать меня всю жизнь? Какое зло я вам причинил?

Гримаса боли исказила лицо рыцаря.

- Если ты хорошенько поразмыслишь, Кеннет, то поймешь, насколько ты несправедлив ко мне. С каких это пор я, сэр Геллиард, служу Парламенту, чтобы "круглоголовые" подчинялись моим приказам? Что касается того, что произошло в Шерингаме, то ты забываешь, что мы заключили соглашение, и в противном случае ты бы был повешен еще три недели назад.

- Лучше бы уж я был сейчас на небе, - вырвалось у юноши, - чем платить такую цену за свою разбитую жизнь!

- Что касается моего присутствия здесь, - продолжал Криспин, оставляя его выкрик без внимания, - то оно никак не связано с твоим арестом.

- Вы лжете!

Хоган задержал дыхание, и в комнате воцарилась зловещая тишина. Эта тишина наполнила сердце Кеннета ужасом. Он почувствовал на себе тяжелый взгляд Криспина. Дорого бы он

сейчас дал, чтобы вернуть эти два слова, вырвавшиеся у него в горячке спора. Он вспомнил вспыльчивый и тяжелый характер Криспина, которому он бросил в лицо это обвинение, и в его взгляде уже прочел жажду удовлетворения. Кеннету уже мерещился собственный холодный труп, лежащий на одной из улиц Вальтхама с ножевой раной в груди. Его лицо посерело, а губы тряслись.

Когда Криспин наконец заговорил, спокойствие его тона еще больше усилило страх Кеннета. Хорошо изучив Криспина за это время, он знал, что в этом настроении он наиболее опасен.

- Ты ошибаешься. Я говорю правду. Так уж я устроен - возможно, это последнее, что осталось во мне от джентльмена. Я повторяю тебе еще раз: я не повинен в твоём аресте. Капитан может подтвердить, что я прибыл сюда полчаса назад под конвоем его людей, которые задержали меня на дороге. Нет, - добавил он со вздохом, - это не моя рука задержала тебя здесь, это была рука Судьбы. Затем его голос снова посуровел. - Ты знаешь, с какой целью ты скакал в Лондон? Чтобы передать своего отца в руки его врагов, чтобы доставить его на виселицу.

Кеннет широко раскрыл глаза.

- Мой отец! - сказал он упавшим голосом. - Что вы имеете в виду, сэр? Мой отец умер десять лет назад. Я его едва помню.

Криспин пошевелил губами, но из его рта не донеслось ни звука. С жестом, полным отчаяния, он повернулся к Хогану, который стоял в стороне как молчаливый свидетель.

- Господи, Хоган! - вскричал он. - Как я должен ему объяснить?

Ирландец в ответ на его мольбу повернулся к Кеннету.

- Дело в том, сэр, что от вас скрыли тайну вашего рождения, - прямо заявил он. - Алан Стюарт из Бэйлиночи не ваш отец.

Кеннет перевел взгляд с одного мужчины на другого.

- Не мой отец? Господа, это розыгрыш?..

Но, заметив серьезность выражения их лиц, замолчал. Криспин приблизился к нему и положил ему руки на плечи. Юноша вздрогнул от его прикосновения, и снова по лицу рыцаря пробежала тень боли.

- Ты помнишь, Кеннет, - начал он медленно, почти торжественно, - ту историю, которую я тебе рассказал в ту памятную ночь в Ворчестере, когда мы сидели в ожидании рассвета и палача?

- Какое это имеет отношение к моему отцу?

- Ты помнишь подробности? Помнишь, я говорил тебе, что когда я потерял сознание от удара меча Джозефа Ашберна, то последние слова, которые слышал, были приказанием его брату перерезать горло малышу в колыбели? Ты сам был свидетелем, когда прошлой ночью в замке Марлей Джозеф Ашберн сказал мне, что Грегори был настроен более миролюбиво, и ребенок не был убит, и что если я подарю ему жизнь, то он вернет мне моего сына. Помнишь? Кеннет кивнул:

- Да, я помню.

Смутный страх начал закрадываться в его сердце. Не веря своим глазам, он смотрел на печальное лицо рыцаря.

- Это была ловушка, которую Джозеф уготовил мне. Но не все, что он говорил, было неправдой. Ребенок, которого пощадил Грегори, действительно остался жить, и из того, что я узнал за последние полчаса, я понял, что он был отдан на воспитание Алану Стюарту из Бэйлиночи с той целью, как я полагаю, чтобы женить его на своей дочери и тем самым вдвойне обезопасить себя: если бы к власти пришел король, то они бы находились под защитой юного Марлея, который служил королю.

- Вы хотите сказать, - почти шепотом произнес мальчик с явными нотками ужаса в голосе, - вы хотите сказать, что я ваш... О, Боже! Я не верю в это! воскликнул он с внезапной страстью.
- Я не поверю в это, я не поверю в это! продолжал повторять он.

- Я сам с трудом поверил этому, - последовал ответ Криспина, в котором тоже угадывалась горькая нотка. - Но у меня есть убедительные доказательства, помимо твоего поразительного сходства со своей матерью, к которому я был слеп все эти месяцы. По крайней мере, были слепы глаза моего тела. Глаза души узнали тебя с самого начала, еще в Перте. Голос крови влек меня к тебе, и, хотя я слышал его, я не понимал, что он означает. Прочти это письмо, мой мальчик, письмо, которое ты должен был передать полковнику Прайду.

Кеннет взял бумагу из рук Геллиарда и начал читать. Читал он долго, и двое мужчин терпеливо наблюдали за ним и ждали. Наконец он закончил чтение и, перевернув листок, проверил печать и адрес, как будто сомневался в его подлинности.

Но под влиянием какого-то чувства - голоса крови, к которому взывал Криспин - он почувствовал, как уверенность растет в его душе. Автоматически он подошел к столу и сел. Не произнося ни слова, сжимая в руке листок бумаги, он положил голову на руки и застыл. Внутри его бушевал вулкан страстей, который подогревал его неприязнь к Криспину - человеку, которого он ненавидел все это время и которого он продолжал ненавидеть еще больше теперь, когда узнал, что тот его отец. Казалось, все страдания, которые тот причинил ему за время их знакомства, теперь завершились одним решающим ударом - отцовством.

Он почувствовал на плече руку и услышал голос, который обращался к нему, называя его другим именем:

- Джоселин, мальчик мой, - произнес дрожащий голос, - ты все обдумал и все понял, не правда ли? Я тоже долго думал, и раздумья привели меня к одному заключению: то, о чем написано в письме, - правда.

Смутно мальчик начал припоминать, что имя Джоселин употреблялось в письме. Он резко поднялся, сбросив утешающую его руку с плеча. Его тон был жестким возможно, он почувствовал, что ему нечего бояться этого человека, и это ощущение придало его слабому духу оттенок храбрости, наглости и пренебрежения.

- Я понял лишь одно, что вам я обязан только несчастьем и страданием. Хитростью вы выманили у меня обещание и заставили подчиниться себе. Обман влечет за собой другой обман. Как после этого я могу верить этой бумаге? Для меня все это кажется невероятным, но даже если бы все это и было правдой, что с того? Что с того? - Он повысил голос.

Изумление и удрученность отразились в глазах Геллиарда.

Хоган почувствовал острое желание вышвырнуть мастера Кеннета или Джоселина на улицу.

После вопроса юноши воцарилась тишина. Криспину показалось, что он ослышался. Наконец он протянул вперед руки почти с мольбой, он, который в течение всех своих тридцати восьми лет, несмотря на все свои несчастья, ни разу не просил никого ни о чем.

- Джоселин! - воскликнул он с такой болью в голосе, что его крик был способен растрогать

даже стальное сердце. - Не будь таким жестоким! Неужели ты забыл историю моей несчастной жизни, которую я поведал тебе той ночью в Ворчестере? Неужели ты не в силах понять, как страдания могут уничтожить все достойное, что есть в человеке? Как он может находить утешение в пьяном беспамятстве? Как жажда мести может быть единственной нитью, удерживающей его от самоубийства? Неужели ты не можешь представить себе такую судьбу и простить такого человека? - С надеждой он взглянул в лицо юноши, но оно оставалось холодным и неподвижным. - Я понимаю, - продолжал он убитым голосом, - что я не тот человек, которого любой юноша с радостью назвал бы отцом. Но, зная мою судьбу, Джоселин, твое сердце должно смягчиться. В моей жизни не было ничего такого, ради чего я бы хотел жить, ничего, что могло бы удержать меня от деградации по дороге зла. Но с сегодняшнего дня, Джоселин, в моей жизни появилась новая цель. Ради тебя, Джоселин, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вновь стать таким, каким я когда-то был, и ты бы смог гордиться своим отцом.

Но юноша продолжал молчать.

- Джоселин! Боже мой, неужели я говорю впустую?

- воскликнул несчастный. - Неужели у тебя нет сердца?

Наконец юноша заговорил. Он не был тронут пламенными речами Криспина.

- Вы разрушили мою жизнь. - Это было все, что он произнес.

- Я построю ее заново, Джоселин. У меня есть друзья во Франции высокопоставленные друзья, у которых есть и желание и средства помочь мне. Ты же солдат, Джоселин!

- Из него такой же солдат, как из меня святой, - пробормотал Хоган.

- Мы вместе поступим на службу в армию короля Луи, - убеждал его Криспин. - Я обещаю тебе это. Службу, на которой можно завоевать славу. Там мы пробудем до тех пор, пока Англия не стряхнет с себя этот кошмар мятежей и волнений. Затем, когда король возвратится на трон, замок Марлей снова будет наш. Поверь мне, Джоселин! - И снова он с мольбой протянул к мальчику руки. - Джоселин, сынок!

Но юноша не сдвинулся с места, чтобы ответить на этот призыв.

- А Синтия? - спросил он холодно. Руки Криспина бессильно повисли вдоль тела. Он сжал кулаки, и внезапно его глаза загорелись огнем.

- Я позабыл! Теперь я понимаю тебя. Да, я поступал с тобой не всегда хорошо, и ты имеешь право обижаться. Кто я в конце концов для тебя, разве я могу сравниться с ее образом, заполняющим твою душу? Разве мне это незнакомо? Разве я не пострадал за это? Но поверь мне, Джоселин, - и он выпрямился, даже в этом я помогу тебе. Так же, как я лишил тебя твоей возлюбленной, я и верну тебе ее. Я клянусь в этом. И когда это свершится, когда окупится зло, которое я причинил тебе, может быть, ты более благосклонно отнесешься к своему несчастному отцу.

- Вы много обещаете, сэр, - ответил юноша с плохо скрытой издевкой. Слишком много. Гораздо больше, чем вы можете сделать.

Хоган громко прочистил горло. Криспин выпрямился. Он положил руку на плечо мальчика, и пожатие его стальных пальцев заставило юношу поморщиться от боли.

- Как бы низко ни пал твой отец, - твердо произнес Криспин, - ты всегда можешь рассчитывать на его слово. Я дал тебе клятву, и завтра я приступлю к ее выполнению. Я увижусь с тобой перед отъездом. Ты будешь спать здесь, правда?

Кеннет пожал плечами.

- Мне все равно, где лечь.

Криспин грустно улыбнулся и вздохнул.

- Ты все еще не веришь в меня. Но я завоюю твое доверие. Будь уверен. Хоган, у тебя найдется для него комната?

Хоган грубовато ответил, что юноша, если пожелает, может занять комнату, в которой он находился все это время. И, чувствуя, что больше ожидать нечего, он лично проводил мальчика по коридору. У подножия лестницы ирландец остановился и поднял светильник, чтобы разглядеть лицо своего спутника.

- Если бы я был твоим отцом, - сказал он мрачно, - я бы гонял тебя пинками по всему Вальтхаму, пока ты не научился бы хоть капельке сострадания! И если бы ты не был его сыном, я бы проделал то же самое сию же минуту. Ты презираешь своего отца за пьянство, за беспутную жизнь. Позволь сказать мне, человеку, который на своем пути повидал много всякого и сегодня ночью прочел тебя до самых сокровенных глубин твоей душонки, что хоть ты, может быть, и его сын, но ты по сравнению с ним все равно, что червь по сравнению с Богом. Пошли! закончил он резко. - Я посвечу тебе дорогу до комнаты.

Когда вскоре Хоган вернулся к Криспину, он нашел "Рыцаря Таверны" - этого железного человека, никогда в жизни не знавшего сомнения и страха, - сидящим за столом, уткнувшись лицом в руки, и рыдающим, как слабая несчастная женщина.

Глава 22

Сэр Криспин действует

На протяжении всей этой долгой октябрьской ночи Криспин и Хоган не ложились в кровать. Острый ум Криспина, переборов минутную слабость, с новой энергией принялся отыскивать пути для выполнения задуманного.

Перед ним стояла одна проблема, которой он поделился с Хоганом: ему был нужен корабль. Но в этом ирландец мог быть ему полезен. Он знал одно судно, стоящее в Харвиче, хозяин которого был в большом долгу перед ним, что облегчало выполнение их плана. Но когда Криспин объявил себя владельцем состояния в сотню золотых, Хоган взмахом руки дал понять, что и эта проблема исчерпана. Для покупки судна хватило бы и четверти данной суммы. Покончив с этими вопросами, Криспин изложил свой план Хогану, который посмеялся над его незамысловатостью и выразил удивление, что Криспин намеревается подвергнуть себя столь значительному риску ради столь незначительного дела.

- Если девушка любит его, то дело решится само собой.

- Девушка его не любит, по крайней мере я этого опасаясь.

Хоган не был удивлен.

- В таком случае, я вообще не вижу, что здесь можно сделать. - И лицо ирландца потемнело.

Криспин неприятно рассмеялся. Годы несчастья превратили его в циника.

- Что такое, в конце концов, девичья любовь? Каприз, увлечение, которым можно управлять в зависимости от желания. Обстоятельства рожают любовь, Хоган, и если их создать, то любая девушка полюбит другого мужчину. Синтия полюбит моего сына.

- Без сомнения! А если нет? Если она ответит "нет" и на твоё предложение? Такие женщины существуют.

- Ну и что с того? Я найду способ, чтобы уговорить её, и стоит мне только её найти, она уедет со мной. В конце концов, это будет неплохой мстью Ашбернам. - Он нахмурил брови. - Но совсем не той, о которой я мечтал и которую я бы осуществил, если бы эта собака Джозеф не обманул меня. Забыть о мести после стольких лет ожидания - ещё одна жертва, которую я должен принести моему Джоселину. Девушка может упираться, капризничать, но волей-неволей она пойдёт со мной. Когда она очутится во Франции одна, без друзей, я думаю, она быстро поймет все преимущества любви Джоселина или, по крайней мере, брака с ним, и таким образом я расквитаюсь с ним за все страдания, которые причинил ему.

Лицо ирландца было угрюмым, его обычно веселый, беззаботный взгляд сейчас был полон грусти, и седой грешный солдат удачи мягко пробормотал:

- Ты затеваешь нехорошее дело, Крис. Геллиард поморщился и отвел глаза.

- Это мой сын, - пробурчал он, - и это единственный способ завоевать его сердце.

Хоган протянул руку через стол, чтобы дотронуться до руки Криспина.

- Разве он стоит такого пятна на твоей совести, Криспин?

Последовала пауза.

- Нам с тобой поздно, Хоган, говорить о совести. Господь ведаёт, что моя совесть, сильно износилась. Что значит ещё один грех на моей душе?

- Я спрашиваю тебя, - настаивал ирландец, - стоит ли твой сын того, чтобы пятнать свою честь таким гнусным делом?

Криспин высвободил свою руку и резко поднялся. Подойдя к окну, он откинул занавеску.

- День разгорается, - сказал он мрачно. Затем, обернувшись, он взглянул на Хогана. - Я дал своё слово Джоселину, - сказал он. - Выбранный мною путь единственный, и я не остановлюсь ни перед чем. Но если твоя совесть, Хоган, против этого, то я возвращаю тебе твоё решение помочь мне и буду действовать в одиночку. Я поступал так всю свою жизнь.

Хоган пожал своими массивными плечами и потянулся за бутылкой вина.

- Если ты убежден в правоте своих действий, то покончим с этим. Моя совесть не будет нам помехой, и я помогу тебе в том, что обещал. Если тебе пона-добится моя дополнительная поддержка, ты всегда можешь на неё рассчитывать. Я пью за успех твоего дела.

После этого они обсудили вопрос о судне и было решено, что Хоган пошлет записку шкиперу, в которой ему будет указано привести судно в Харвич и здесь ожидать приказаний Криспина. Хоган считал, что за двадцать фунтов тот возьмётся доставить Криспина во Францию.

Вскоре они покинули комнату, в которой провели столько времени, и у дворового насоса "Рыцарь Таверны" принял свой жесткий утренний туалет. После этого они быстро позавтракали парой селедок и кружкой темно-коричневого эля, и едва они закончили, как в комнату вошел Кеннет с бледным лицом и темными кругами под глазами. Как только Хоган вышел во двор, чтобы отдать последние распоряжения относительно гонца в Харвич, Криспин встал и подошел к сыну.

Кеннет внимательно наблюдал за ним, не отрываясь от своей трапезы. Он провел беспокойную ночь, рисуя себе своё будущее, которое выглядело достаточно мрачно, и

раздумывая, стоит ли ему, забыв то, что произошло этой ночью, вернуться в безупречную бедность его шотландского дома или принять услуги человека, который объявил себя его отцом, чему Кеннет начинал верить. Он все еще выбирал между Шотландией и Францией, когда Криспин вновь обратился к нему.

- Джоселин, - проговорил он медленно, почти запинаясь, - через час я отправлюсь обратно в Марлей, чтобы выполнить обещание, которое я дал тебе этой ночью. Как я собираюсь действовать, мне не понятно еще самому, но будь уверен, что я сдержу свое слово. Я договорился насчет судна, которое будет нас ждать, и через пять дней, максимум, через неделю, я намереваюсь отправиться во Францию, взяв с собой и Синтию.

Он замолчал в ожидании ответа, но его не последовало. Мальчик сидел с бесстрастным лицом, глядя в стол, но его голова была занята теми мыслями, которые высказывал ему отец.

Вскоре Криспин продолжил:

- Ты вряд ли откажешься последовать моему совету, Джоселин. Я сделаю твою жизнь счастливой, если ты будешь слушаться меня. Ты должен покинуть это место как можно скорее и продолжить свой путь в Лондон. Там ты найдешь корабль, который отвезет тебя во Францию, ты будешь ждать меня в гостинице "Оберж сюр Солей" в Кале. Договорились, Джоселин?

После небольшой паузы Джоселин принял решение. И все же его взгляд был довольно угрюмым, когда он поднял глаза на отца.

- У меня небольшой выбор, сэр, - последовал ответ. - Если вы сдержите свое обещание, то я буду считать, что вы действительно перевернули мою жизнь к лучшему, и попрошу у вас прощения за вчерашнее недоверие. Я буду вас ждать в Кале.

Криспин вздохнул, и на мгновение его лицо посуровело. Холодный прием, нет, не на такой ответ надеялся Криспин! - и на миг в нем, человеке быстрых решений, возникло желание отступить и отпустить своего сына, которого он в этот момент презирал, идти своей дорогой. Но затем он снова успокоился.

- Я не нарушу своего слова, - произнес он холодно. - У тебя есть деньги для путешествия?

Мальчик вспыхнул румянцем, вспомнив, что у него осталось немного средств, полученных им от Джозефа Ашберна. Криспин, по-своему истолковав его смущение, достал из кармана камзола кошелек и положил на стол.

- Здесь двадцать золотых, этого должно хватить, чтобы добраться до Франции. До встречи в Кале!

И, не дожидаясь слов благодарности, Геллиард резко повернулся и покинул комнату.

Через час он был уже в седле и направлялся на север.

Спустя три часа он без остановки миновал Ньюпорт. Около гостиницы "Равен Инн" стоял экипаж, но ему было некогда заглянуть в него.

Судьба человека зависит от самых разнообразных мелочей. Она может зависеть и от случайного взгляда, брошенного в сторону. Если бы в то утро глаза Криспина не были так прикованы к бурой дороге и он посмотрел бы на коляску, стоящую перед "Ранен Инн" в Ньюпорте, то он мог бы заметить руки Джозефа Ашберна на дверце экипажа и наверняка задержался бы.

И в этом случае его судьба, конечно бы, сложилась совсем иначе.

Глава 23

Раскаяние Грегори

Отъезд Джозефа Ашберна в Лондон диктовался естественным желанием лично убедиться, что Криспин угодил в расставленные для него сети и что он больше не будет беспокоить их в замке Марлей.

С этой целью он выехал из Перингама на следующий день после отъезда Криспина.

Синтия, проснувшись на следующее утро, была весьма встревожена, обнаружив в доме переполох. Кеннет покинул замок, он выехал глубокой ночью и очевидно совершенно внезапно и в большой спешке, поскольку предыдущим вечером не было никаких разговоров о его отъезде. Ее отец слег в постель с раной и лихорадкой, о происхождении которых никто в доме не мог дать ей вразумительного объяснения. Слуги чувствовали себя больными и, пошатываясь, бродили по замку с бледными лицами и мутными глазами. Спустившись в холл, она обнаружила следы беспорядка, а одна из панелей была сломана.

Постепенно к ней пришла мысль, что вчерашней ночью здесь произошло столкновение, но она все еще терялась в догадках, что могло его вызвать. Она решила, что мужчины сильно напились, и вследствие этого возникла пьяная ссора, которая и привела к схватке на мечех.

Она надеялась, что Джозеф прольет свет на вчерашние события, но тот красиво лгал как последний мошенник, каковым, в сущности, он и являлся.

- Возможно, ты не знаешь, - говорил он, твердо зная, что Синтия в курсе, что когда сэр Геллиард спас жизнь Кеннету в Ворчестере, он связал мальчика обещанием, что в уплату за эту услугу Кеннет окажет ему помощь в каком-то важном для него деле.

Синтия кивнула, что она понимает, о чем идет речь, и Джозеф продолжал:

- Прошлой ночью перед самым отъездом сэр Криспин, по своему обыкновению, сильно выпил и потребовал от Кеннета выполнения данного обещания и приказал ему немедленно собираться в путь. Кеннет возразил, что уже поздно и разумнее было бы дождаться утра, когда он сможет подготовиться к путешествию и сдержать свое слово. Но сэр Криспин возразил, что юноша дал клятву последовать за ним, когда он пожелает, и снова приказал ему немедленно собираться. Спор постепенно разгорался, и страсти накалялись, пока под конец Криспин не выхватил меч и несомненно убил бы юношу на месте, если бы не твой отец, который заслонил его собой и принял удар на себя. После этого пьяный Геллиард разрубил панель, показывая мальчику, что с ним будет, если тот не выполнит своей клятвы. Тут вмешался я и, используя свое влияние на Кеннета, убедил его уехать с Криспином, как тот и требовал. С большой неохотой Кеннет подчинился, и они уехали.

Но это объяснение лишь наполовину убедило Синтию. Правда, она задала ему дополнительный вопрос относительно здоровья слуг, на что Джозеф дал ей наполовину правдивый ответ:

- Сэр Криспин угостил их вином по поводу своего отъезда, и они так упились, что до сих пор никак не протрезвеют.

Все еще удивляясь, Синтия обратилась к своему отцу.

Надо сказать, что Грегори не догадался согласовать с Джозефом, какую историю ему рассказать Синтии, поскольку в его слабый ум не могла прийти мысль, что она потребует от него объяснения по поводу беспорядка в холле и отсутствия Кеннета. И поэтому, когда она

коснулась в разговоре его раны, он, как последний дурак, что, впрочем, соответствовало истине, начал болтать языком, поведав ей не менее фантастическую историю, которая значительно уступала рассказу Джозефа по убедительности и логике, но вместе с тем обладала тем достоинством, что полностью отличалась по содержанию.

- Чума на голову этого пса, твоего возлюбленного! - ревел он с горы подушек, на которых возлежал. - Если он осмелится вернуться, чтобы просить твоей руки, после того, как пригвоздил твоего отца к стене собственного замка, будь я проклят во веки веков, если пушу его на порог!

- Как? - воскликнула она. - Ты говоришь, это дело рук Кеннета?

- Ну конечно, кого же еще? Он набросился на меня, как и подобает трусу, прежде чем я успел выхватить меч, и в мгновение ока пронзил мне плечо.

Это было уже выше ее понимания. Что они скрывали от нее? Она решила во что бы то ни стало открыть правду и задала отцу другой вопрос:

- Что послужило причиной ссоры?

- Что? Причиной послужило... причиной послужила ты, дитя мое, - ответил Грегори наугад, не в силах придумать подходящий повод.

- Как это я?

- Оставь меня, Синтия, - простонал он в растерянности. - Я тяжело ранен. У меня жар, девочка. Оставь меня, дай мне поспать.

- Но скажи, отец, как это все произошло?

- Неблагодарный ребенок! - завопил Грегори. - Ты хочешь уморить меня своими вопросами? Ты хочешь лишить меня сна, который, может быть, поставит меня на ноги?

- Отец, дорогой, - пробормотала она нежно, - если бы я была уверена, что все было так, как ты говоришь, то я бы оставила тебя в покое. Но ты явно стараешься скрыть что-то от меня - нечто, что я должна знать.

Старательно напрягая свой ум, Грегори выдумал историю, которая, на его взгляд, выглядела достаточно правдоподобно.

- Ну, хорошо, раз ты должна знать, я расскажу тебе, что произошло. К нашему стыду, должен признаться, что мы слишком много выпили той ночью. Мое сердце было полно отцовской нежности к тебе, и, вспомнив твое нежелание становиться женой Кеннета, я сообщил ему, что его пребывание в замке Марлей не принесет ему ожидаемых результатов, и посоветовал составить компанию сэру Криспину в его отъезде. Он вспылил и потребовал, чтобы я выразился яснее, что я и сделал. Я сказал, что скорее в середине лета выпадет снег, чем он станет твоим мужем. Это привело его в такую ярость, что он выхватил меч и нанес мне удар. Все произошло настолько быстро, что остальные не успели вметаться. Ясное дело, после этого он не мог оставаться в нашем доме, и я потребовал, чтобы он убирался сию же минуту. Сам он не склонялся к этой мысли, но осознал свое глупое поведение и к тому же почувствовал недобрый огонь, сверкавший в глазах Джозефа. В самом деле, если бы не мое вмешательство, Джозеф уложил бы его на месте:

Тот факт, что и ее дядя, и отец лгали, один поискусней, другой - совсем глупо, наполнил душу девушки смятением. Вскоре весь замок был взбудоражен приготовлениями к отъезду Джозефа, и эта новость еще больше взволновала Синтию.

- Куда вы едете, дядюшка? - спросила она его, когда он приготовился к путешествию.

- В Лондон, дорогая племянница, - был короткий ответ. - Я становлюсь довольно беспокойным для своих лет. У тебя есть какие-нибудь просьбы?

- Что вы собираетесь делать в Лондоне?

- Об этом, дитя мое, позволь мне пока умолчать. Возможно, я расскажу тебе об этом по возвращении. Дверь, Стефан!

Она наблюдала за его отъездом с беспокойным сердцем. Она чувствовала что-то недоброе в том, что произошло, и в том, что продолжает происходить, и ей казалось, что это должно касаться сэра Криспина. У нее не было, доказательств, это было какое-то внутреннее чувство, предвещавшее беду.

Однако на следующий день она получила убедительные доказательства из самого неожиданного источника - от своего отца. Утомленный бездействием, забыв об осторожности, Грегори, рана которого слегка затянулась, в этот вечер спустился вниз, чтобы поужинать вместе с дочерью. Как обычно, он много пил, стараясь заглушить голос совести и завязать на узелок свой длинный язык так, что под конец Стефан был вынужден отнести его в постель.

Стефан состарился на службе у Ашбернов, и среди многих достоинств, которыми он обладал, было умение залечивать раны. Поэтому он прекрасно понимал, как неосторожно было со стороны Грегори подниматься с постели в такую погоду.

Опасения Стефана подтвердились на следующий день, когда Грегори проснулся, весь пылая от жара. Они послали за врачом в Шерингам, и этот хитрый плут, напустив на себя важный вид, с озабоченным выражением покачивал головой, обещан сделать нее, что в его силах, предложил познать священника, чтобы больной мог исповедаться и очиститься перед небом.

При мысли о приближающейся смерти Грегори охватил дикий ужас. Как он мог умереть с таким грузом на совести? И лекарь, видя, какое впечатление произвели на состояние пациента его слова, сделал попытку - слишком поздно - заверить его, что он не обязательно умрет и что он, лекарь, упомянул о священнике на всякий случай, чтобы Грегори был готов к худшему.

Но поднять бурю легче, чем унять ее, и в душе Грегори осталось убеждение, что его время истекло и его кончина - дело нескольких дней.

Сознавая, в какой опасности находится его душа, Грегори весь день то молился, то стонал, то метался на постели. Его жизнь была дорогой греха, и многие мужчины и женщины страдали от его руки. По подобно звездам, которые меркнут и исчезают с восходом солнца, все его ранние преступления были заслонены одним тяжелым актом, который он совершил по отношению к Роланду Марлэю. Если бы он мог спасти Роланда Марлэя по крайней мере хотя бы сейчас, если бы он мог каким-то образом дать ему знать, чтобы он не заходил в трактир "Якорь" на улице Темзы! В его воспаленном мозгу не укладывалась мысль, что за время своего отсутствия в замке рыцарь уже вполне мог достигнуть Лондона.

И, движимый внезапным порывом покаяться и облегчить душу кому-нибудь и надеясь предотвратить зло, Грегори позвал к себе дочь.

- Синтия! - крикнул он голосом, в котором смешались боль и страх. Синтия, дитя мое, я умираю!

Дочь знала и от лекаря, и от Стефана, что состояние отца было далеко от этого. Но, несмотря на это, ее бережное отношение к больному представляло собой трогательное

зрелище. Она взбивала ему подушки и, взяв его за руку, могла часами нежным голосом убеждать его, что лекарь оценил его состояние совсем не опасным и он вскоре поднимется с постели. Но Грегори упорно отвергал всяческие утешения.

- И на смертном одре, Синтия, - настойчиво повторял он, - и когда меня не станет, я не знаю ни одного человека, который мог бы поддержать тебя и утешить в трудную минуту. Кеннет уехал по поручению Джозефа, и вполне возможно, что он больше никогда не переступит порог замка Марлей. Как ни странно это покажется тебе, но мое предсмертное желание заключается в том, чтобы так оно и случилось.

Она взглянула на него с удивлением.

- Отец, если это все, что заботит и удручает тебя, то я могу заверить, что я не люблю Кеннета.

- Ты неверно поняла меня, - прошептал Грегори. - Помнишь историю жизни сэра Криспина Геллиарда, которую Кеннет рассказал тебе в ночь приезда Джозефа? - Его голос дрожал.

- Ну конечно. Я никогда не забуду ее, - продолжала она, дабы из осторожности не позволить понять ее чувства к Геллиарду, - и каждую ночь я молюсь, чтобы господь наказал этих убийц, которые разрушили его жизнь.

- Тише, девочка! - прошептал он встревоженно. - Ты не ведаешь, что говоришь.

- Я знаю, что говорю, и, если есть на свете справедливость, Господь услышит мою молитву.

- Синтия! - простонал он. Его глаза приняли дикое выражение, а руки тряслись. В порыве страха и паники правда вырвалась у него наружу. - Ты призываешь кару Господню на головы своего отца и дяди.

Она поднялась с колен, глядя на отца ужасным взглядом, который он не решался встретить.

- Ты бредишь, - прошептала она. - Это жар.

- Нет, дитя мое, мой разум ясен, и то, что я говорю, - правда.

- Правда? - эхом откликнулась она, глядя на него с ужасом. - Это правда, что ты и мой дядя и есть те самые убийцы, которые погубили свою кузину, жизнь этого человека, и пытались убить его самого, а сочтя его мертвым, бросили в горящем доме? Правда, что вы украли его замок и пользовались им все это время, когда он бродил, отверженный, покинутый всеми, не имея своего угла? Ты хочешь заставить меня поверить в это?

В ответ раздался печальный стон.

Ее лицо смертельно побледнело. Некоторое время она продолжала молча стоять, но затем чувства одолели ее.

- Зачем? - воскликнула она, рыдая, - зачем, во имя Бога, ты рассказываешь мне все это?

- Зачем? Я говорю это тебе, потому что умираю.

Он надеялся этой фразой смягчить ее сердце и вернуть часть ее расположения. То, что он потерял ее навсегда, он понял не сразу.

- Я говорю тебе это, потому что умираю, - повторил он. - Я говорю тебе это, потому что в свой смертный час я хочу покаяться, чтобы Господь смилостивился над моей грешной душой. Я говорю тебе, что та трагедия, которая разыгралась восемнадцать лет назад, еще не окончена

и, возможно, в моих силах предотвратить тот ужасный конец, который мы с братом уготовили Криспину. Возможно, Господь зачтет мне это на Страшном Суде. Послушай, дитя. Ты понимаешь, что тот факт, что Кеннет был связан клятвой с Геллиардом, был нам не на руку, и в ту ночь Криспин призвал мальчика исполнить свой долг и обнажить меч на его стороне. У Кеннета не оставалось другого выбора, как подчиниться. По правде говоря, я сам вынудил его к схватке, заставив вытащить меч и нанести мне эту рану. Сэр Криспин наверняка убил бы Джозефа, но твой дядя остановил занесенный над ним меч, сообщив Геллиарду, что его сын жив.

- Он спас свою жизнь с помощью лжи! Как достойно!

- Нет, дитя, он говорил правду, и, когда Джозеф предложил Криспину вернуть сына, он говорил искренне. Но, подписывая адрес на письме, которое сэр Криспин должен был вручить людям, воспитавшим его сына, Джозефу в голову пришел хитрый план, как с помощью обмана окончательно уничтожить Геллиарда. И он направил Криспина в Лондон, в гостиницу, где проживает полковник Прайд, злейший недруг Криспина, препровождая его тем самым в руки палача. Можно ли как

нибудь помешать этому и спасти жизнь Геллиарда, Синтия?

- С тем же самым успехом можно пытаться вдохнуть жизнь в мертвеца, ответила она, и ее голос был настолько спокоен и холоден, что Грегори поежился. - Не утешай себя иллюзиями, - добавила она. - Сэр Криспин давно уже достиг Лондона, а Джозеф в пути, чтобы удостовериться, что все идет по плану и что жизнь человека, которую вы загубили 18 лет назад, теперь оборвется навсегда. Милосердный Бог! И я - твоя дочь! - Она зарыдала. - Я выросла на землях, которые были добыты ценой преступления! Землях, которые по праву принадлежат ему, - каждый камень, каждая веточка, и теперь он мертв благодаря вашим стараниям!

Из ее груди вырвался стон, и она закрыла лицо руками. Мгновение она стояла, раскачиваясь, у постели. Затем она издала глубокий вздох и свалилась на пол в глубоком обмороке...

Грегори был настолько потрясен, что вскочил с кровати, позабыв о ране, лихорадке и смерти, которая, по его мнению, была неизбежна, распахнул дверь и позвал слуг.

Стефан и служанка вдвоем отнесли потерявшую сознание девушку в ее покои, оставив Грегори проклинать себя за длинный язык, заставивший его произнести исповедь, в которой, как выяснилось, не было никакой необходимости, ибо по его теперешнему состоянию Грегори начал подозревать, что его смерть не так уж близка, как заставил поверить его дурак-лекарь.

Глава 24

Страдания Синтии

Обморок Синтии продлился недолго.

Очнувшись, она первым делом отослала свою служанку. Ей нужно было побыть одной, и в этом грустном одиночестве она пребывала весь день.

Состояние ее отца не было угрожающим, поэтому она не испытывала к нему ни малейшего сожаления. При мысли о той ужасной тайне, которую он ей раскрыл, ее сердце становилось тверже камня, и она молила небо, чтобы он не был ее отцом, а она его дочерью. Она покинет замок Марлей и больше никогда не увидится с Грегори Ашберном, к которому не только потеряла уважение, но сама мысль о котором наполняла ее ужасом, животным ужасом, который мы испытываем перед человеком, сознавшимся в воровстве и убийстве.

Она решила вернуться в Лондон к сестре матери, где всегда могла рассчитывать на теплый прием.

К вечеру девушка наконец покинула свою комнату. Она хотела подышать свежим воздухом, наполнить душу успокоением, которое нам дает в одиночестве природа.

Был мягкий светлый вечер, скорее характерный для августа, чем для октября, и Синтия бесцельно бродила по холмам, окружавшим Перингам. Наконец, она присела на обломок скалы, глядя на морскую даль, и ее мысли потекли в другом направлении, связанном с воспоминаниями об этом месте.

Именно здесь, сидя вот так же на скале и глядя на море, на чайки, кружащихся над головой, она поняла, что любит сэра Криспина. И ее мысли продолжали возвращаться от сэра Криспина и той участи, которую ему уготовил ее отец, обратно к Грегори и его ужасным деяниям.

Ее жизнь, казалось, была окончена, и она сидела этим октябрьским вечером на скале и смотрела на море. Ничто больше не удерживало ее в этой жизни, никакой надежды не осталось ей до своего конца, который наступит, очевидно, не скоро, потому что, когда мы идем, время тянется очень медленно.

- Добрый вечер, мисс Синтия!

У нее перехватило дыхание, когда она обернулась на голос. Ее щеки горели, затем она побледнела, и время, казалось, замерло. Ибо перед ней стоял он предмет ее тревог и вздыханий, возникший внезапно, нежданно, как будто из-под земли.

Его тонкие губы улыбались, а глаза источали доброту. Синтия вновь обрела голос, и все, что она могла сказать, было:

- Сэр Криспин, как вы оказались здесь? Мне сказали, что вы уехали в Лондон.

- Да, это действительно так. Но по дороге произошла задержка, в течение которой у меня появились причины, чтобы вернуться.

У него появились причины? Она спросила себя, что бы это могло быть, и, не найдя ответа, обратилась с этим вопросом к нему.

Прежде чем ответить, он подошел поближе.

- Можно мне немного посидеть с вами, Синтия?

Она отодвинулась, освобождая ему место, как будто широкая скала была узенькой дощечкой, и с видом усталого человека, наконец-то обретшего покой, Криспин опустился рядом с ней.

Его голос звучал нежно, заставляя ее пульс биться чаще. Неужели она верно угадала причину его возвращения? В любом случае она всем сердцем благодарила небо за чудесное спасение.

- Возможно, это глупо с моей стороны предположить, что ваше задумчивое состояние вызвано мыслями о человеке, возможно, и недостойном вашего внимания, который уехал отсюда несколько дней назад?

Поскольку она продолжала хранить молчание, он спросил:

- Я угадал?

- Может быть, - прошептала она в ответ и вспыхнула румянцем от этой смелости.

Он остро взглянул на нее. Этого ответа он ожидая меньше всего.

- В таком случае, леди, моя задача, которая казалась мне столь трудной, значительно облегчается.

- Какая задача, сэра Криспин? - спросила она, чтобы облегчить ему признание.

Он ответил не сразу. Ему было трудно подобрать слова. Грубо сказать, что он пришел, чтобы увезти ее с собой по поручению другого человека, было нелегко. Это было невозможно, и он очень обрадовался ее настроению, которое отбрасывало необходимость крутых мер.

- Моя задача, мисс Синтия, заключается в том, чтобы увезти вас отсюда. Просить вас оставить этот мирный уголок и спокойную жизнь и разделить бремя тягот и невзгод с тем, кто, несмотря на свои недостатки, имеет одно все покрывающее достоинство - он любит вас больше всего в жизни.

Он пристально посмотрел на нее, произнося эти слова, и она опустила глаза под его взором. Он видел, как ее щеки, шея, лоб покрываются румянцем, и едва не засмеялся от радости, до чего простой оказалась миссия, которую он считал невыполнимой.

- Я прошу многого, - добавил он. - Но любовь эгоистична, и она просит многого.

- Нет, нет, - мягко возразила она. - Вы просите совсем немного. Напротив, вы больше предлагаете. Его удивление росло. И все же он продолжал:

- Подумайте, Синтия, я приехал, чтобы просить вас последовать за мной во Францию, где нас ждет мой сын.

Он позабыл на миг, что она ничего не знает о его родстве с человеком, которого он считал ее возлюбленным, а она, со своей стороны, не придавала большого значения упоминанию о его сыне, о существовании которого она слышала от Грегори. Ее душа была полна совсем другими чувствами, и мыслями.

- Я прошу вас поменять легкую жизнь, которой вы жили до сих пор, на судьбу жены воина. Возможно, на первых порах она покажется тяжелой, хотя я даю слово, что за границей у меня есть хорошие друзья, которые найдут вашему мужу достойное занятие, где он может вскорости преуспеть. Да и как он может не достичь славы и чести, если рядом с ним будете находиться вы?

Она не проронила ни слова, но ее рука ответила ему легким пожатием.

- Смею ли я просить так много? - воскликнул он.

Она положила ему руки на плечи и встретила его ищущий взгляд чистыми открытыми глазами девушки, которая без страха вверяет себя мужчине...

- Всю жизнь я буду благодарить Бога, что вы осмелились попросить об этом, - ответила она нежно.

Что-то в ответе смутило Криспина, но он решил, что, поскольку Джоселин был слишком застенчив, чтобы признаться открыто в своих чувствах, она была благодарна ему, что он взял на себя роль посредника.

Некоторое время они сидели молча. Он обдумывал свои следующие слова... Она была безмерно счастлива сидеть рядом с ним и не нуждалась ни в каких фразах.

- Жаль, что все обернулось так, - продолжал он, - что я не могу просить вашей руки у вашего отца. Но даже если бы все сложилось иначе, это было бы нелегкой задачей для меня. В данном же случае она просто невозможна.

И снова смысл его слов можно было истолковать двояко. Когда он говорил о благословении ее отца на брак, он и не думал добавить, что стал бы просить ее руки для своего сына.

- У меня больше нет отца, - ответила она и, заметив его немой вопрос, добавила: - Неужели вы, которому известна эта ужасная история, хотели бы, чтобы я оставалась дочерью вора и убийцы?

- А! Значит, вам все известно!

- Да, - ответила она несчастным голосом, - мне известно все. Я узнала об этом сегодня утром. Весь день я раздумывала, как мне теперь быть, и пришла к выводу покинуть Перингам. Я собиралась поехать в Лондон к сестре моей матери. Теперь вы видите, как вовремя вы появились. - Она улыбнулась ему сквозь слезы, которые блестели у нее на глазах. - Вы появились, когда я начала отчаиваться, нет, когда я уже отчаялась.

Теперь его уже не удивляла ее готовность следовать за ним. Ему казалось, что он нашел этому объяснение. Ее чистая душа не могла вынести пребывания в доме человека, о котором она узнала ужасную правду, и подвернувшийся Криспин был для нее удобной возможностью покинуть замок своего отца. Еще до его прихода она приняла решение уехать, и его появление было действительно очень своевременным, ибо он предоставлял ей средство покинуть эти, ставшие невыносимыми, окрестности. Жалость и сострадание заполнили его сердце. Она придет в себя, подумал он, принимая предложение, которое он делал от лица сына и от которого в другое время она, возможно, с презрением бы отвернулась.

Когда он вновь заговорил, его слова касались деталей отъезда. Он описал ей изгиб дороги, где он будет ожидать ее. Она знала это место и отвечала, что на рассвете следующего дня придет туда. С ней будет ее служанка. При этих словах Криспин нахмурился, поскольку лишний спутник мог значительно задержать их бегство, но возражать не решился. От нее он узнал, что ее дядя отправился в Лондон четыре дня назад. Для своего отца она оставит письмо, и здесь Криспин вмешался, прося ее соблюдать максимум осторожности и не указывать направление, в котором они уедут.

На этом они расстались, и в ее сердце закралось крохотное сомнение, которое не давало ей уснуть всю ночь. Разумно ли она поступила, доверяя свою судьбу человеку, которого она совсем не знала и который, по слухам, не относился к разряду добрых людей?

Наутро она все рассказала своей служанке, которая от страха едва не лишилась последних остатков разума, и, собрав свои вещи, они отправились к тому месту, где их ждала коляска с сэром Криспином.

Он тепло приветствовал Синтию, но это не походило на восторженный прием, который влюбленный обычно оказывает девушке.

Вежливо он помог ей и служанке сесть в карету и закрыл дверцу. - Как? спросила она. - Вы не едете с нами?

Криспин указал рукой на оседланную лошадь, стоявшую в стороне, которую она не успела заметить.

- Так будет лучше. Без меня в коляске вам будет удобнее. Кроме того, она будет ехать быстрее, а скорость сейчас - наш лучший помощник.

Он захлопнул дверцу, отошел назад и приказал кучеру трогаться. Свистнул кнут. И Синтия залилась слезами. Что он за человек и что она за женщина, если позволяет увозить себя мужчине, даже не утруждающему себя сказать ей пару нежных слов?

Коляска тронулась, и путешествие из Перингама началось.

Глава 25

Путешествие Синтии

Весь день и всю ночь они тряслись по разбитой дороге со скоростью, которая заставляла Криспина изрыгать тучу проклятий. Он замыкал шествие, зорко оглядывая дорогу в ожидании погони. Но их никто не преследовал, ибо Грегори в это время мирно спал в кровати, убежденный, что его послушная дочь тоже отошла ко сну.

С первыми лучами солнца заморосил мелкий дождь, усиливая неудобства Криспина, измученного долгой ездой в седле. К десяти часам они миновали Дэнхем. Как только городок скрылся за поворотом, Синтия высунула голову из окна коляски. Всю дорогу она крепко спала, и сейчас ее настроение было значительно лучше. Криспин, который ехал в нескольких ярдах позади, заметил ее свежее улыбающееся личико, и на душе у него стало светлее. Он пришпорил лошадь и, поравнявшись с коляской, осведомился, все ли в порядке. Больше он не отъезжал от коляски до самого Стаффорда. Здесь, перед придорожной гостиницей "Саффолк Армз", он приказал сделать остановку, и они пообедали тем лучшим, что мог предложить хозяин.

Синтия пребывала в хорошем настроении, то же можно было сказать и о Криспине, но она заметила в нем некоторую холодность, которую приписывала неловкости, и ее радость постепенно начала убывать.

К негодованию Криспина, в гостинице не оказалось свежих лошадей. Незадолго до них какой-то человек, находясь, очевидно, в большой спешке, забрал всех лошадей, оставив в стойле четверку падающих от усталости животных. У них не осталось другого выбора, как задержаться здесь еще на день, и это не прибавило Криспину хорошего настроения.

- К чему так расстраиваться, - удивилась Синтия, - если я с тобой?

- Тысяча чертей, мисс, - последовал ответ. - Именно это меня и тревожит. Что если ваш отец послал за нами в погоню?

- Мой отец, сэра, - ответила она, - прикован к постели раной и горячкой.

- И все же, - настаивал он, - ваш отец наверняка обнаружил ваше отсутствие, и я уверен, что скоро за нами будет организована погоня. Если нас настигнут, вряд ли они станут с нами церемониться.

Это огорошило ее, и минуту она не знала, что отвечать. Затем ее рука теснее сжала его руку, и она спросила, плотно сжав губы и гордо вскинув голову:

- Ну и даже если так? Разве со мной рядом нет вас?

- Ну, если вы так ставите вопрос, - рассмеялся он, - то мне безразлично, кто за нами гонится. Сам Лорд-Протектор не сможет отнять вас у меня.

Впервые с тех пор, как они покинули Перингам, он произнес слова, близкие к любовным, и это очень обрадовало Синтию, но все же, произнося их, он стоял от нее в двух ярдах, и это радовало значительно меньше.

Пожелав ей спокойного отдыха, он вышел из комнаты, и она проводила взглядом его высокую худощавую фигуру, наполненную силой, а знакомый жест, которым он положил правую руку на рукоятку меча, наполнил ее душу гордостью, что такой человек принадлежит ей - ей одной. Она уселась у окна, ожидая его возвращения, вся в мыслях была с ним. Ее глаза горели, а щеки румянились, даже грязная деревенская улица не казалась ей отвратительной, но минуты текли, складывались в часы, и огонь постепенно погасал в ее глазах.

Ее брови нахмурились, и в голову вновь полезли те же самые мысли, что и в ночь перед бегством из замка Марлей. Где он находился? Почему не пришел? Она взяла со стола книгу и попыталась отвлечься чтением. День сменился сумерками, а его все не было. Пришла ее служанка и спросила, не принести ли свечей. И тут Синтия дала волю своему гневу.

- Где сэръ Криспин? - спросила она требовательным голосом. И в ответ на растерянные слова служанки, что не знает, приказала ей пойти и выяснить его местонахождение.

Пока Катрин бегала по ее поручению, Синтия мелкими шагами мерила свою комнату. Он что, считает ее своей игрушкой, чтобы забавляться в те часы, когда у него нет более подходящего занятия, и бросать на произвол судьбы, когда подворачивается что-нибудь поинтереснее? Или он считает, что ее решение отправиться с ним в чужую страну - это такой пустяк, что он не сознает той большой чести, которую она оказала ему?

Затем ее обвинения внезапно сменились безотчетным страхом за него. Что, если в его отсутствии виновата беда? Если с ним что-то случилось? Ужасная мысль уже перерастала в уверенность, когда дверь распахнулась и на пороге появилась ее служанка.

- Ну что? - воскликнула Синтия, видя, что служанка вернулась одна. - Где сэръ Криспин?

- Внизу, мадам.

- Внизу? - откликнулась она. - И что же он там делает, во имя всего святого?

- Он играет в кости с джентльменом из Лондона.

В тусклом свете октябрьских сумерек служанка не заметила внезапную бледность своей госпожи, но услышала резкий стон боли, почти рыдание, вырвавшееся из груди. Синтия разрыдалась бы, если бы могла дать волю чувствам. Человек, который убедил ее бежать с ним, играет в кости с джентльменом из Лондона! О, какая низость! Она расхохоталась, перепугав до смерти свою служанку. Затем, справившись с истерикой, она приняла неожиданное решение.

- Позови хозяина! - закричала она, и перепуганная Катрин со всех ног кинулась исполнять приказание.

Вскоре появился кланяющийся хозяин со свечой в руке.

- У вас есть дамское седло? - спросила она без предисловий. - Что ты уставился, дурак? Есть или нет?

- Есть, мадам.

- И пара слуг для охраны?

- Я могу это организовать, но...

- Как скоро?

- Через полчаса, но...

- Иди и все приготовь, - прервала она его, нетерпеливо постукивая туфелькой по полу.

- Но, мадам...

- Ступай, ступай! - крикнула она, повышая голос.

- Но, мадам, - в отчаянии продолжал возражать хозяин, пытаясь вставить несколько слов, - у меня нет лошадей, которые протянули бы больше десяти миль.

- Мне достаточно и пяти, - ответила она, движимая одной мыслью добыть животных независимо от их состояния. - Теперь слушай и не возвращайся, пока все не будет готово. Ни слова джентльмену, с которым я приехала сюда, и ты получишь хорошее вознаграждение!

Неприятно удивленный хозяин подчинился, соблазненный мыслью о хорошей плате.

Она сидела еще полчаса в ожидании в надежде, что, прежде чем хозяин объявит ей, что все готово, Криспин может вспомнить о ней и зайти на минуту. Но он не появился, и бедная девушка пролила немало слез, которые были больше вызваны гневом, чем жалостью. Вскоре появился хозяин. Она позвала свою служанку и щедро одарила его несколькими золотыми. Хозяин вывел их через черный ход во внутренний двор.

Здесь их ждали три оседланные лошади, на одной из которых было приторочено женское седло позади приземистого широкоплечего парня, и еще двое хорошо вооруженных парней сидели на двух других лошадях. В руках одного из них был даже мушкет.

Завернувшись в плащ, она села в седло позади одного из парней и приказала трогаться в направлении Дэнхема. Мечте пришел конец.

Мастер Куин, хозяин, наблюдал за ее отъездом с беспокойством и тревогой. Закрыв за небольшим отрядом ворота, он встряхнул головой и пробормотал что-то насчет странного поведения женщин по отношению к мужчинам, и мужчин по отношению к женщинам. И, взяв светильник, зашаркал обратно в кладовую, где его поджидала жена.

Когда он зашел в кладовую, миссис Куин с засученными рукавами трудилась над приготовлением паштета. Со вздохом он поставил светильник на пол и сел.

- Быть брошенной такой прекрасной женщиной, которая украсит дом любого джентльмена! - проворчал он. - Ну не дурак ли я, что помог ей в этом?

- Конечно дурак, - согласилась она, - что бы ты ни сделал. Ну, что ты натворил на этот раз?

- О, это весьма пакостное дело! - заскулил он. - Очень нехорошее. Зачем я только с ним связался?

- Если ты что-то сделал, то это, несомненно, что-то нехорошее. Но что именно? - вставила его жена.

- Отправил двух бедных измученных животных в дорогу.

- Каких животных?

- Каких животных? Я что, развожу крокодилов? Моих лошадей, дура!

- И куда ты их отправил?

- В Дэнхем, с багажом этого буйного джентльмена, который был в такой ярости, что у нас нет лошадей.

- Где он? - осведомила хозяйка.

- Играет в кости с остальными городскими повесами.

- Играет в кости? А она, говоришь, уехала? - Миссис Куин прекратила работу и посмотрела на мужа.

- Ага, - ответил тот.

- Идиот! - взорвалась она. - Ты хочешь сказать, что леди сбежала?

- Такой вывод напрашивается сам собой, - ответил он радостно.

- И ты дал ей лошадей и помог бежать в то время, как ее муж играет в кости?

- Ты, конечно, без сомнения разглядела в ней его жену.

- Ты кретин! Если джентльмен отхлещет тебя кнутом, то это будет вполне заслуженно.

- Э? Чего? - ошарашенно спросил он, менясь в лице.

Но миссис Куин, не утруждая себя ответом, решительно направилась к двери, вытирая руки о передник. В мозгу ее мужа промелькнуло подозрение о ее намерениях.

- Что ты собираешься делать? - нервно спросил он.

- Рассказать джентльмену о том, что произошло.

- Нет! - крикнул он, загораживая ей дорогу. - Ты хочешь... ты хочешь погубить меня?

Она взглянула на него с презрением и, оттолкнув в сторону, двинулась по направлению к общей комнате. Она была уже на полпути, когда он снова догнал ее и схватил за талию.

- Ты сошла с ума, женщина? - крикнул он. - Ты хочешь выдать меня?

- А ты хочешь нас погубить? - спросила она, пытаясь освободиться от его рук. Но он вцепился в нее с отчаянием утопающего.

- Ты не должна туда ходить! - умолял он. - Пойдем обратно, пусть джентльмен сам обнаружит пропажу. Я клянусь, это не очень его расстроит. Он избегал ее с самого приезда сюда, несомненно, она ему надоела. По крайней мере он не должен знать, что я дал ей лошадь. Пусть он подумает, что она убежала пешком.

- Я все равно пойду, - упрямо заявила его супруга, подтаскивая его на пару ярдов ближе к двери. - Джентльмена следует предупредить. Я не позволю, чтобы в моем доме жена сбежала от мужа, и он не был бы об этом извещен!

- Я обещал ей... - начал он.

- Какое мне дело до твоих обещаний? Я скажу ему, и он может отправиться в путь и догнать ее, если захочет.

- Ты не сделаешь этого! - твердил он, сжимая ее в объятиях. Но в этот момент мягкий насмешливый голос прервал их борьбу.

- Трогательное зрелище, сэр, - произнес один из городских посетителей, появившихся в коридоре, - видеть, как мужчина ваших лет проявляет такую пламенную страсть к своей супруге, подобно молоденькому возлюбленному. Мне жаль прерывать вас, но если вы

позвольте мне пройти, то можете продолжать свое занятие без помех, ибо я клянусь, что ни разу не оглянусь назад.

В смущении хозяин и его жена отпрянули друг от друга. Воспользовавшись этим, миссис Куин быстро выскочила в дверь.

В общей комнате сидел сэр Криспин лицом к лицу с приятным молодым человеком, казалось, состоящим из одних костей и мышц. Их окружала пестрая толпа джентльменов, направляющихся в Лондон и остановившихся в Стаффорде.

Игра, которая началась с нескольких крон, теперь достигла внушительной суммы. Сначала удача сопутствовала молодому человеку, но, по мере того как ставки росли, везение стало изменять ему. К тому моменту, как Синтия покинула внутренний двор гостиницы, мистер Гарри Форстер с проклятием бросил на стол последний золотой.

- Чтоб меня сожрали крысы, это последний из сотни!

Он с угрюмым видом поигрывал алой лентой, вплетенной в волосы, и Криспин, видя, что его противник не собирается больше делать ставок, сделал попытку подняться. Но молодой игрок задержал его.

- Не спешите, сэр! - крикнул он. - Я еще не закончил!

С этими словами он стащил с пальца кольцо и с несчастным видом бросил его на стол.

- Во сколько вы его оцените?

Криспин пренебрежительно взглянул на драгоценность.

- 20 золотых, - проворчал он.

- Черт меня подери, сэр, ваше чутье выдает вас за еврея. Давайте двадцать пять, и я кидаю.

С пренебрежительной улыбкой человека, для которого двадцать пять или сто золотых не представляют большой разницы, Криспин кивнул в знак согласия. Они бросили кости еще раз, и Криспин снова выиграл.

- Сколько ставите? - вскричал Форстер, и за первым кольцом последовало второе.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ввалилась миссис Куин, задыхаясь от бега и возбуждения. В дверном проеме позади нее, окаменев от ужаса, стоял ее супруг.

Наклонившись к уху сэра Криспина, миссис Куин сообщила ему новость громким шепотом, который услышали большинство игроков, сидящих за столом.

- Убирайся! - взревел Криспин в бешенстве.

Женщина указала на своего мужа, и Криспин, заключив из ее жестов, что это и есть хозяин, подозвал его к себе.

- В чем дело, хозяин? - прорычал он. - Подойди сюда и объясни, куда девалась леди?

- Я не знаю, - ответил трясущийся хозяин и рассказал во всех подробностях, как все произошло, добавив, что леди, похоже, была сильно разгневана.

- Оседлай мне лошадь! - приказал Криспин, вскакивая на ноги. - Говоришь, они поскакали в сторону Дэнхема? Быстрее! - И, как только хозяин кинулся выполнять его распоряжение, он смахнул со стола золото и кольцо себе в карман, собираясь уходить.

- Э-эй! - вскричал Форстер, вскакивая из-за стола. - Что за внезапная спешка?
- Мне очень жаль, сэр, что удача была неблагоприятна к вам, но я должен ехать. Обстоятельства таковы, что...
- К черту ваши обстоятельства! - вспыхнул Форстер. - Вы не можете уехать просто так!
- С вашего позволения, сэр, я именно так и поступлю.
- А я вам не позволю!
- В таком случае, к моему огромному сожалению, я буду вынужден обойтись без вашего соизволения. Но я еще вернусь.
- Сэр! Это старая сказка!

Криспин в отчаянии обернулся. Затеять сейчас ссору - означало погубить все, и он чудом сдержал свой гнев. У него оставалось еще несколько минут, пока седлали лошадь.

- Сэр, - обратился он к Форстеру. - Если на ваших пальцах найдется драгоценностей хотя бы на половину той суммы, что я у вас выиграл, я готов поставить весь выигрыш на банк, после чего, независимо от результата, я уеду. Согласны ли вы?

По толпе зрителей пробежал шепот недоумения при виде такой беспечной щедрости, и Форстер был вынужден принять его условия. Он снял с пальцев два оставшихся кольца, достал большой бриллиант из медальона на шее и вынул из уха жемчужную серьгу. Все это он положил на стол, где Геллиард уже поставил против него весь свой выигрыш. Как раз в этот момент появился хозяин, чтобы объявить, что лошадь готова.

Криспин бросил кости и выиграл. Собрав драгоценности со стола, Криспин учтиво извинился и покинул комнату.

Синтия не успела отъехать и шести миль по дороге в Дэнхем, как один из ее телохранителей услышал стук приближающихся копыт и обратил внимание на то, что их преследуют. Синтия приказала скакать быстрее, но погоня настигала их с каждой минутой. Снова один из телохранителей обратился к ней с предложением остановиться и встретиться лицом к лицу с преследователями. Но Синтия содрогнулась при этой мысли и, соблазняя своих спутников обещаниями крупной награды, вынудила их скакать еще быстрее. Они проехали еще одну милю, но топот копыт слышался все ближе и ближе, пока они, наконец, не осознали всю тщетность оторваться от преследователей.

Ночь стояла безлунная, но было достаточно светло, чтобы разглядеть силуэт их преследователя, вырисовывающийся на фоне неба в сотне шагов от них.

Несмотря на приказ Синтии не стрелять, один из ее спутников прицелился из мушкета и выстрелил по приближающемуся силуэту.

Синтия вскрикнула от ужаса, и в следующий момент сэр Криспин настиг их. Стрелявший услышал лязг вытаскиваемого меча, и перед его глазами сверкнуло лезвие стали. В следующий момент Криспин ударил его рукоятью меча по голове, свалив с лошади на землю. Его приятель пришпорил коня и быстрее ночного ветра помчался в сторону Дэнхема.

Прежде чем Синтия успела сообразить, что же произошло, седло перед ней было пустым и она направлялась обратно в Стаффорд на лошади, которую вел на поводу Криспин.

- Глупышка! - гневно сказал Криспин, и после этого они ехали молча, каждый погруженный в свои переживания.

Обратный путь занял у них немного времени, и вскоре она вновь стояла во внутреннем дворе гостиницы, из которого выехала больше часа назад. Не желая проходить через общую комнату, Криспин провел ее через боковую дверь, которая послужила ей дорогой к бегству. В коридоре их встретил хозяин и, взглянув на бешеные глаза Криспина, молча ретировался.

Вдвоем они вернулись в комнату, в которой она в одиночестве провела весь день. Она чувствовала себя как провинившийся ребенок и злилась на свою слабость. И все же она стояла посередине комнаты, потупив взор, не решаясь взглянуть на своего спутника, который смотрел на нее с гневом и изумлением. Наконец ровным спокойным голосом он спросил:

- Почему вы убежали?

Его вопрос разжег в ней гневные чувства, как порыв ветра угасающее пламя. Она гордо откинула назад голову и устремила на него смелый взгляд.

- Я скажу вам! - крикнула она и внезапно замолчала.

Огонь погас, в ее глазах читалось бесконечное изумление при виде темного пятна, медленно расплывающегося по его серому камзолу от левого плеча вниз. Ее удивление сменилось ужасом, когда она догадалась, что это за пятно, и вспомнила, как один из ее спутников стрелял в Криспина.

- Вы ранены? - жалобно сказала она.

Его лицо исказила кривая улыбка, еще больше оттенявшая его бледность. Он сделал протестующий жест, который, казалось, истощил последние силы, и рухнул без сознания на пол. Большая потеря крови и постоянное недосыпание сломили этого железного человека.

В мгновение ока ее гнев испарился. Ей стало страшно от мысли, что он умер и что эту смертельную рану ему нанесли по ее вине. Со стоном она опустилась на колени подле него. Она подняла его голову и положила себе на колени, шепча его имя, как будто этого было достаточно, чтобы привести его в чувство.

- Криспин, Криспин, Криспин!

Она нагнулась и поцеловала его бледный лоб, затем губы, чувствуя легкое подрагивание. Его глаза открылись. Какое-то время его взгляд был затуманенным, затем в глазах возникло удивленное выражение.

Мгновение назад они оба стояли, объятые гневом, и вдруг он оказался на полу, его голова на ее коленях, ее губы на его губах. Как он попал сюда? Что все это значило?

- Криспин, Криспин! - заплакала она. - Слава. Богу, что это только обморок! Слабым голосом он спросил:

- Почему ты убежала?

- Давай забудем об этом, - ответила она нежным голосом.

- Нет, нет, сначала скажи.

- Я подумала... подумала, - она замялась, набираясь сил. - Я подумала, что я тебе на самом деле безразлична, что ты играешь мной, как игрушкой. Когда мне сказали, что ты играешь в кости с джентльменом из Лондона, я разгневалась на тебя за твое невнимание ко мне. Если бы он любил меня, сказала я себе, он бы никогда не бросил меня одну.

Криспин посмотрел на ее взволнованное лицо. Затем он закрыл глаза, и истина обрушилась

на него как поток. Сотни вещей, которые он находил странными в последние два дня, теперь для него стали простыми и понятными, наполняя его душу неизъясимой радостью. Он не мог заставить себя окончательно поверить, что все это не бред, что Синтия рядом с ним и что он понял ее неправильно. Как он был слеп, каким дураком он был!

Но затем его мысли вернулись к сыну, и как будто ледяная рука сковала его члены. Не открывая глаз, он застонал. Он, наконец, нашел свое счастье. Он снова был любим, и любим самым чистым и нежным существом, которого только создал Господь. Его душа наполнилась великой нежностью. В нем возникло жгучее искушение послать к черту данное слово, презреть веру, позабыть про честь и оставить эту женщину себе.

Она любила его, он знал это теперь. И он любил ее, он это сейчас понял. Что по сравнению с этим его честь, вера и клятва? Что по сравнению с этим его сын, который презирает его?

Самую трудную схватку с самим собой он вел сейчас, лежа на полу. Его голова покоилась на ее коленях.

Если бы он не открыл глаза, возможно, честь и вера все же одержали бы верх, но он открыл их и встретился взглядом с Синтией.

- Синтия! - воскликнул он. - Господь, смилуйся надо мной, я люблю тебя! И снова потерял сознание.

Глава 26

Во Францию

Этот крик, который она наполовину не поняла, все еще звенел у нее в ушах, когда дверь распахнулась и в комнату ворвался взбешенный молодой человек, по пятам которого следовал причитающий хозяин.

- Я говорю тебе, лживая собака, - кричал он, - что я видел, как он въезжал во двор, и, клянусь Святым Георгием, я заставлю его отыгаться! Убирайся к своему папаше, порождение ехидны!

Синтия с тревогой подняла голову, и молодой человек, заметив ее, остановился в смущении.

- Простите меня, мадам... я не знал... я не видел... - он замешкался и, наконец вспомнив о приличиях, низко поклонился. - Ваш слуга, мадам, - сказал он. - Ваш покорный слуга Гарри Форстер.

Она вопросительно взглянула на него, но не произнесла ни слова, в то время как молодой человек в нерешительности переминался с ноги на ногу, мечтая в душе исчезнуть как можно скорее.

- Я не знал, мадам, что ваш муж ранен.

- Он не муж мне, сэр, - ответила она, не задумываясь над тем, что говорит.

- Бог мой! - воскликнул он. - И вы все же убежали от него?

Ее щеки стали пунцовыми.

- Дверь у вас за спиной, сэр!

- И где этот вор, хозяин гостиницы? - сказал молодой человек, ничуть не смутившись. - Подойди сюда, бурдюк с жиром, видишь, джентльмен ранен!

Подгоняемый столь учтивым образом, хозяин приблизился к Криспину, а молодой человек начал умолять Синтию позволить ему вместе с кабатчиком осмотреть рану джентльмена. Они положили Криспина на кровать, перевязали ему рану, которая сама по себе была не опасной - обморок был вызван большой потерей крови, - и положили ему под голову подушку. Криспин блаженно вздохнул и открыл глаза, жалуясь на жажду. Каково же было его удивление, когда он обнаружил своего недавнего партнера по игре в роли сиделки.

- Я пришел в поисках вас, чтобы продолжить игру, - пояснил Форстер, - и, клянусь Святым Георгием, очень огорчился, застав вас в таком состоянии.

- А, сэр, мое состояние не так уж плохо, но я благодарен вам за своевременную помощь.

Он поймал взгляд Синтии и улыбнулся. Трактирщик многозначительно кашлянул и направился к двери. Но Форстер не сделал ни малейшей попытки сдвинуться с места. Он продолжал как бы в нерешительности стоять у постели Криспина.

- Перед уходом я бы хотел сказать вам пару слов, - произнес он наконец. Затем, обернувшись, он заметил хозяина, выжидательно застывшего в дверях. Убирайся! - крикнул он ему. - Чтоб меня раздавило, неужели один джентльмен не может сказать другому джентльмену пару слов, не опасаясь быть подслушанным чужими ушами? Простите мне мою горячность, мадам, но эти шакалы вызывают во мне бешенство... Теперь о деле, сэр, - возобновил он разговор, как только хозяин ушел. - Этой ночью я проиграл вам определенную сумму денег, которая некоторым может показаться значительной, хотя для меня она просто пустяк. Однако меня очень заботит судьба некоторых безделушек, которые имеют для меня особую ценность и которые, по чести говоря, я поставил на карту в минуту отчаяния. Я питал себя надеждой все же отыграть сегодня вечером за дружеским ужином, поскольку мне есть еще что поставить: коляску и четверку прекрасных лошадей, равных которым вы не сыщите во всей Англии. Ваша рана, сэр, лишает меня этой возможности. Я поэтому появился, чтобы предложить вам вернуть мне эти безделушки в обмен на мою расписку на сумму их стоимости. Меня хорошо знают в городе, - поторопился добавить он, - поэтому вы можете не опасаться.

Криспин остановил его жестом руки:

- Я и не думал опасаться. Я рад оказать вам услугу. - Он сунул руку в карман и вытащил кольца, серьгу и медальон, которые раньше принадлежали молодому джентльмену. - Возьмите, сэр, ваши безделушки.

- Сэр! - воскликнул Форстер, смущенный подобной щедростью. - Это благородный поступок! Я ваш должник, сэр, чтоб меня сожрали крысы! Я сейчас же напишу вам расписку. Во сколько вы оцениваете эти драгоценности?

- Минуточку, мастер Форстер, - прервал его Криспин, которому в голову пришла очередная идея. - Вы упомянули лошадей. Они свежие?

- Как июньские розы.

- И вы возвращаетесь в Лондон, не так ли?

- Совершенно верно.

- Когда вы собираетесь выехать?

- Завтра.

- Прекрасно, сэр. В таком случае у меня есть к вам одно предложение, после которого отпадет надобность в расписке. Одолжите мне ваших лошадей до Харвича. Я обязуюсь

выехать немедленно.

- Но твоя рана! - воскликнула Синтия. - Ты еще слишком слаб.

- Слаб? Только не я. Я снова бодр и здоров. Моя рана - это не рана, а царапина. - Он рассмеялся и, пригнув к себе ее голову, прошептал: - Наш отец. - Затем он вновь обратился к Форстеру: - Сэр, на конюшне стоит четверка моих лошадей, на которых вы завтра можете добраться до Харвича, где обменяете их на своих собственных. Они будут ждать вас в трактире "Гартер Инн". За эту услугу, которая для меня имеет поистине неоценимое значение, я охотно отдам вам обратно ваши безделушки без всякой компенсации.

- Пусть меня сожрут крысы, сэр! - воскликнул Форстер. - Это слишком великодушно, клянусь честью. Я не могу согласиться на это, пусть меня сожрут крысы, не могу!

- Я повторяю вам, сэр, что ваша услуга будет для меня неоценимой, в сотню раз дороже стоимости ваших драгоценностей.

- Вы получите лошадей и расписку, - твердо сказал Форстер.

- Ваша расписка не будет иметь цены для меня, сэр. Завтра я намереваюсь покинуть Англию, и неизвестно, когда вернусь.

Под конец сделка все же состоялась. Синтия разбудила свою служанку, лошади были запряжены в коляску Криспина, и он, тяжело опираясь на палку Форстера, спустился вниз и занял место в экипаже.

Оставив лондонского щеголя у дверей "Саффолк Армз" превозносить щедрость Криспина, они устремились сквозь ночь по направлению к Инсвичу.

В десять утра они были уже в Харвиче у дверей трактира "Гартер Инн". Но тяжелое путешествие так измотало Криспина, что он не смог самостоятельно добраться до постели. Он очень тревожился по поводу корабля "Леди Джейн", будучи не в состоянии лично отправиться в гавань и навести о нем справки, как вдруг некий здоровенный краснолицый человек осведомился, не он ли является сэром Криспином Геллиардом. Прежде чем Криспин сумел ответить, мужчина добавил, что его зовут Томас Джексон, он владелец "Леди Джейн", чему Геллиард несказанно обрадовался.

Но когда он, наконец, уже лежал в каюте шкипера, мысль о его теперешнем положении наполнила его душу удовольствием, смешанным с горечью. Он уезжал, чтобы привезти Синтию своему сыну, он дал честное слово, что сделает это. И как он мог выполнить клятву?

В какой-то момент он даже пожалел, что парень, ранивший его в плечо, не взял прицел чуть пониже, тем самым решив все проблемы этой гнусной жизни.

Тщетно пытался он утешить себя мыслью, что Синтия любит его, что его сын ничего для нее не значит и что она никогда бы не согласилась поехать с ним, если бы знала об истинной цели этого путешествия.

Нет, он поступил подло, и его вина отягощалась еще целым рядом обстоятельств. На мгновение он почти струсил. В его голове мелькнула мысль приказать Джексону миновать Кале и отправляться в какой-нибудь другой портовый город. Но затем он выбросил эту трусливую мысль из головы и решил рассказать сыну правду, что бы ни случилось. Мечась в бреду в каюте шкипера, он чувствовал, что его отношение к Кеннету переросло почти в ненависть. Он помнил его только как слабое низкое создание, фанатика, предателя и даже лицемера.

Паруса поймали свежий ветер, и к вечеру Синтия зашла в каюту, чтобы возвестить о том, что

на горизонте показался берег Франции.

Ответом ей был вздох, и, когда она спросила его, в чем дело, он только грустно улыбнулся. Мгновение в нем боролось искушение рассказать ей обо всем, о том ложном положении, в котором он очутился, и облегчить разговором груз страданий, свалившихся на него. Синтия ничего не должна знать.

Глава 27

Гостиница "Оберж сюр Солей"

На первом этаже гостиницы "Оберж сюр Солей" в Кале хозяин осведомился у Криспина, не он ли является милордом Геллиардом. Криспин насторожился. Подозрение возникло в нем еще с того момента, когда он не обнаружил своего сына ни встречающим его на причале, ни в гостинице. Он не смел задать вопрос, опасаясь разрушить надежду, которая уже начала зарождаться в его душе.

Он вздохнул, прежде чем ответить, и провел жилистой рукой по лбу, стирая пот.

- Мое имя действительно Криспин Геллиард. У вас есть для меня новости?

- Джентльмен... соотечественник милорда уже около трех дней ожидает вас.

Мгновение Криспин сидел неподвижно, лишенный последнего луча надежды. Затем он внезапно вскочил на ноги, несмотря на слабость от раны.

- Приведите его ко мне. Я хочу его видеть немедленно.

- Сейчас его нет, местье, - ответил хозяин гостиницы. - Он отправился погулять пару часов назад и еще не возвратился.

- Господи, сделай так, чтобы он, гуляя, утонул в море! - взорвался Криспин. Затем он взял себя в руки. - Нет, нет, нет, Господи, только не это! Я не хотел этого говорить!

- Монсеньор будет ужинать?

- Сейчас же, и принесите побольше света.

Хозяин вышел и вскоре вернулся с парой светильников, которые поставил на стол. Когда он выходил, на лестнице слышались тяжелые шаги, сопровождающиеся позвякиванием лат о перила.

- Вот и ваш соотечественник, милорд, - объявил хозяин.

И Криспин, с тревогой взглянувший на дверь, увидел знакомую грузную фигуру Гарри Хогана. От удивления он присел на постели. С грустной улыбкой на лице Хоган подошел к Криспину и сочувственно потрепал по плечу.

- Добро пожаловать во Францию, Криспин. Хотя тебя встречает совсем не тот, кого ты ожидал, но все же это твой старый верный друг.

- Хоган! Почему ты здесь? Что это все значит? Где Джоселин?

Ирландец скорбно посмотрел на него, затем вздохнул и опустился в кресло.

- Ты привез леди? - спросил он.

- Она здесь и скоро придет сюда. Хоган плотнее сжал губы и печально покачал седой

головой.

- Но что Джоселин? - снова спросил Криспин, и его лицо побледнело, когда он обратился к своему собеседнику. - Почему он не здесь?

- Я привез печальные вести, Криспин.

- Печальные вести? - пробормотал Геллиард, как будто не понимая смысла сказанного. - Печальные вести? - Затем он взял себя в руки. - Какие вести?

- И ты привез еще и девушку, - сокрушенно вздохнул Хоган. - Господи, я надеялся, что тебе это не удастся!

- Клянусь смертью Господней, Хоган! - воскликнул Криспин. - Ты скажешь, в чем дело или нет? Хоган помолчал с минуту, а затем начал:

- Я начну рассказ с самого начала. Все произошло так. Три или четыре часа спустя после твоего отъезда мои люди привели разыскиваемого бунтовщика. И сразу же отправили его в Лондон в сопровождении сержанта и всего отряда, оставив себе только двух ребят. Примерно через час во двор въехала коляска, в которой сидел невысокий человек, одетый во все черное, с самым неприятным и злым лицом, которое мне когда-либо приходилось видеть. Он сказал, что он Джозеф Ашберн из замка Марлей, друг Лорд-Генерала и что ему немедленно нужны лошади, чтобы доехать до Лондона. Я в это время находился во дворе и, услышав его слова, сразу догадался, по каким делам он спешит в Лондон. Он зашел в гостиницу, чтобы освежиться, и я последовал за ним. В общей комнате первым, кого он заметил, был твой сын. Он вскрикнул от удивления и затем разразился потоком богохульств, которых я не слышал в устах ни одного пуританина. "Идиот! - кричал он. - Почему ты здесь?" Юноша переминался с ноги на ногу со смущенным видом. "Меня задержали", - произнес он. "Задержали? Гром и молния! Кто?!" "Мой отец, ты, мерзкий убийца!" - последовал необдуманный ответ. При этих словах мастер Ашберн побелел. "Так, значит, тебе все известно? Ну что же, это не поможет ни тебе, ни твоему отцу. Но я начну с тебя". С этими словами он схватил кувшин с элем и выплеснул его в лицо юноше. Клянусь душой, мальчик показал такую твердость, какой я от него не ожидал. "На улицу! - крикнул он, одной рукой обнажая меч, другой показывая на дверь. - На улицу, негодяй, там я убью тебя!" Ашберн рассмеялся, произнес ругательство, и они мимо меня последовали во двор. Двор был пуст, и, прежде чем лязг мечей привлечет что-то внимание, все было кончено. Ашберн поразил юношу прямо в сердце.

Хоган сделал паузу, и Криспин сидел бледный и неподвижный, как статуя.

- А Ашберн? - наконец спросил он низким голосом, - что произошло с ним? Его арестовали?

- Нет, - угрюмо ответил Хоган. - Его не арестовали. Его похоронили. Прежде чем он успел вытереть клинок, я подошел к нему и сказал пару слов. Я вспомнил, что он остался должен тебе и что он послал тебя на верную смерть, я видел окровавленное тело мальчика, лежащее на земле, и я стукнул ему кулаком по зубам. Он сделал предательский выпад прежде, чем я успел достать свой меч. Люди высыпали на улицу и хотели остановить нас, но я осыпал их самыми страшными проклятиями, обещая проткнуть каждого, кто встрянет между нами, и они не стали вмешиваться. Я не заставил их долго ждать. Я не зеленый юнец с холмов Шотландии, и мой меч уже через минуту вонзился в горло негодяя. Уже после, стоя во дворе и глядя на дело своих рук, я вспомнил, что этот Ашберн был хорошо известен в Парламенте, и мне стало нехорошо при мысли, что меня может ожидать. Поэтому я вскочил на коня и поехал прямо в Гринвич в надежде застать "Леди Джейн" на месте. Но мой гонец уже отослал ее в Харвич за тобой. Я отправился в Дувр, и вот уже три дня, как я здесь.

Сэр Криспин сидел очень спокойно, положив локти на колени, и в комнате воцарилась тишина.

- Значит, так и должно было случиться, - произнес он наконец. - Господь ведаёт, что я не решался заглядывать в будущее. Я был в безвыходном положении.

Он поднял глаза, и ирландец увидел, что его лицо искажено страданием. Растроганный Хоган подошел и положил ему на плечо свою руку.

- Ну, ну! Ты думаешь, я не понимаю, что ты сейчас чувствуешь? В конце концов, он был твоим сыном. Может, Судьбе было угодно так распорядиться.

- Разве я не знаю этого? - удивил его ответом Криспин и добавил: - Это-то и печалит. Рука Хогана лежала на его плече.

- Встряхнись, Криспин! Мужчина должен с достоинством принимать удары судьбы! Криспин горько рассмеялся.

- В этом-то и вся ирония. - Затем он поднял голову. - Но ты тоже пострадал из-за этого дела. Прости, что мне сразу не пришло в голову...

- О, ерунда! Не стоит об этом вспоминать.

- Но ты в изгнании по моей вине. У меня по-прежнему есть друзья во Франции, которые могут помочь мне. Ты не будешь жалеть, что стал моим другом.

- Стоит ли сейчас так заботиться обо мне? Разве у тебя недостаточно хлопот и без меня? - И мрачно добавил: - Остается еще девушка - вот это проблема!

Криспин поднялся.

- Самая незначительная из всех моих проблем. Священник разрешит ее.

- Священник? Слава Богу! - воскликнул Хоган. - Как, ты говоришь, священник?

- Да, священник. Я слышу ее шаги на лестнице. Гарри, будь добр, оставь меня.

Синтия появилась на пороге. Хоган пропустил ее в комнату и молча удалился.

Улыбаясь, она подошла к Криспину.

- Что случилось? - спросила она. - Плохие вести? Слабая улыбка мелькнула на его бледных губах.

- Плохие вести? Разве можно когда-нибудь с уверенностью сказать, плохие это вести или хорошие? Но это вести, которые заставляют страдать.

Ее глаза были полны нежности, а теплый, мелодичный голос успокаивал и пьянил.

- Я помогу тебе перенести их, любимый! - ласково проговорила она и упала в его объятия.